

ЗАБАЙКАЛЬЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ

Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации
Забайкальский государственный университет

ЗАБАЙКАЛЬЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ

*IX Межрегиональная
научно-практическая конференция*

*27 ноября 2020 г.
г. Чита*

Чита
ЗабГУ
2020

УДК 93/94:902(571.55)(082)
ББК 63.3:63.4(2Рос-4Чит)я43
ББК Т3:Т4(2Рос-4Чит)я43
3 12

Рекомендовано к изданию организационным комитетом
научно-практического мероприятия
Забайкальского государственного университета

Редакционная коллегия

О. А. Яремчук, канд. ист. наук, доцент

Н. Г. Дятчина, специалист по учебно-методической работе

Д. Н. Беспалько (отв. редактор), канд. ист. наук, доцент

3 12

Забайкалье историческое : материалы IX Межрегиональной научно-практической конференции / Забайкальский государственный университет ; [ответственный редактор Д. Н. Беспалько]. – Чита : ЗабГУ, 2020. – 172 с.

ISBN 978-5-9293-2668-4

В сборнике материалов IX Межрегиональной научно-практической конференции, которая проводилась 27 ноября 2020 г. в Забайкальском государственном университете, опубликованы тезисы докладов преподавателей, магистрантов и студентов по истории и археологии Забайкалья. В материалах сохранена авторская стилистика.

Издание предназначено для преподавателей и обучающихся по направлениям 46.06.01 *Исторические науки и археология (Отечественная история)*, 44.04.01 *Педагогическое образование (Историческое образование)*, 44.03.01 *Педагогическое образование (Историческое образование)* и всех интересующихся вопросами истории Забайкалья.

УДК 93/94:902(571.55)(082)

ББК 63.3:63.4(2Рос-4Чит)я43

ББК Т3:Т4(2Рос-4Чит)я43

ISBN 978-5-9293-2668-4

© Забайкальский государственный университет, 2020

Содержание

Актуальные проблемы истории Забайкалья

<i>Беспалько Д. Н.</i> Практика обогащения охотничье-промысловой фауны Тунгиро-Олекминского района в 1950-е годы путем восстановления исходного пушно-мехового ресурса	5
<i>Казанцева Н. Г.</i> Таможенные органы Забайкалья в борьбе с незаконным перемещением запрещенных товаров в начале XX века	12
<i>Ковычев Е. В.</i> Дарасунская археологическая культура: к истории раннего средневековья Забайкалья	16
<i>Ляпустин С. Н.</i> О противоречиях между таможенными учреждениями и органами милиции ДВР в г. Верхнеудинске в организации борьбы с контрабандой (20-е годы XX века)	21
<i>Мороз П. В., Истомин Ю. О., Гордеенко А. Р.</i> О магистральных стратегиях применения минерального сырья в каменном веке Забайкалья	28
<i>Мурлина О. С.</i> Использование поездов специального формирования НКПС в годы Великой Отечественной войны на примере Читинского поезда по ремонту и восстановлению средств водоснабжения (водрем № 10)	32
<i>Самсонов Д. Е.</i> Американская военная интервенция в Забайкальской области (1919–1920)	41
<i>Севостьянова Е. В.</i> Общественные объединения в Чите в период Гражданской войны и режима атамана Г. М. Семенова (1918–1920): основные направления деятельности	47
<i>Скажутин Д. В.</i> Деятельность комитетов Забайкальского отделения Российского общества Красного Креста по оказанию материальной помощи воинам и подготовке медицинского персонала в годы Русско-японской войны 1904–1905 годов	54
<i>Стариков И. В.</i> Антибольшевистские воинские формирования Забайкальского казачьего войска в 1918–1920 годы	59
<i>Цырендашиев Ж. Ж.</i> Развитие торгового обслуживания г. Гусиноозерска в 1960–1970-е годы	65
<i>Шайхудинова Е. М.</i> Процесс добычи и переработки молибденового концентрата на Шахтаминском молибденовом предприятии в годы Великой Отечественной войны	71

История образования и культуры Забайкалья

<i>Бушуева Е. С.</i> Нерчинский Успенский мужской монастырь как место ссылки высокопоставленных иерархов Русской православной церкви (на примере Георгия-Гедеона Дашкова)	77
<i>Василенко А. В., Шаламов В. А.</i> Современные проблемы музеев под открытым небом и работа с природным наследием на примере музея «Тальцы»	84
<i>Васильева Т. Г.</i> История учительской судьбы А. С. Боровской	90
<i>Волочаева А. В.</i> Организация питания и вещевого довольствия на Нерчинской уголовной каторге во второй половине XIX века	95
<i>Григорян Т. В.</i> Особенности научных исследований забайкальского ученого В. А. Кобылянского	101
<i>Дроботушенко Е. В.</i> Православие в автономных советских социалистических республиках на территории Восточной Сибири в начале 1950-х годов	107
<i>Климов Г. Ф.</i> История развития лесного образования в Забайкалье	114
<i>Косых В. И.</i> Благотворительная деятельность Харбинской епархии в 1930-е годы	124
<i>Макаров Р. В.</i> Образ Забайкалья как «русской Бразилии» в представлении нерчинской интеллигенции в первой половине XIX века	128
<i>Паук Е. А., Старицына В. А.</i> Деятельность российского общества Красного Креста в Забайкалье в период русско-японской войны 1904–1905 годов	131
<i>Пряженникова М. В., Резников В. В.</i> Хозяйственно-бытовое обслуживание Читинского государственного педагогического института в годы Великой Отечественной войны	138
<i>Резников В. В.</i> Деятельность исторического факультета Читинского государственного педагогического института в конце 1940-х – 1950-е годы	144
<i>Скрягина Е. В.</i> Введение раздельного обучения в советской школе (на примере учебных заведений г. Читы)	148
<i>Шаламов В. А.</i> Деятельность Российского общества Красного Креста в Забайкалье в 1920-е годы	153
<i>Шеломенцева К. А.</i> Организация работы пионерских лагерей в Карымском районе Читинской области в 1944 году	159
<i>Яремчук О. А., Батаев Д. Ю.</i> Основные вопросы деятельности Читинского государственного педагогического института в 1941 году (по протоколам заседаний Учёного совета)	165

Актуальные проблемы истории Забайкалья

УДК 639.1.07

*Д. Н. Беспалько,
канд. ист. наук, доцент,
Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия*

Практика обогащения охотничье-промысловой фауны Тунгиро-Олекминского района в 1950-е годы путём восстановления исходного пушно-мехового ресурса

Соболиная пушнина являлась ключевым фактором освоения северных районов Забайкалья русскими землепроходцами и формирования бригадной основы организации труда. Но бесконтрольная эксплуатация этого ресурса привела в начале XX в. к полному истреблению соболя и, как следствие, упадку техники групповой эксплуатации промысловых угодий. В условиях колхозного охотстроительства 1930-х гг. возникла потребность в возрождении прежних охотничьих коллективов, что существенно усложнялось без восстановления условий их появления как таковых. Требовалось проведение комплекса мероприятий по обогащению промысловой фауны и возвращению вида в естественную среду обитания.

Ключевые слова: *Тунгиро-Олекминский район, охотоведческая экспедиция, организация труда, соболиная пушнина, пушно-меховое сырьё*

D. N. Bepalko,
*Candidate of Historical Sciences, Associate Professor,
Transbaikal State University
Chita, Russia*

The Practice of Enriching the Hunting and Fishing Fauna of the Tyngiro-Olekminsky District in the 1950-s by Restoring the Original Fur Resource

Sable fur was a key factor in the development of the Northern regions of Transbaikalia by Russian explorers and the formation of a brigade basis for labor organization. But the uncontrolled exploitation of this resource led to the beginning of the XX century. to the complete destruction of sable, and as a result, the decline of technology group exploitation of fishing grounds. In the conditions of collective-farm hunting in the 1930s, there was an urgent need to revive the former hunting collectives, which was significantly complicated without restoring the conditions for their appearance as such. It was necessary to carry out a set of measures to enrich the commercial fauna and return the species to its natural habitat.

Keywords: *Tyngiro-Olekminsky district, hunting expedition, labor organization, sable fur, fur raw materials*

Территория Тунги́ро-Олекминского района, будучи частью Восточного Забайкалья, в сер. XVII в. вошла в состав Российского государства, и располагая огромными запасами пушно-мехового сырья, стала важнейшим центром добычи и поставки пушнины на общероссийские и международные ярмарки. Речь идёт, прежде всего, о шкурках соболя Витимского кряжа, наиболее ценного вида, превосходящего по качеству мехового покроя даже Баргузинский. В виду отсутствия установленных правил производства охоты и борьбы с браконьерством, к нач. XX в. соболь в районе был практически выбит и потерял своё промысловое значение. Вместе с ним исчезли и постоянные объединения охотников – бригады, т. к. организация труда соболятника предполагала групповые методы охоты. Заготовка менее ценных видов пушного сырья, например, белки и тарбагана, опиралась преимущественно на индивидуальный характер эксплуатации угодий [1, с. 53–65].

Сравнительный анализ материалов землеустроительных экспедиций 1930-х гг. [4] и сведений, собранных охотоведами в нач. 1950-х гг. [5; 6] путём опроса охотников-старожилов из местных селений, позволяет утверждать, что до кон. XIX в. в районе существовали десятки первичных объединений промысловиков, специализирующихся исключительно на добыче соболя. Средняя по численности промысловая группа из 3–7 человек за сезон, длящийся с сентября по март, заготавливала 6–7 шт. соболиных шкур [6, л. 82]. Для сравнения показателей количественного выхода можно привести пример из первой пол. XVIII в, когда участник Академического отряда С. П. Крашенинников в работе «О витимском соболином промысле» указывал, что в северных бригадах Забайкалья, состоящих до 40 человек, каждый охотник мог заготовить в среднем 10 шкурок витимского соболя [10, с. 255–269]. В нач. XX в. ситуация становится критической, витимский соболь исчезает из списка товаров присутствующих даже на ярмарках сибирского значения. В 1920-е гг. отдельные особи зверька обитали в долине р. Ср. Моклы, а в 1928 г. на р. Нюкже случайным образом добыты 2 экземпляра. Затем, по наблюдению охотников-соболятников, зверёк мог сохраниться в крайне незначительном количестве на территории Вершино-Олекминского сельсовета. Следующий зафиксированный случай обнаружения присутствия соболя приходится уже на 1949 г. по р. Джелтукте, в 1951 г. на реках Амнунакте и Венегер (притоки Олекмы). Все эти соболи, по-видимому, пришли из соседнего Тунгокоченского района, где его выпускали в нач. 1950-х гг. [6, л. 82–83].

К проведению реакклиматизации подталкивало важное обстоятельство, район по своему экономическому базису принадлежал больше к охотничье-промысловому направлению, нежели сельскохозяйственному, и доходы от него играли в бюджете колхозов основную роль. В начале 1950-х гг. стремительно развивается процесс нового охотустройства коллективных хозяйств Забайкалья, при котором обширные промысловые угодия стали закрепляться за колхозами [7, л. 77–82]. Для их регулярной эксплуатации требовались крепкие промысловые объединения, способные выполнять в полном объёме спускаемые Читинской областной администрацией плановые задания. Но вернуть такие объединения, как показала практика 1930–1940-х гг., представлялось возможным лишь путём создания условий первопричины их возникновения, т. е. заготовки

соболиной пушнины [2, с. 66–76]. Но надеяться на естественное восстановление численности поголовья соболя в течение 10–20 лет было нельзя, требовались решительные меры по реконструкции промысловой фауны.

Руководствуясь Постановлением Совета Министров СССР от 26 октября 1951 г. за № 4092 Читинское областное управление охотничьего хозяйства совместно с Читинским облисполкомом проводили с 1 сентября по 20 декабря 1952 г. районное охотустройство. Значительную часть подготовительной работы осуществили читинские охотоведы Д. П. Ровенский и А. Г. Ситников: намечали на картах участки для будущего выпуска племматериала, занимались его отбором в зверосовхозах Бурятии и Хабаровского края, осуществляли выпуск. Помогали присланные из Москвы специалисты в лице охотоведа Л. А. Попова, назначенного начальником охотостроительной партии и практикантка московского пушно-мехового института Л. М. Воротникова [6, л. 47]. На Л. М. Воротникову в частности, возлагалась обязанность в течение сентября 1952 г. провести обследование юго-западной части района, с целью найти места, пригодные для реакклиматизации соболя. Общий маршрут должен был пролегать следующим образом: **1-я часть пути** – от пос. Тупик вверх по р. Тунгиру до устья реки В. Мармачи, с двумя маршрутными ходами: 1-й вверх по реке Черемка, 2-й вверх по реке Ганакген. **2-я часть пути** – вверх по р. В. Мармачи до её истока, перевалить Тунгирский хребет и по р. Олонгре спуститься к р. Олекме. **3-я часть пути** – вниз по р. Олекме до устья р. Мусжулто. От устья р. Мусжулто возвратиться в пос. Тупик [Там же, л. 64]. В ходе работ, маршрут приходилось неоднократно корректировать и благодаря помощи эвенкийских охотников-проводников составить наиболее удобные пути подхода к намеченным участкам обследования. Общая протяжённость маршрута составила почти 300 км.

Основным промысловым видом в районе являлась белка якутского кряжа (хотя не все охотники были согласны с данным определением, часто относя зверька к забайкальской разновидности), по отношению к ней все охотугодия подразделили на следующие типы: **1-й тип** – ценные уголья, состоящие из лиственничных насаждений: а. узкие полосы прируслового леса по долинам (местное эвенкийское название «Тенке»); б. отдельные густые поросли по невысоким сопкам («Летчека»); в. большие долины между сопками («Огдан»); г. лиственнично-сланцевые насаждения. **2-й тип** – менее

ценные угодья: а. лиственничные возобновления по старым гарям, густо перемешанные с берёзой Миддендорфа и зарослями рододендрона («Мучуг»); б. однородные смешанные возобновления, состоящие из лиственницы, берёзы, ивы, осины и сосны («Нернутах»). **3-й тип** – малоценные угодья: а. сосняки («Джагдах»); б. березняки («Чалбух»); в. болота («Кыбыр») [6, л. 35–37]. Если вычсть площадь малоценных угодий, то площадь пригодная для обитания соболя составляла порядка 39820 км². Кормовая база признана годной. Конкуренцию мог составить разве что колонок. Места выпуска определили следующие: районы перевалов Евелья-Солокит и Джелтук-Карав, между падями р. Олонгро и р. Конгорина (район водораздельного Тунгирского хребта, разделяющего рр. Тунгир и Олекму). Существенную организационно-техническую проблему составило отсутствие необходимых подъездных путей доставки племматериала. Никаких дорог к намеченным местам выпуска не было, существующие в прошлом тропы зверопромышленников давно заросли. Добраться до мест можно было только на оленях. Наилучшими месяцами для выпуска определили август-сентябрь, когда у соболя будет наилучшая кормовая база и возможность подготовиться к зимовке. Но в конечном итоге принимается решение в пользу весеннего выпуска.

По сохранившейся архивной версии племенных соболей отлавливали в Выдринском зверосовхозе БМАССР [9, л. 2], но забайкальский охотовед Е. Б. Самойлов считает, что зверьков изначально доставили из Верхнебуреинского района Хабаровского края [11, с. 252]. Общие затраты на приобретение и транспортировку, кормление и уход, охрану и наблюдение за выпущенным поголовьем, по сравнению с аналогичными мероприятиями 1950 г. проводившимися в Тунгокоченском районе, сократились более чем в 5 раз [3, с. 35]. Транспортировка племматериала осуществлялась поэтапно: сначала пассажирским поездом, затем на машине ЗИС-5 и оленях (на нартах и вьючно).

Первично-плановая интродукция состоялась весной 1953 г. 16 марта в пос. Могоча была произведена приёмка соболей, а 19 марта племматериал перебросили в с. Тупик, откуда до места выпуска двигались исключительно на оленях. Кормление в пути: дневной рацион до выезда из Тупика в угодья состоял из мяса 150–175 г, кедровых орех 10–15 г, голубики 15–20 г. После выезда в угодья рацион состоял исключительно из мяса. Проводилось кольцевание беличьими

серёжками серии «В», чего не применяли ранее в Тунгокоченском районе. В конце марта по верхнему течению р. Тунгира выпускается 104 соболя и весной 1954 г. в верхнем течении р. Олекма и частично по р. Тунгир 180 соболей. Всего за два раза выпустили 284 зверька [9, л. 2–19].

Несмотря на то, что кормовая база в момент выпуска находилась далеко не в лучшем состоянии, охотоведы были твёрдо уверены в успехе предприятия. Дополнительную надежду давало то обстоятельство, что в верхнюю часть Тунгира соболи пришли из верхней Нерчи, где они выпускались в 1950–1951 гг. Прогнозируемая численность соболя, через 5–6 лет должна была достигнуть промыслового значения (при условии дополнительных выпусков).

В 1953–1954 гг. отделом охоты Областного управления сельского хозяйства проводилась новая экспедиция. В её задачи входило выявление новых мест для выпуска в районе р. Ср. Мокла с её притоками и учёт выпущенных соболей. В состав экспедиции входили начальник отдела охоты областного управления сельского хозяйства П. С. Зимин и студент 5-го курса охотоведческого факультета Иркутского сельскохозяйственного института В. З. Вахрушев, проходивший практику в РЗК «Заготживсырьё» [8, л. 1]. Для выявления численности размножившегося поголовья рабочая группа пользовалась методикой учёта на пробных площадях, т. е. производя обход заложенных «пробников» в различных направлениях и фиксации соболиного следа. Учитывая опросные данные и личные наблюдения, установили, что занимаемая соболем площадь равнялась в среднем 6700 км². Плотность заселения 0,76 особи на 10 км², или около 500 особей [Там же, л. 24–25]. Практика выпуска продолжалась до 1958 г. Всего проведено 8 выпусков, более 900 соболей. Вводился 5-летний запрет на добычу соболиной пушнины, создавались охранные кордоны. Данные меры позволяли надеяться, что на территории района к нач. 1960-х гг. появится более 3000 особей и соболиная пушнина вновь начнёт играть в заготовках одно из ведущих мест. Строились смелые предположения, что увеличение численности соболя и его возрастание в заготовках, вызовет необходимость создания соболиных охотничьих хозяйств, для правильной эксплуатации этого ценного промыслового вида [Там же, л. 29]. Однако, как показало дальнейшее развитие всего комплекса охотничье-промысловой отрасли Читинской области, такие хозяйства

не возникли в силу ограниченности материально-технических и кадровых ресурсов.

Выпуски соболя на территории Тунгино-Олекминского района в 1953–1958 гг. заложили основу для районного восстановления промыслового значения вида. К 1960-м гг. плотность зверька достигла уровня XVII в., или 1,5–2 особи на км², когда средний выход составлял 1 шкурку с 1000 га. Возвращение соболя также способствовало более надёжному и долгосрочному развитию организации труда в виде бригадной основы эксплуатации угодий и повышению материального уровня благосостояния семей охотников.

Список литературы

1. Беспалько Д. Н. История развития соболиного промысла на территории Восточного Забайкалья (середина XVII века – 1960-е годы) // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2019. № 4. С. 53–65.
2. Беспалько Д. Н. Проблемы организации труда в охотничье-промысловом хозяйстве на севере Читинской области в 1930 – начале 1950-х гг. // Genesis: исторические исследования. 2018. № 7. С. 66–76.
3. Беспалько Д. Н. Реаклиматизация соболя Витимо-Олекминского очага на территории Читинской области в 1950-е годы (на примере Тунгокоченского района) // Гуманитарные аспекты охоты и охотничьего хозяйства. 2019. № 4. С. 30–40.
4. ГАЗК. Ф. Р-1649 (Управление охотничьего хозяйства администрации Читинской области). Оп. 1. Д. 2.
5. ГАЗК. Ф. Р-1649. Оп. 1. Д. 36.
6. ГАЗК. Ф. Р-1649. Оп. 1. Д. 53.
7. ГАЗК. Ф. Р-1649. Оп. 1. Д. 55.
8. ГАЗК. Ф. Р-1649. Оп. 1. Д. 60.
9. ГАЗК. Ф. Р-1649. Оп. 1. Д. 61.
10. Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки. М.; Л.: Главсевморпуть, 1949. 847 с.
11. Самойлов Е. Б. Записки охотоведа. Чита: Поиск, 2004. Кн. 2. 295 с.

*Н. Г. Казанцева,
д-р ист. наук, доцент,
Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия*

Таможенные органы Забайкалья в борьбе с незаконным перемещением запрещённых товаров в начале XX века

В статье особое внимание уделено отдельным случаям задержания контрабанды и деятельности таможен. Изучение опыта работы таможенных учреждений в границах Забайкальского региона позволяет выявить особенности применения правовых предписаний российского государства в борьбе с незаконными деяниями в пунктах пропуска через государственную границу.

Ключевые слова: таможенные учреждения, таможня, контрабанда, Забайкалье, запрещённые товары

*N. G. Kazantseva,
Doctor of Historical Sciences, Associate Professor,
Transbaikal State University,
Chita, Russia*

Customs Authorities of Transbaikalia in the Fight Against Illegal Movement of Prohibited Goods in the Early XX Century

In this paper attention is paid to individual cases of detention and smuggling activities customs. The study of the experience of customs authorities on the territory of Transbaikalia allows us to identify the features of the application of legal regulations of the Russian state in the fight against illegal acts at checkpoints across the state border.

Keywords: customs institutions, customs, smuggling, Transbaikal region, prohibited goods

Каждое государство заинтересовано в установлении качественного уровня государственной безопасности, как правило, основным способом его поддержания является создание правовых предписаний и осуществление контроля за их реализацией. Пункты пропуска через государственную границу являлись объектом особого государственного контроля, как в истории, так и сегодня,

что обусловлено правоохрнительными и фискальными задачами любого государства. С последними, как правило, справлялись контрольно-надзорные органы. К ним можно относить различные государственные и местные структуры, но мы уделим внимание таможенным органам, к функциям которых относится обеспечение государственной безопасности посредством контроля за перемещением товаров в пунктах пропуска через государственную границу. Данная функция имеет весьма серьёзное значение и не теряет своей актуальности, при этом причины незаконного перемещения товаров весьма очевидны и чётко просматриваются при анализе норм российского законодательства, прежде всего – это нежелание платить установленные государством таможенные пошлины и желание получить прибыль за вывоз/ввоз запрещённых товаров.

На территории Забайкалья в рассматриваемый исторический период функционировали Кяхтинская, Сретенская и Маньчжурская таможни с подконтрольными им таможенными постами. Таможенные учреждения с проблемой ввоза/вывоза запрещённых товаров сталкивались регулярно, что подтверждается ведомственной перепиской [4].

При наличии весьма обширной нормативной базы практическая деятельность таможенных чиновников выявляла массу правовых пробелов. По этой причине и с целью качественного регулирования деятельности таможенных органов создавались особые правовые установления, адекватные региональной специфике. Например, в документе созданным, в том числе для Забайкальской области от 18 февраля 1910 г. [5] разъяснялось понятие контрабанды, и устанавливался перечень товаров, запрещённых к ввозу и вывозу.

Способы незаконного перемещения использовались самые различные, наиболее распространённый – это сокрытие товаров способами, затрудняющими их выявление, а также придание одним товарам вида других, использование подложных документов и средств идентификации. С внедрением железнодорожного сообщения появлялись новые способы: заполнение товаров пустот и полостей транспортных, закладка за внутреннюю обшивку вагона и др. Приведём лишь один пример из практики работы таможни – перемещение опиума, отнесённого к запрещённым товарам, которое, как правило, осуществлялось под видом «аптекарского товара». Особое внимание к этому товару было обусловлено подписанием

7 июня 1915 г. императорского Указа «О мерах по борьбе с опиумом». В переписке инспектора Читинского таможенного участка регулярно указываются сведения подобного характера. «...Приняв меры наблюдения ... я обнаружил и задержал ... две отправки наименованные отправителем сухим аптекарским товаром, оказавшийся в действительности опиум...» [3, л. 127].

Обязанность предоставления сведения о ходе борьбы с перемещением товара, запрещённым к ввозу и вывозу предусмотрена Циркулярами Департамента таможенных сборов подконтрольного Министерства Финансов от 24 декабря 1910 г. за № 576, 17/18 февраля и 6 апреля 1913 г. за № 7522 и № 147111. На основании Циркуляров, таможенный инспектор Читинского таможенного участка А. В. Волынцевич-Сидорович по каждому полугодию предоставлял отчётные сведения. В одном из отчётов за 1913 год он пишет: «...В первую половину сего года в районе вверенного мне инспекторства, а также ведомости, полученные от учреждений ведущих конфискационное производство, имею честь донести Департаменту Таможенных сборов, что в минувшем полугодии было 733 случаев задержаний контрабандных товаров по оценке 38061 рублей из коих в черте действий таможенных учреждений 340 случаев по оценке на 2128 руб. и вне черты действий сих учреждений 393 случаев по оценке на 35933 руб. в том числе и товары обнаруженные при обыске. Из числа показанных задержаний 234 случая по оценке на 16724 руб. сделаны в пограничной черте и 84 случая по оценке на 11428 руб. за пограничной чертой. Выемок сделано: в пограничной черте 30 по оценке на 6809 руб. и за упомянутой чертой 46 случаев по оценке 972 руб. В число 733 случая входят задержания без проносителей: случаев таких было 61 по оценке задержанных товаров на 3965 руб. почти все задержания товаров без проносителей совершены чинами Маньчжурской таможни и Борзянского таможенного поста в пределах Забайкальской железной дороги. Из вышеперечисленных задержаний 637 случаев по оценке товаров на 33668 рублей произведены чинами таможенного ведомства: 32 случая по оценке товаров на 388 руб. чинами акцизного ведомства и 64 случая по оценке на 4005 руб. Чинами полиции и других ведомств...» [2, л. 312].

Приведённые цифры указывают на развитие в пределах Забайкальской области контрабандного промысла, объёмах перемещений и специфике перемещений.

Реализация государственных задач по борьбе с незаконным перемещением на территории Забайкалья сопровождалась комплексом сложностей, на которые местные таможенные чиновники пытались обратить внимание Департамента таможенных сборов и органов регионального управления. Так, например, таможенный инспектор Читинского таможенного участка Волинцевич в ряде отчётов обращал внимание на главную проблему таможенных учреждений Забайкалья – кадрового, организационного и материального обеспечения: «...посты в районе Кяхтинской таможни жалуются на недостаточный состав досмотрщиков, а главным образом лошадей. Кроме того западная часть сего района между Джидинским постом и Иркутской губернией на протяжении около 300 верст, где расположены Атамано-Николаевская и Цакирская станицы совершенно не защищён в таможенном отношении, почему на этом протяжении необходимо будет открыть два таможенных поста» [2, л. 314]. В этом же документе Волинцевич пишет «... По вопросу о том, насколько правильно распределены таможенные учреждения в сем районе... отвечают ли своему назначению., а также достаточен ли численный состав таковых или же нуждается в увеличении представляется возможным определённо высказаться лишь при посещении и ознакомлении на месте с этим районом. ...» [Там же].

Многочисленные обращения таможенных чиновников по названным проблемам не приводили к желаемому результату, штаты не менялись, лишь в единичных случаях из близлежащих таможенных органов прикомандировывались чиновники. Материальные вопросы по потребностям таможен также не решались, финансирование таможенных учреждений региона практически сохранялось на прежнем уровне. Сохранялся и факт противостояния таможенных чиновников и местного населения. Как писали представители таможенного чиновничества «...как и в прошлые года провоз контрабанды производился по преимуществу материально необеспеченными казаками забайкальской области небольшими сравнительно партиями для сбыта местному населению... » [Там же, л. 44]. И изменить данную ситуацию оказалось невозможно.

В итоге следует отметить, что деятельность таможенных чинов по контролю за перемещением запрещённых товаров имела важнейшее значение в обеспечении общегосударственных задач по поддержанию правопорядка и безопасности, при этом осуществлялась в крайне сложных и неблагоприятных условиях. Осуществляя свои

функции, таможенные органы сталкивались с целым рядом нерешаемых проблем, которые, безусловно, сказывались на результативности деятельности региональных таможенных учреждений и специфике незаконного перемещения товаров в регионе.

Список литературы

1. ГАЗК (Государственный архив Забайкальского края). Ф. 78. Оп. 2. Д. 23.
2. ГАЗК. Ф. 78. Оп. 2. Д. 25.
3. ГАЗК. Ф. 78. Оп. 2. Д. 37.
4. ГАЗК. Ф. 42. Оп. 1. Д. 36.
5. Сборник узаконений и распоряжений по таможенной части в Приамурском крае и Восточной Сибири по 1 января 1912 г. СПб., 1912.

УДК 902

Е. В. Ковычев,
канд. ист. наук, доцент,
Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия

Дарасунская археологическая культура: к истории раннего средневековья Забайкалья

Дарасунская археологическая культура характеризует период раннего средневековья Забайкалья (VI–IX вв.). Она связана с тюркоязычными племенами «токуз-татар» и «байырку», оставившими глубокий след в истории данного региона.

Ключевые слова: *Забайкалье, дарасунская культура, племена «токуз-татар», «байырку»*

E. V. Kovychev,
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor,
Transbaikal State University,
Chita, Russia

Darasun Archaeological Culture: to the History of the Early Middle Ages of Transbaikal

Darasun archaeological culture is representative of the period of the early Middle Ages of Transbaikalia in the VI–IX centuries. It is associated with the “Tokuz-Tatars” and “Bajargu”, who left a deep mark in the history of this region.

Keywords: *Transbaicalia, darasun culture, “Tokuz-Tatars”, “Bajargu”*

В средневековой истории Восточного Забайкалья в настоящее время выделены четыре археологические культуры: бурхотуйская (IV–IX вв.), дарасунская (VI–IX вв.), раннемонгольская (X–XIV вв.) и ундугунская (XII–XV вв.) [4, с. 82–83, 109–110, 257–258, 296–297]. Каждая из этих культур характеризует определённый этап в историческом развитии края, а вместе с тем позволяет реконструировать систему социально-экономических, политических и культурных отношений не только внутри данного региона, но нередко и за его пределами. Дело в том, что на протяжении всего этого времени, многочисленные волны кочевников, выплскивались за пределы Забайкалья и соседней Монголии и появлялись в разных районах Дальнего и Ближнего Востока, Срединной Азии и даже в Восточной, Центральной и Западной Европе. История контактов их с местным населением фиксируется в многочисленных документах восточных и западных историков начиная уже с хунно-сяньбийского времени (кон. III в. до н. э. – IV в.), а к моменту формирования дарасунской культуры, таких сведений становится намного больше. Племена этой культуры входили в обширную конгломерацию тюркоязычных народов Забайкалья, Монголии и Южной Сибири и в периоды существования тюркоязычных государств принимали активное участие в событиях второй половины I тысячелетия [2, с. 69–73]. Китайские хроники и тексты рунических надписей, оставленные на погребальных памятниках Монголии, прямо свидетельствуют об этом.

Именно эти данные, сопоставленные с археологическими материалами, позволяют судить об особенностях ранней средневековой истории данного региона. Мы не касаемся при этом вопросов, связанных с правомерностью употребления термина «средние века», который обычно используется в европейской историографии и не всегда может применяться к истории кочевых народов, развивавшихся по собственной парадигме. Однако хронологически, а также в силу указанных выше контактов, использование данного термина возможно. Поэтому, время существования дарасунской археологической культуры мы относим к раннему средневековью Забайкалья и характеризуем как период генезиса и существования тюркоязычных в основе групп забайкальских племён токуз-татар («девять татар») и байырку (кит.: «байегу», «баигу»), выступавших

противниками алтайских, а затем и орхонских тюрок-туغو [2, с. 67]. Последние в степях Монголии и Южной Сибири во второй половине I тыс. (552–744) создали мощные кочевые империи (каганаты), с которыми вели борьбу селенгинские уйгуры («токуз-огузы»). В союзе с уйгурами действовали указанные выше токуз-татары и байырку.

Однако, в отличие от токуз-татар, проживавших в лесостепной зоне Забайкалья, по обе стороны Яблонового хребта – в широкой полосе от Еравненских озёр до верховьев р. Шилки, стоябища байырку на западе располагались ближе к местам расселения уйгуров – в пределах Северной Монголии (верхнее течение р. Онон); на востоке – по степному Забайкалью вплоть до района озёр Зун-Торей, Барун-Торей и соседней Аргуни. Здесь проходила восточная и северо-восточная граница расселения байырку. На северо-востоке – в районе среднего течения р. Онон и его левого притока р. Ага, их владения соприкасались с владениями токуз-татар. Не случайно, поэтому, в письменных источниках (орхонских рунических надписях) присутствует сообщение о жестоком поражении байырку в сражении с тюрками-туغو в 706 г. «при озере Тюрги-Яргун», которое исследователи отождествляют с оз. Торей [1, с. 311]. Позднее – в 724 г. уже токуз-татары в союзе с токуз-огузами (уйгурами) потерпели два жестоких поражения близ местечка Агу, которое прямо связывают с современной р. Ага и долиной Ага [5, с. 18]. Все три сражения, таким образом, проходили на границах расселения двух указанных племенных группировок. Для байырку это поражение, очевидно, сыграло трагическую роль, поскольку с IX в. в письменных источниках они уже не упоминаются. Первоначальные районы обитания их в Восточном Забайкалье были утрачены и в уйгурское время они перемещаются в районы Восточного Туркестана [2, с. 72], а также юга Восточной Сибири, где распространяются этнонимы «иркут», «иркит», «иргит» [5, с. 19]. Ещё одним новым районом могла быть Баргузинская степь, в которой Рашид-ад-дин размещает племя «баргут».

Что касается токуз-татар, то на востоке ближайшими соседями их были монголоязычные отуз-татары («тридцать татар»), оставившие памятники бурхотуйской археологической культуры. Эти памятники распространены в бассейнах рр. Ингоды, Шилки, Нерчи, Куэнги и Онона. В бассейнах Нерчи и Куэнги располагаются самые крупные бурхотуйские могильники, насчитывающие до 100 и более погребений. Мы считаем, что ими обозначены основные места

дислокации отуз-татар, поскольку к югу и западу количество таких погребений значительно сокращается. На этом, скорее всего, отразилось и указанное выше соседство с другими племенами, и трудности перехода к специфическим для степных районов формам хозяйствования.

С другой стороны, обращает на себя внимание тот факт, что общая хронология сооружений памятников бурхотуйской и дарасунской культур во многом совпадает. При этом, дарасунские погребения нередко выявляются даже в составе бурхотуйских могильников, а это указывает не только на периодичность появления бурхотуйских и дарасунских племён в местах сооружения таких некрополей, но, видимо, и на существование особых отношений друг с другом. Ничего удивительного в этом нет, поскольку эти отношения базировались на политических союзах их в борьбе против господствовавших в степи династий.

Как правило, такие союзы подкреплялись матримониальными связями, а это позволяло различным в этническом и культурном отношении племенам без особых конфликтов существовать бок о бок и использовать с известной периодичностью одни и те же угодья. Прямым свидетельством хронологического размежевания указанных объектов является то, что дарасунские курганы обычно располагаются на периферии бурхотуйских могильников. В истории кочевых народов известно немало случаев использования чужих некрополей в качестве мест захоронения умерших другими племенами, когда они появлялись в новых районах. С такими фактами мы, видимо, сталкиваемся и здесь.

Особенно это касается племён токуз-татарской группы. На это обратил внимание ещё С. Г. Кляшторный, который писал, что между токуз-татарами и токуз-огузами (уйгурами) существовала «небезинтересная тесная политическая связь». «В 40-х годах VIII в. – писал он, – они, вместе с другими огузскими племенами участвуют в гражданской войне внутри каганата, а после краха уйгурского каганата, вместе с токуз-огузами мигрируют в Восточный Туркестан [2, с. 42]. Эту же связь токуз-татар с токуз-огузами подметил и Г. Е. Грумм-Гржимайло [1, с. 321], указавший также, что токуз-татар знали и китайцы, а в китайской летописи «Ган-му» это племя соотносится с 1005 годом.

Погребения дарасунской культуры обозначены на поверхности уплощёнными, округлой формы каменными одно- и двухслойными

выкладками, диаметром до 3 м. Умерших погребали на правом или левом боку, с согнутыми руками и ногами; головой ориентировали на север и северо-восток, реже – в другом направлении. В сопроводительном инвентаре присутствуют предметы конской упряжи (стремена, удила, остатки уздечных и сбруйных ремней, украшенные бронзовыми бляшками), вооружения (железные наконечники стрел и латные пластины), различные украшения (бусы, бронзовые и серебряные серьги с висюльками, кулоны и т. д.). В районе головы и груди умершего нередко помещалась жертвенная пища – обычно лопатка барана, в которую втыкался железный нож. Керамические сосуды встречены лишь в некоторых погребениях, но многие фрагменты их попадают в засыпке могильных ям, что свидетельствует о преднамеренной (скорее всего ритуальной) порче их в момент погребения. В общей массе, инвентарь находит прямые аналогии в материальной культуре древних тюрок во всех районах их расселения.

Зато с инвентарём из бурхотуйских погребений таких аналогий не отмечено. Различия наблюдаются даже в характере погребальной обрядности: племена бурхотуйской культуры хоронили своих умерших вытянуто, на спине, головой по западному сектору и в изголовье им ставили глиняные сосуды, а племена дарасунской культуры – на боку, в скорченном положении, головой по северному (северо-восточному) сектору. Различия, как видим, существенны. Даже керамика, как наиболее массовый материал в бурхотуйских курганах, ближайšie аналогии находит среди керамики шилкинских и верхнеамурских городищ и только в некоторых случаях в керамике уйгуров, которые проживали в бассейне р. Селенги и для местных племён были союзниками в борьбе с тюрками-тугю, а затем кыргызами и киданями. История их взаимоотношений заслуживает отдельного рассмотрения.

Что касается дарасунских памятников, то они различаются между собой по форме положения умерших в могильных ямах, а иногда и по составу погребального инвентаря. Более 60 раскопанных на сегодняшний день погребений содержат костяки, уложенные на правый бок, в сильно скорченном положении и не более 17 – на левый бок, с небольшой степенью скорченности. Возможно, такие различия содержат какую-то важную информацию о социальном, этническом, или культурном различиях, но имеющихся на сегодняшний день сведений не хватает для полных и обоснованных выводов. Мы можем отметить только, что погребальный обряд,

связанный со скорченной формой захоронения умерших, имеет в Забайкалье древние традиции и уходит корнями в эпохи каменного и бронзового веков.

Список литературы

1. Грумм-Гржимайло Г. Е. Западная Монголия и Урянхайский край. Т. 2. Исторический очерк этих стран в связи с историей Средней Азии. Л., 1926. 896 с.
2. Кириллов И. И., Ковычев Е. В., Кириллов О. И. Дарасунский комплекс археологических памятников. Восточное Забайкалье. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2000. 176 с.
3. Кляшторный С. Г. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М.: Наука, 1964. 216 с.
4. Малая энциклопедия Забайкалья: Археология. Новосибирск: Наука, 2011. 368 с.
5. Мельхеев М. Н. Топонимика Бурятии. История, система и происхождение географических названий. Улан-Удэ: Бурятское книжное изд-во, 1969. 187 с.

УДК 93

*С. Н. Ляпустин,
канд. ист. наук, доцент,
Владивостокский филиал
Российской таможенной академии,
г. Владивосток, Россия*

О противоречиях между таможенными учреждениями и органами милиции ДВР в г. Верхнеудинске в организации борьбы с контрабандой (20-е годы XX века)

Статья посвящена истории становления таможенных органов и органов милиции на Дальнем Востоке России и имевших место противоречия между таможенными учреждениями и органами милиции Дальневосточной республики в г. Верхнеудинске в организации борьбы с контрабандой в начале 20-х годов прошлого столетия.

Ключевые слова: *Дальневосточная республика, борьба с контрабандой, история таможенного дела, таможенные учреждения, органы милиции*

About Contradictions Between Customs Institutions and Militia Bodies of the Far Eastern Republic in Verkhneudinsk in the Organization of Fight Against Smuggling (20 Years of the XX Century)

S. N. Lyapustin,

*Candidate of Historical Sciences, Associate Professor,
Vladivostok Branch of Russian Customs Academy,
Vladivostok, Russia*

The Report is devoted to the history of the formation of customs and police agencies in the Russian far East and the contradictions that took place between customs agencies and police agencies of the far Eastern Republic in Verkhneudinsk in the organization of the fight against smuggling in the early 20s of the last century.

Keywords: *far Eastern Republic, fight against smuggling, customs history, customs institutions, police agencies*

В фондах РГИА ДВ отложились интересные документы, свидетельствующие о том, что в начале 20-х гг. прошлого столетия таможенное ведомство ДВР столкнулось с непростой ситуацией, вызванной превышением своих полномочий органами милиции, пытавшихся в борьбе с контрабандой подменять таможенные органы. В период с февраля по март 1922 г. районные и городские органы милиции Дальневосточной Республики стали активно изымать на внутреннем рынке реализуемые товары по подозрению их в контрабандном происхождении с нарушением существующего на тот период законодательства ДВР. Основанием повышения активности районных и городских органов милиции послужили распоряжения, поступавшие непосредственно от Главного инспектора милиции МВД ДВР. Подобные действия вызвали серьезную озабоченность Министерства финансов ДВР. Как следует из переписки Министерства финансов и МВД ДВР, нарушения милицией процессуальных действий при задержании контрабандных товаров носили не единичный характер, что послужило основанием для многочисленных жалоб населения в Министерство финансов и даже Министерство иностранных дел. Неправомочные действия милиции вызвали обеспокоенность не только у отечественных предпринимателей, но и у китайских промышленников и торговцев. Управление специальной делегации Китайской Республики направило письмо

Министру иностранных дел ДВР с протестом на действия милиции, после чего МИД ДВР посчитало необходимым в экстренном порядке созвать совещание из заинтересованных сторон – милиции, тамошни и представителей китайской стороны.

Наиболее ярко действия милиции с нарушением процессуальных действий проявлялись в г. Верхнеудинске. В письме от 2 марта 1922 г. исх. № 763 «О нарушении Верхнеудинской милицией законного порядка при задержании контрабанды на Верхнеудинском базаре» Министр финансов ДВР В. А. Косминский и заведующий управлением таможенных сборов А. В. Волынцевич сообщали министру внутренних дел ДВР, что «при производстве, вследствие секретного предписания начальника милиции, облавы на большом базаре г. Верхнеудинска на предмет проверки документов, задержания подозрительного элемента и изъятия из торговли всех контрабандных товаров, неоплаченных как таможенным, так и акцизным сбором, были отобраны неоплаченные товары», в том числе табачные изделия, сигареты и т. п. При этом в письме указывалось, что при задержании был совершён ряд нарушений: не оформлялись протоколы, а если и оформлялись, то с грубыми нарушениями, не опрашивались свидетели и т. д. и т. п., что являлось с точки зрения таможенных руководителей совершенно недопустимым [3, л. 13]. А если и оформлялись, то протоколы, составляемые милицией, не только не соответствовали требованиям закона относительно порядка составления протоколов по нарушениям Устава Таможенного, но не содержали в себе самых элементарных и существенных частей, обязательных в каждом протоколе милиции о том или ином правонарушении [Там же, л. 15]. В указанном письме заведующий управлением таможенных сборов подробно описывал порядок процессуальных действий при выявлении и пресечении контрабанды: «На основании статьи 5-й Временного Положения о таможенных учреждениях (Собрание Узаконений 1921 г. № 1/5 ст. 23) таможенное управление руководствуется впредь до изменения действующими по таможенной части законоположениями согласно 1116 ст. Устава Таможенного и по делам о контрабанде. Права, обязанности и образ действия Таможенного управления и милиции, а равно порядок производства дознания определяется правилами, изложенными в Уставе Уголовного судопроизводства (ст. 1125 и след.), Уставе Таможенном и в других подлежащих узаконениях. На основании 1119 ст. Устава Таможенного в каждом обнаруженном случае кон-

трабанды, подлежащему преследованию как по суду, так и в административном порядке, составляется особый протокол, а по 1120 статье того же устава, относительно составления протоколов, а также задержания при обнаружении контрабанды товара и лиц, а равно производство обысков и выемок, должностные лица поступают по правилам, предписанным в статьях 1131, 1132 и прим., 1134, 1135, 1136–1142, 1143 и 1146–1151 Устава Уголовного судопроизводства» [3, л. 13 об. 14].

Обращаясь к Министру внутренних дел, Министр финансов ДВР и Заведующий управлением таможенных сборов требовали: «разъяснить Верхнеудинской милиции законный порядок задержания контрабанды и производства об этом дел, а также принять меры к устранению подобных нарушений в будущем» [Там же, л. 15 об.].

27 марта 1922 г. Министр финансов обращается к Министру внутренних дел республики с очередным письмом, в котором замечает: «Как видно из многих других случаев, фактическое руководство борьбой с контрабандою присвоил себе подчинённый орган Министерства внутренних дел – Главный правительственный инспектор милиции, самостоятельно издающий по этому поводу «секретные» инструкции и приказы, «секретные» даже, для того ведомства, Министерства финансов, которому принадлежит общее руководство всем таможенным делом и в том числе борьбой с контрабандным промыслом. При этом Инспектор милиции, как видно из поступающих в Управление таможенных сборов сведений, не находит нужным считаться с действующими по таможенной части законоположениями, и зачастую издаёт даже распоряжения, совершенно противоречащие закону, т. е. присвоил себе право не представленное законом даже Министру Финансов» [Там же, л. 27 об. 28].

В письме на имя Министра внутренних дел ДВР, подписанным Министром финансов ДВР В. А. Косминским, заведующим Управлением таможенных сборов И. Г. Величковским и комиссаром В. И. Пичугиным указывалось, что «подобное распоряжение, фактически изъёмлющее дела о контрабанде из ведения таможенных и судебных учреждений, является превышением власти и не может быть терпимым» [Там же, л. 31 об.].

Проведённые автором исследования показывают, что на возникновение в начале 20-х годов прошлого столетия противоречий между таможенным ведомством ДВР и милицией по вопросам

борьбы с контрабандой существенно повлияли ряд объективных и субъективных факторов.

Объективные (внешний и внутренний) факторы и субъективный (внутренний) фактор. Среди объективных выделим два основных фактора – фактор влияния процессов межведомственного перераспределения власти, происходивших в РСФСР и нормативно-правовой фактор ДВР. Внешний фактор заключался в том, что существовавшие противоречия по вопросам охраны государственной границы (пограничной охраны) и организации борьбы с контрабандой (в 1922 г.) между Таможенным управлением НКВТ и ГПУ при НКВД РСФСР, а в последующем (в 1923 г.) и между ТУ НКВТ и НКВД РСФСР, вызванные противоречивыми взглядами на верховенство ведомств в деятельности на данном направлении оказали влияние на проходившие процессы в ДВР. То есть, существующие на тот момент указанные противоречия в РСФСР, фактически легли в основу противоречий, появившихся в деятельности аналогичных государственных структур ДВР. Управление таможенных сборов Минфина ДВР, придерживалось линии Таможенного управления НКВТ РСФСР, а Главное управление милиции, представители которого входили в состав Коллегии Государственной политической охраны (ГПО) при МВД ДВР по вопросам борьбы с контрабандой придерживалось противоположных взглядов, имевших место в НКВД РСФСР. Влияние ГПУ, а в Дальневосточной республике – ГПО, на работу милиции было чрезвычайно велико. В 1921 г. Комиссия МВД ДВР проверяя работу ГПО и милиции пришла к выводу, что деятельностью милиции фактически руководит Госполитохрана [1, с. 41].

Декретом Президиумом ВЦИК РСФСР от 6 февраля 1922 г. на ГПУ, наряду с другими задачами, возлагалась задача охраны внешних границ РСФСР и всех советских республик, а также борьба с контрабандой. В этот же период между Центральной комиссией по борьбе с контрабандой при таможенном управлении НКВТ и ГПУ возникли противоречия в области организации борьбы с контрабандой. О том, что между Центральной комиссией по борьбе с контрабандой при таможенном управлении НКВТ и ПП ГПУ были серьёзные разногласия о роли таможенных органов и ОГПУ в борьбе с контрабандой свидетельствует докладная записка Председателя Центральной комиссии по борьбе с контрабандой направленная в осенью 1922 г. в адрес Замнаркомвнешторга Фрумкина,

Замнаркомфина Сокольников и Зампредседателя ГПУ Уншлихта. В докладной записке отмечалось, что органы ГПУ в основном занимаются борьбой с политической контрабандой и лишь в виде редкого исключения являются орудием борьбы с экономической контрабандой. Большею же частью, отмечалось в докладной записке, это не органы борьбы с экономической контрабандой, а органы, способствующие контрабандному провозу товаров [2, л. 11–12]. Для повышения эффективности борьбы с контрабандой предлагалось создать при НКВТ (*прим. автора – на тот момент таможенное ведомство замыкалось на Народный Комиссариат Внешней Торговли*) специальное Управление по борьбе с контрабандой, согласующее свою оперативную работу с ГПУ. Пограничные войска полностью передать в подчинение созданному Управлению [Там же, л. 15]. Эта докладная записка была воспринята органами ГПУ крайне негативно. Как считало руководство ГПУ, самая существенная часть работы по борьбе с контрабандой, а именно с контрабандистами, совершающими нелегальные переходы границы остаётся за органами ГПУ, а «предложения Центральной комиссии по борьбе с контрабандой, являются, по мнению КРО ПП скорее условиями которые могут являть собой лишь тормоз работы по борьбе с контрабандой, требуя срыва начавшейся планомерно проводиться организации охраны границы, после перехода таковой исключительно по во введение ГПУ» [Там же, л. 10–10 об.].

Следующий фактор – нормативно-правовой. Суть его в том, что возникшие противоречия в правовом поле ДВР по вопросам пограничной охраны и борьбы с контрабандой между Управлением таможенных сборов Минфина ДВР и Главным управлением милиции МВД ДВР были вызваны противоречивостью нормативных актов ДВР. Управление таможенных сборов Минфина ДВР в своей работе опиралось на Временное Положение о таможенных учреждениях ДВР, в соответствии с которым, таможенное ведомство республики в процессуальных действиях руководствовалось законоположениями Устава Таможенного Российской империи от 1910 года. Главное управление милиции МВД ДВР руководствовалось Временным положением о народной милиции ДВР от 1921 г., в основу которого были положены нормативные акты РСФСР о советской милиции, в частности Декрет от 3 апреля 1919 г. «О советской рабоче-крестьянской милиции».

Следующий фактор, оказавший влияние на межведомственные противоречия в борьбе с контрабандой – организационно-кадровый (субъективный фактор). Руководящий состав Управления таможенных сборов и иных таможенных учреждений Минфина ДВР формировался из состава бывших таможенных чиновников Российской империи. Заведующий Управлением таможенных сборов А. В. Волынцевич – Сидорович с 1913 г. до декабря 1922 г. занимал должность Читинского таможенного инспектора. Сменивший его И. Г. Величковский, также имел опыт работы в таможенном ведомстве дореволюционной России. Заместитель заведующего Управлением таможенных сборов и одновременно ревизор-инструктор Управления таможенных сборов В. А. Орликов в период с 1910 по 1918 г. управлял Благовещенской таможней. Соответственно руководящий состав таможенного ведомства ДВР был воспитан на неукоснительном соблюдении всех необходимых процессуальных формальностей на основе законоположений Устава Таможенного Российской империи от 1910 года при выявлении и пресечении контрабанды. Руководящий состав Главного управления милиции МВД ДВР, осуществлявший руководство деятельностью всех органов милиции на территории республики и издававшее нормативные акты по милиции формировался из состава большевиков и бывших партизан, не имевших опыта работы в царской полиции, отвергавших необходимость соблюдения законодательства Российской империи, стоявших на принципах формирования нового советского законодательства и нередко, как отмечают исследователи, прибегавших к партизанским методам борьбы с преступностью. В целом, как отмечал, в июне 1922 г. главный правительственный инспектор Народной милиции ДВР Н. И. Колесниченко на высшие командные должности назначались лица, нередко не соответствующие своему назначению [1, с. 43].

Таким образом, указанные факторы оказали существенное влияние на возникшие межведомственные противоречия по вопросам организации борьбы с контрабандой в г. Верхнедвинске и в целом в Дальневосточной республике. После вхождения ДВР в состав РСФСР все противоречия были сняты.

Список литературы

1. Орнацкая Т. А. Народная милиция Дальневосточной республики: комплектование и подготовка кадров // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2016. № 2. С. 39–47.

2. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 413. Оп. 11. Д. 211.

3. Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ) Ф. Р-1639. Оп. 1. Д. 60.

УДК 902

П. В. Мороз,

канд. ист. наук, доцент,

Забайкальский государственный университет,

г. Чита, Россия

Ю. О. Истомин,

студент,

Забайкальский государственный университет,

г. Чита, Россия

А. Р. Гордеенко,

студент,

Забайкальский государственный университет,

г. Чита, Россия

О магистральных стратегиях применения минерального сырья в каменном веке Забайкалья*

Установлено, что каменные индустрии палеолитических памятников Забайкалья демонстрируют две основные линии утилизации минерального сырья: халцедон, кремьнь и яшма, связанные с микротехникой, и ороговикованные горные породы, применявшиеся в финале среднего – начальном верхнем палеолите региона.

Ключевые слова: *Забайкалье, роговики, средний палеолит, верхний палеолит*

---

* Исследование выполнено в рамках гранта № 292-ГР Совета по научной и инновационной деятельности ЗабГУ на тему «Палеовулканы и древний человек: геоархеологическое картирование памятников каменного века и выходов минерального сырья Титовской сопки».

P. V. Moroz,
*Candidate of Historical Sciences, Associate Professor,
Transbaikal State University,
Chita, Russia*

Y. O. Istomin,
*Student,
Transbaikal State University
Chita, Russia*

A. R. Gordeenko,
*Student,
Transbaikal State University,
Chita, Russia*

On the Main Strategies for the Use of Mineral Raw Materials in the Stone Age of Transbaikalia

It has been established that the stone industries of the Paleolithic sites of Transbaikalia demonstrate two main lines of utilization of mineral raw materials: chalcedony, flint and jasper associated with microtechnology and hornfelsed rocks used in the final middle initial Upper Paleolithic of the region.

Keywords: *Transbaikalia, hornfels rocks, Middle Paleolithic, Upper Paleolithic*

В настоящее время, в рамках изучения каменного века Забайкалья, всё большее значение приобретает сырьевой фактор. Если исследователи второй половины прошлого века большей частью обращали внимание на типологию и технико-типологические характеристики изучаемых каменных индустрий [9], то к концу XX века сырьевая составляющая стала активно входить в лексикон исследователей каменного века [1; 10]. Непременным стало указание на вид сырья и его петрофизические свойства. За последние двадцать лет крен в сторону изучения минерально-сырьевой базы и её влияния на каменные индустрии конкретного региона не только сохранился, но и усилился [2; 11].

Благодаря детальному изучению минерально-сырьевого состава используемого для производства каменных орудий сырья, удалось выявить магистральные вопросы взаимодействия древних коллективов и имеющейся минерально-сырьевой базы на уровне применения конкретных технологий к определённым видам мине-

рального сырья, что определяло облик, морфологию, размерность заготовок и готовых орудий, а также применяемую для расщепления технологию.

При этом в настоящее время выявлена и доказана тенденция применения определённых видов минерального сырья в различные этапы каменного века [3; 7]. Наиболее ранние подъёмные материалы Восточного Забайкалья, имеющие среднепалеолитический облик, выполнены в основном из метаморфизированных песчаников [5] и эффузивов среднего, реже, кислого состава. Но учитывая, что речь идёт в основном о подъёмных сборах на различных пунктах, говорить о чётко выявленной тенденции связанной с применением метапесчаников в среднем палеолите Забайкалья пока преждевременно.

Иной выглядит ситуация с применением ороговикованных пород. Ярчайшим примером использования роговиков являются памятники Сухотинского геoarхеологического комплекса [4; 6; 8]. Фактически на примере памятников Титовской сопки мы имеем однозначный пример применения минерального сырья высокого качества в виде роговиков, для производства каменных орудий начиная со времени среднего палеолита до поздней поры верхнего и финального палеолита включительно. Наиболее ранние этапы использования роговиков фиксируются в пятом культурном слое Сухотинской мастерской и могут быть отнесены к началу МИС-3. Использование данного сырья без каких-либо серьёзных примесей других горных пород и минералов, демонстрируют материалы всех культурных слоёв Сухотинской мастерской, как и коллекции стоянок Сухотинского археологического комплекса.

Высокие петрофизические свойства сырья Титовской сопки были привлекательны для древних коллективов гоминид на протяжении как минимум позднего СП и на протяжении НВН и РВП. Это создало особый археологический кластер памятников, начиная от мастерских на выходах сырья, до стоянок и поселений на террасовых уровнях р. Ингода непосредственно на склонах палеовулкана Титовская сопка.

Другой магистральной тенденцией использования минерального сырья на территории Забайкалья является применение вулканического кремня. Наиболее ярким примером использования вулканического кремня являются памятники Сахюртинского геoarхеологического комплекса, обнаруженного одним из авторов ра-

боты в 2013 году у с. Сахюрта в Агинском районе Забайкальского края [6]. Здесь мы имеем дело с моносырьевым многослойным памятником (Сахюрта-1) содержащим пять культурных слоёв, ориентированных на местное сырьё продуцируемое палеовулканом Дунда-Ага. В основном применялся вулканический кремень от лилового до светло-зелёного оттенка, яшма и халцедон начиная с финала МИС-3 вплоть до железного века. Таким образом, на примере Сахюртинского археологического комплекса, мы видим ещё один пример адаптации древних коллективов к конкретным условиям и видам минерального сырья.

Отдельным этапом использования халцедона, вулканического кремня и яшмы является поздняя пора верхнего – финальный палеолит. В эти периоды каменного века в Забайкалье широко распространяется микротехника, основанная на применении высококачественных горных пород. Эффузивы, роговики и метаморфизированные песчаники отходят на второй план, а халцедон, вулканический кремень и яшма становятся максимально распространённым минеральным сырьём для производства микропластинок.

Таким образом, мы видим картину взаимодействия человека и минерального сырья на территории Забайкалья начиная с эпохи МИС-3 на протяжении как минимум 60 тыс. лет. Более ранние этапы существования древнего человека в Забайкалье пока слабо исследованы. Но не вызывает сомнения, что зоны распространения сырья высокого качества являлись притягательными для древних коллективов, о чём свидетельствуют сборы подъёмного материала в Восточном Забайкалье. Поэтому районы выходов минерального сырья высокого качества являются перспективными для поиска объектов каменного века, начиная со среднего палеолита и вплоть до палеолита финального.

Список литературы

1. Константинов М. В. Каменный век восточного региона Байкальской Азии. Улан-Удэ; Чита: БНЦ СО РАН, 1994. 180 с.
2. Мороз П. В. Каменные индустрии рубежа плейстоцена и голоцена Западного Забайкалья. Чита: Экспресс-издательство, 2014. 181 с.
3. Мороз П. В. Сырьевой фактор в верхнем и финальном палеолите Забайкалья // Труды исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета. СПб.: Изд-во С.-Петерб. гос. ун-та, 2014. Т. 18. 344 с.

4. Мороз П. В., Истомин Ю. О. Минеральное сырьё Сухотинской мастерской и его связь с технологией расщепления: предварительный взгляд // Забайкалье историческое: материалы VIII Межрегион. науч.-практ. конф. Чита, 2019. С. 44–48.
5. Мороз П. В. Среднепалеолитические местонахождения Восточного Забайкалья // Гуманитарный вектор. 2018. Т. 13, № 6. С. 69–81.
6. Мороз П. В., Юргенсон Г. А. Палеовулканы как источники минерального сырья в палеолите Забайкалья // Методы изучения каменных артефактов. СПб.: Ин-т истории материальной культуры РАН, 2015. С. 184–188.
7. Мороз П. В., Юргенсон Г. А. Применение минерального сырья в палеолите Забайкалья: культурная преемственность или технологическая необходимость? // Stratum Plus. 2016. № 1. С. 65–76.
8. Мороз П. В., Юргенсон Г. А. Минеральное сырьё Сухотинского георхеологического района // Стратиграфия, палеоэкология, культуры. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2018. Вып. 7. С. 100–105.
9. Окладников А. П., Кириллов И. И. Юго-Восточное Забайкалье в эпоху камня и ранней бронзы. Новосибирск: Наука, 1980. 176 с.
10. Природная среда и человек в неоплейстоцене (Западное Забайкалье и Юго-Восточное Прибайкалье) / Л. В. Лбова [и др.]. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2003. 208 с.
11. Moroz P., Yurgenson G. The importance of raw material factor for Final Paleolithic investigations in Trans-Baikal region (Russia) // ERAUL. Belgium: Liege. 2014. No. 140. P. 94–107.

УДК 908

О. С. Мурлина,
*мл. научный сотрудник,
 музей Забайкальской железной дороги,
 г. Чита, Россия*

**Использование поездов специального формирования
 НКПС в годы Великой Отечественной войны
 на примере Читинского поезда по ремонту
 и восстановлению средств водоснабжения (водрем № 10)**

Воспоминания работников Читинского поезда по ремонту и восстановлению средств водоснабжения (водрема № 10) дают возможность проследить тип боевых заданий по восстановлению водоснабжения на фронтовых и прифронтовых железных дорогах СССР и МНР в период с июля 1941 года

по март 1946 года, а также выделить факторы их успешного выполнения.

Ключевые слова: ГУВВР НКПС, поезд по ремонту и восстановлению средств водоснабжения (водрем), водонапорные башни, водоумягчитель, полавки Хованского

O. S. Murlina,
Junior Scientist,
Museum of Transbaikal Railway,
Chita, Russia

Using Special Trains of People's Commissariat of Railways of the Soviet Union during the Years of the Great Patriotic War (Evidence from Chita Wreck Train of Water Supply Equipment Vodrem No. 10)

The memoirs of the workers of Chita wreck train of water supply equipment Vodrem No. 10 make it possible to trace the military mission of water supply equipment repair at the front-line and combat railways of the USSR and Mongolian People's Republic between July 1941 and March 1946 as well as to find the mission success factors.

Keywords: State Agency of Military Reconstruction of People's Commissariat of Railways of the Soviet Union, wreck train of water supply equipment (vodrem), water station, water treatment tank, floating valve by Khovansky

Основным источником исследования процессов организации, укрепления и деятельности водрема № 10 (поезда по ремонту средств водоснабжения, входившего в состав специальных формирований НКПС в годы Великой Отечественной войны), являются архивы музея истории Забайкальской железной дороги. А именно – письменные воспоминания работников водрема № 10 Яструба Тимофея Гавриловича – заместителя начальника поезда по технической части; Ярошкевича Виктора Ивановича – солдата восстановителя и Выходцева Петра Филаретовича – техника-разведчика (его воспоминания были напечатаны в 1980-е годы в статье «Поезд особого назначения» в газете «Забайкальский рабочий»). В научной литературе деятельность водремов в годы Великой Отечественной войны освещена недостаточно. В историографии больше внимания

уделяется другим специальным формированиям НКПС (путьремам, горемам, ГВОТам, связьремам и пр.). Таким образом, анализ воспоминаний участников водрема № 10 позволяет нам осветить некоторые факты впервые.

Хронологические рамки действия водрема № 10 можно определить с июля 1941 года по март 1946 года. Рассмотрим каждый из периодов, характеризующийся определёнными географическими границами и условиями выполнения боевых задач.

Война коренным образом изменила деятельность железнодорожных магистралей. В соответствии с мобилизационным планом на железных дорогах страны началось создание специальных формирований НКПС. Специальные формирования НКПС – это обобщённое наименование строительно-восстановительных и эксплуатационных подразделений, созданных в системе Народного комиссариата путей сообщения СССР для выполнения многогранных задач по восстановлению, техническому прикрытию, строительству, эксплуатации железных дорог на прифронтовых и фронтовых участках (Прифронтовые дороги – рока́да – железная дорога в прифронтовой полосе, проходящая параллельно линии фронта. Фронтовые дороги – железные дороги, которые строили во время войн для переброски и снабжения войск).

Для осуществления восстановительных работ в системе НКПС к 1942 году было сосредоточено 15 головных ремонтных поездов (горемов), 10 поездов для восстановления связи и сигнализации (связьремов), 11 поездов по ремонту и восстановлению средств водоснабжения (водремов), 13 поездов для текущего ремонта паровозов и вагонов, пострадавших от бомбёжек и обстрелов (подремов), 27 мостопоездов, 14 головных восстановительных отрядов (ГВОТов), 24 военно-восстановительных служб, 87 головных восстановительных участков на дорогах, 515 восстановительных околотков и 225 восстановительных летучек.

В это время в системе НКПС организовывалось Главное управление военно-восстановительных работ (ГУВВР НКПС), возглавившее железнодорожные войска и ремонтно-восстановительные специальные формирования НКПС.

Первый период: июль 1941 – июль 1942 г.

Водрем № 10 был организован на Забайкальской железной дороге 25 июля 1941 года и находился в подчинении Забайкальского

Управления военно-восстановительных работ под командованием В. А. Чигаркова. Поезд являлся передвижной восстановительной единицей и предназначался для восстановления водопроводов и средств водоснабжения прифронтовых объектов железнодорожного транспорта во время военных действий. Форсированное восстановление водоснабжения станций на железной дороге входило в первоочередную оборонную задачу ГУВВР.

18 мая 1942 года Государственный комитет обороны (ГКО) принял специальное постановление № 1765 «О прекращении мобилизации в РККА работников железнодорожного транспорта», подтверждающее прекращение призыва в Красную Армию транспортников и сохранение профессиональных кадров. Это постановление окончательно определило законодательную базу по организационному укреплению специальных формирований НКПС. Специальные формирования НКПС укомплектовали необходимым оборудованием, транспортными средствами, квалифицированными работниками, которые по решению Государственного Комитета Обороны были переведены на положение состоящих в рядах Красной Армии. На личный состав таких специальных формирований распространялись все льготы, которыми пользовались военнослужащие и их семьи. Личный состав Читинского водрема № 10 (100 человек) получил военное обмундирование и принял Военную присягу летом 1941 года. В течение всей войны поездом руководил Фёдор Родионович Петеруха. Заместителем начальника поезда был Тимофей Гаврилович Яструб. Места дислокации Читинского водрема № 10 определялись военно-политической обстановкой.

В 1941–1942 годы поезд находился на Забайкальской железной дороге для выполнения особых заданий по улучшению железнодорожного водоснабжения с целью обеспечения максимальных перевозок на запад грузов военного назначения. Кроме того, поезд был в резерве у восточных границ СССР на случай нападения Японии.

В первый военный год водремовцами восстановлен замороженный за десять лет до войны кольцевой водопровод протяжённостью 35 км на станции Чита I. Восстановление водопровода проходило с 25 июля по 1 сентября 1941 года. За это время было выполнено вручную земляных работ более 10000 м³, уложено чугунных труб 350 м, установлены водоразборные краны и оборудован водопроводом военный продовольственный пункт. Вся эта работа осуществлялась без использования землеройной техники, вручную

выкапывались котлованы с переработкой сотен кубометров грунта. На работах был задействован весь личный состав водрема. За месяц водопровод был полностью восстановлен, испытан и пущен в эксплуатацию.

По окончании работ на станции Чита I состав ожидал отправки на Западный фронт, однако этому не способствовала обстановка на восточных рубежах. Поезд продолжал восстанавливать объекты водоснабжения на станциях Забайкальской железной дороги: Хилок, Оловянная, Харанор, Борзя, Соловьёвск.

Со 2 августа по 21 сентября 1941 года на станции Хилок был построен водопровод протяжённостью более 600 м с укладкой труб в междупутье (без закрытия путей), установлено около десяти кранов разбора воды, смонтированы колодцы. В это же время проводились работы по усилению пунктов водоснабжения на станции Оловянная.

Осенью 1941 года водрем № 10 передислоцировали на станцию Соловьёвск, где была построена электростанция, совмещённая с водонапорной башней Рожновского (разработана в 1936 г.). Строение монтировалось за 2–4 дня, при отсутствии необходимости обязательного подогрева, выполняемого с целью предотвращения замерзания. В 1942 г. А. А. Рожновский был удостоен Сталинской награды за изобретение. Забайкальская железная дорога особенно на этом участке нуждалась в больших резервуарах, где можно было бы хранить запас воды, предназначенный для паровозов. Станцию оборудовали двумя локомотивами П-75 с генераторами. Это позволило поездам отказаться от цистерн с водой, прицепляемых к каждому паровозу поезда.

Одновременно на территории Монгольской Народной Республики велись работы по строительству пунктов водоснабжения на 96 км (97 км) на станции Чойбалсан.

Постановление от 24.10.1941 г. № 832 «Об организации военно-эксплуатационных отделений и переводе на положение состоящих в рядах Красной Армии работников, связанных с движением поездов» способствовало установлению жёсткой дисциплины на железной дороге, но не улучшению снабжения. Тыл испытывал серьёзные продовольственные затруднения. Особенно это ощущалось на Забайкальской железной дороге. Читинский водрем № 10 снабжался по второй группе, это значит, что строго нормированы основные продукты питания: хлеб (800 г), крупа, жиры, мясо и т. д.

При этом выполнение тяжёлых земляных и других работ требовало много энергии. Многие люди не переносили недоедания, некоторые слабели и отсеивались из коллектива. И всё же бригада поезда упорно трудилась, несмотря на условия труда и передвижную жизнь в теплушках товарных вагонов. Очень тяжёлой для работников поезда была зима 1941–1942 года в харанорской и борзинской степях. Водремовцев стали называть «железной пехотой» за стойкость и мужество.

Напорный водопровод с насосных станций был разморожен, а станция Харанор осталась без воды и парового снабжения. Пришлось восстанавливать водопровод протяжённостью около 4 км на станции Харанор. Старый водопровод был частично уложен из деревянных труб в очень тяжёлых, насыщенных водой глинистых грунтах. Большая часть труб заменена на чугунные. В течение зимы водремовцы в неделю два раза грузили вручную по 50 вагонов балласта. Работали по 12–14 часов в сутки, в любую погоду. Каторжный труд полуголодных людей изматывал, но все жили по законам военного времени. «Так доставалась вода, так доставалась Победа» [6].

Как только обстановка у восточных границ сравнительно нормализовалась и были закончены работы на Забайкальской железной дороге, водрем № 10 прибыл в Читу на переформирование. В июле 1942 года поезд был временно расформирован. Его личный состав назначен на другие работы (например, в мастерские по изготовлению чугуна, бронзового литья и т. п.).

Второй период: август 1942 – август 1943 г.

В августе 1942 года водрем № 10 снова был сформирован и отправлен на Южно-Уральскую железную дорогу, где создалось узкое место в продвижении поездов по водоснабжению. По приказу НКПС поезд отправили в город Челябинск, кузницу Урала, где изготавливали военную технику. Речная водокачка выступала маяком строительства нового водопровода. Это был самый сложный участок: грунт трудный, глина не поддавалась лопате, на некоторых участках торфяник подтапливался грунтовыми водами. Между бригадами установилось соревнование. Особенно отличилась бригада В. Ярошкевича. Установку нового водопровода большого диаметра и протяжённостью 13 км в тяжёлых грунтах, крутых спусках и подъёмах водремовцы выполнили досрочно.

Кроме нового водопровода Миасс–Козырево в Челябинске, водрем № 10 установил мощную насосную станцию для обслуживания паровозов серии ФД-20 до полной вместимости тендера.

Третий период: август – октябрь 1943 г.

В августе 1943 г. поезд прибыл на Забайкальскую железную дорогу, и личный состав был временно переведён на другие работы.

Четвёртый период: октябрь 1943 – май 1945 г.

В октябре 1943 г. поезд снова сформировали и отправили на Северо-Донецкую железную дорогу, где фашистами была разрушена до основания мощная насосная станция и узел камеры переключения в плотине искусственно созданного водоёма. После восстановительных работ водрем № 10 был отправлен на Приднепровскую (Сталинскую) железную дорогу. Дорога осуществляла свою работу в двух республиках: Украинской и Российской Федеративной.

По мере освобождения от оккупации территории Донбасса Читинский поезд был передан в распоряжение Третьего Украинского фронта для восстановительных работ в городах Дебальцево, Сталино, Лозовая–Чаплино–Гуляй Поле. Теперь водрем № 10 находился непосредственно там, где фашистами были разрушены или уничтожены такие жизненно важные объекты, как пункты водоснабжения. Водремовцы шли следом за фронтом, за наступающими частями, под огнём противника проводили техническую разведку состояния железнодорожных водокачек, водоумягчителей, водонапорной сети, с тем, чтобы ускорить их восстановление.

На Приднепровской железной дороге многие источники пунктов водоснабжения имели неимоверно высокую жёсткость воды, доходившую до 60–70 градусов. Понимая это, немцы уничтожили буквально все водоумягчители, а снабжение паровозов водой с такой жёсткостью после первой же поездки выводило парк паровозов из строя по течи дымогарных труб. Для строительства водоумягчителей на станциях Пологи, В.-Токмак, Цареконстантиновка, Гуляй Поле, Чаплино не хватало специального оборудования и материалов. Всё необходимое оборудование изготавливали сами водремовцы с квалифицированными специалистами в мастерских по имеющимся чертежам. Например, самостоятельно изготавливали поплавки Хованского для дозирования содового раствора, добившись при этом жёсткости воды 5–7 немецких градусов (при имеющейся

жёсткости 60–70 градусов), а также сложнейшее оборудование (водоумягчители).

Водремовцы смогли организовать подсобное хозяйство для поддержки товарищей, выполнявших сложнейшие боевые задания, дополнительным продовольственным обеспечением. Несколько человек отвечали за эту работу.

Все пункты водоснабжения станций на Приднепровской железной дороге были восстановлены Читинским водремом № 10. Здесь же из личного состава формировалась группа для участия в поезде-летучке, которая обеспечивала военные поезда водой, перевоза её вагонами-баками от станции Пологи до линии фронта.

При переводе на Одесско-Кишиневскую железную дорогу водрем № 10 восстановил водопровод, насосные станции 1 и 3-го подъёмов с ёмкостями, что позволило запустить на прежние мощности предприятия Одесского узла. В воспоминаниях В. И. Ярошкевича и П. Ф. Выходцева подробно описаны эти события, мы лишь укажем, что особенно сложными были восстановительные работы в Вознесенске и Одессе. В работах по восстановлению насосной станции на реке Южный Буг станции Вознесенск участвовал весь личный состав поезда, работая авралом в три смены («люди валились с ног»). Очень долго добивались гидроизоляции шахты с помощью насосов «Андижанец», «Вартигтон». Общая мощность откачивающих средств составила 400 м³/ч. Затем была запущена насосная станция и построен железобетонный резервуар ёмкостью 150 м³ для стабильного обеспечения локомотивного депо и пункта экипировки локомотивов.

После восстановительных работ на Одесско-Кишиневской дороге поезд отправлен на восток. В конце мая 1945 года поезд водрем № 10 был дислоцирован на Забайкальскую железную дорогу в распоряжение Забайкальского военного округа. Отдельные летучки были направлены на работы по укреплению пунктов водоснабжения станций Борзя, Оловянная, Соловьевск и в Монголии.

Пятый период: май – сентябрь 1945 г.

9 августа 1945 года на станции Отпор водрем № 10 перешёл границу Китая (Маньчжурии) в направлении Хайлара. По пути следования восстанавливали разрушенные японцами объекты железнодорожного водоснабжения. Крупные разрушения наблюдались на станции Хайлар: взорваны огромная водонапорная башня

и насосная станция. В Хайларе водремовцы установили ускоритель (временная водонапорная башня) и гидромеханическое оборудование для снабжения паровозов водой. На мелких станциях были незначительные повреждения, которые быстро устранялись водремовцами, например, на станции Ананси произведена замена и ремонт оборудования.

Шестой период: октябрь 1945 – март 1946 г.

В октябре 1945 года водрем № 10 направили на станцию Борзя Забайкальской железной дороги, где была восстановлена насосная станция и напорный водопровод. В марте 1946 года поезд расформировали в Чите, личный состав передан в распоряжение начальника Забайкальской железной дороги и переведён на довоенные рабочие места.

По воспоминаниям водремовцев, за годы войны ими восстановлено 5 водопроводов (в т. ч. построен новый), построено и запущено в эксплуатацию 5 крупных водонапорных станций, изготовлено своими силами сложнейшее оборудование (водоумягчители и поплавки Хованского), восстановлено множество пунктов водоснабжения на станциях различных дорог СССР, в том числе и в МНР.

На примере Читинского водрема № 10 отметим факторы, способствовавшие успешному проведению восстановительных работ, организованных НКПС: постепенное увеличение технической оснащённости восстановительных подразделений; сохранение квалифицированных специалистов в специальных формированиях НКПС; использование местных и трофейных ресурсов, позволившее значительно сократить себестоимость выполненных работ; жёсткая дисциплина, сочетающаяся с чутким и добрым отношением к людям; требовательность в выполнении задач, поставленных перед участвовавшими в восстановлении частями; мужество и самоотверженность восстановителей, работавших под вражескими бомбами и снарядами, в тяжелейших условиях.

Список литературы

1. Баринов А. О. Всё для фронта! Всё для Победы!: очерк истории Амурской и Забайкальской железных дорог в годы Великой Отечественной войны в 1941–1945 годы и войны с Японией в 1945 году. Томск: Изд-во Андрея Олеар, 2011. 199 с.
2. Выходцев П. Ф. Водрем № 10 // Личные воспоминания (24.05.1982).

3. Колонны паровозов особого резерва НКПС. Страницы памяти. М.: Транспорт, 1990. 207 с.

4. Конарев Н. С. Железнодорожники в Великой Отечественной. М.: МПС СССР, 1985. 315 с.

5. Куманев Г. А. Война и железнодорожный транспорт СССР в 1941–1945 годах. М., 1988. 367 с.

6. Ярошкевич В. И. Водрем № 10 // Личные воспоминания (1982).

7. Яструб Т. Г. Водрем № 10 // Личные воспоминания (23.04.1982).

УДК 93

***Д. Е. Самсонов,**
студент,*

*Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия*

Американская военная интервенция в Забайкальской области (1919–1920)

В статье рассмотрено участие американских оккупационных сил в Гражданской войне на территории Забайкалья. Представлено их крайне противоречивое взаимодействие с казачьими бандформированиями атамана Г. Семёнова.

Ключевые слова: Гражданская война, интервенция, оккупация, американские оккупационные силы

***D. E. Samsonov,**
Student,*

*Transbaikal State University,
Chita, Russia*

American Military Intervention in the Transbaikal Region (1919–1920)

The article examines the participation of the American occupation forces in the events of The civil war in the territory of Transbaikalia. Their extremely contradictory interaction with the Cossack bands of ataman G. Semenov is presented.

Keywords: Civil war, intervention, occupation, American occupation forces

Великую Октябрьскую Социалистическую революцию или Октябрьский переворот, как говорят современные историки, международная буржуазия встретила в штыки. Боязнь её распространения в собственных странах и угнетаемых колониях, угроза интересам промышленников и финансистов, вложивших свои капиталы в Россию, вызвали резко враждебное, полное ненависти отношение к советской власти. Что нашло своё практическое воплощение в преступной политике интервенции [12, с. 17].

Немаловажную роль в этих событиях сыграли США, которые долгое время не решались начать открытое вмешательство во внутренние дела России. Соединённые Штаты искали повод для вторжения, и он появился. В мае–августе 1918 г. произошло вооружённое выступление чехословацкого корпуса. На это Государственный департамент США отреагировал незамедлительно официальным меморандумом 17 июля 1918 г., в котором поддерживалось военное выступление чехословацкого корпуса и говорилось следующее: «Для оказания помощи чехо-словакам существует настоятельная необходимость и имеются достаточные оправдания. Последние события совершенно ясно показали, что оказание помощи чехо-словакам соответствует стремлениям русского народа; правительство Соединённых Штатов радо предоставить небольшую часть своих сил в распоряжение русского народа для этой цели» [7, с. 8]. 3 августа военное министерство дало телеграфный приказ генералу, командовавшему войсками на Филиппинах, об отправке в Сибирь 27-го и 31-го пехотного полков, полевого госпиталя, санитарной и телеграфной роты «Д» 53-го телеграфного батальона. Подчёркивалось, что войска, насколько это возможно, должны быть снабжены зимним обмундированием [Там же, с. 26]. В октябре того же года читинская газета «Русский Восток» отметила, что президент США В. Вильсон заметно склоняется в сторону масштабного военного вмешательства в русские дела для решительной борьбы с большевизмом [4].

20 сентября 1918 г. в Забайкалье власть захватил атаман Г. Семёнов [3, с. 104]. Весной 1919 г. здесь наряду с японскими интервентами, появились американские [5]. Американцы (27-й полк под командованием полковника Морроу), расположились в Верхнеудинске, их задачей являлась охрана железной дороги, складов и прочего в пределах американского участка, при минимальном вмешательстве в боевые действия между красными и бе-

лыми. Положения касательно функций войск закреплялось в специальном железнодорожном соглашении [7, с. 134].

Президент В. Вильсон ещё с весны 1918 г. предлагал секретарю Р. Лансину внимательно проследить за успехами Г. Семёнова и найти какой-нибудь законный способ оказать ему помощь [3, с. 104]. Правда, взаимоотношения потенциальных союзников складывались весьма превратным образом и закончились враждой. Мятежный атаман в своих мемуарах отмечал безобразное поведение американцев. Он указывал на низкий моральный уровень американских солдат, посланных в Сибирь и невысокую дисциплину в армии [13, с. 82–83]. Это подтверждает забайкальский историк В. И. Василевский. Он приводит пример из газеты «Забайкальская новь», что на станции Дарасун во время стояния эшелона, пьяные солдаты вышли на перрон и стали звонить в колокол, затем отправились по квартирам железнодорожных служащих. В одной из квартир пристали к жене дежурного по станции Сапожко с гнусными предложениями. В итоге их удалось удалить, однако через некоторое время они явились вторично в ту же квартиру, вооружённые и в ещё большем количестве. Обнаглевшие от безнаказанности американцы устроили беспорядки и погромы, а оставшиеся в поезде, открыли беспорядочную стрельбу. В своих мемуарах атаман Г. Семёнов не обошёл стороной «симпатию» американцев к красным партизанам [Там же]. Тот же В. И. Василевский указывал, что американцы передали революционным войскам в Приморье 9 броневиков, которые впоследствии были использованы в решающем наступлении на Читу в октябре 1920 [3, с. 105]. Другое подтверждение можно найти в отчёте начальника Забайкальского областного управления Государственной охраны, в котором выявляется не только «сочувствие», но и провокация со стороны американцев: «По полученным сведениям на Дальнем Востоке за последний период времени началось полное разложение, причиной этому послужила усилившаяся роль агитаторов, находивших себе покровительство среди повсюду разбросанных частей войск Американского командного состава» [6, с. 121]. Также из того отчёта видно, что американцы снабжали партизан тёплыми вещами, консервами, перевязочными средствами и даже иногда оружием. Взаимоотношения с мирным населением строились по линии проведения агитационных мероприятий, направленных против японских союзников и атамана. Агитация

эта оправдывалась соперничеством по распределению сфер влияния на Дальнем Востоке между Японией и США.

Американская сторона в своих воспоминаниях также отразила немало негативных моментов. В частности, руководитель американскими войсками генерал-майор У. Грейвс в своих мемуарах называл войска Семёнова «бандитскими казачьими шайками» [7, с. 25], грабителями поезда Нью-Йоркской компании с мехами [Там же, с. 219], а самого атамана – марионеткой Японии [Там же, с. 63].

К осени 1919 г. положение интервентов изменилось в худшую сторону, результатом чего стало стремление американских солдат покинуть Россию и вернуться домой [6]. Тем не менее, отказываться от своих интересов в Сибири и борьбы с большевизмом, правительство США было не намерено. В качестве исполнителя своей воли американцы выбрали адмирала А. В. Колчака, который совершил переворот в Омске и провозгласил себя Верховным правителем России. По сообщениям газеты «Свободный край», США признали адмирала в качестве фактического правителя России [11]. Г. Семёнов не признал самозванца.

Делая ставку на адмирала, США активно снабжали его оружием. И на этой почве конфликты между Г. Семёновым и американскими вооружёнными силами приняли новые обороты. Например, 24 октября 1919 г. второй поезд с американским оружием атаман задержал в Чите, потребовав себе 15 тыс. винтовок. лейтенант Райан, охранявший этот поезд с 50 солдатами, заявил, что не может выдать винтовки без инструкций из Владивостока – главного штаба американских войск. Г. Семёнов заявил, что если не получит винтовки, то заберёт их силой. Однако железная дорога находилась под охраной японцев, поэтому атаман был вынужден разрешить американцам ехать дальше [7, с. 186].

Взаимная неприязнь и инсинуации, раздражённость Г. Семёнова пассивным участием американских вооружённых сил в гражданской войне, их симпатия к красным, пьянство, антидисциплинарные выходки с обеих сторон приводили к немногочисленным боевым столкновениям между союзниками в Забайкальской области. В телеграмме полковника Морроу отмечалось: «10 января в 1 час пополуночи семеновский блиндированный вагон атаковал отряд в сорок восемь человек в их вагонах на ст. Посольская. Отряд вступил в бой и взял в плен блиндированный вагон. Генерал, шесть офицеров и сорок восемь солдат задержаны. Потери американцев:

один умер от ран, один серьёзно ранен. Подробные сведения о потерях будут посланы дополнительно. Потери русских: пять убитых и несколько раненых». Причиной инцидента стал конфликт вокруг железнодорожного служащего, которого белогвардейский генерал Богомолец пытался арестовать по обвинению в большевизме на станции Верхнеудинск, находящейся под охраной американцев. Полковник Морроу под угрозой применения вооружённой силы воспрепятствовал аресту, на что генерал Богомолец отбыл вместе с блиндированным вагоном на станцию Посольскую, где и совершил нападение ночью [7, с. 218].

Искры вероятной «малой» войны между казаками атамана Семёнова и американскими вооружёнными силами удалось погасить. Но американское руководство не видело перспективы оставаться в России, Сибирское правительство терпело одно поражение за другим. 16 ноября 1919 г. контрразведка американцев доносила следующее: «Местные русские мало лояльны по отношению к колчаковскому правительству». Другой причиной являлось положительное решение вопроса об эвакуации чехословацких войск во Владивосток. В феврале 1920 г. ожидалось прибытие из Америки двенадцати транспортов для их переброски [10]. 5 января 1920 г. правительство США подтвердило решение об отводе своих войск [12]. В газете «Восточный курьер» от 13 января 1920 г. официально говорилось об отправке подразделений У. Грэйвса в Манилу, откуда предполагалась их эвакуация в США [9]. Официально, американцы ссылались на трудности доставки необходимых вещей, разруху железной дороги [Там же]. Неофициально, называлось нежелание сотрудничать с атаманом Г. Семёновым, который 4 января 1920 г. стал командующим всеми войсками Восточной окраины [14]. Пребывание американских оккупационных сил в Забайкалье завершилось. 23 января 1920 г. полковник Морроу покинул Верхнеудинск, 3 марта в 9 часов утра американские войска отбыли в восточном направлении [6], а 1 апреля они покинули Дальний Восток [1].

На вопрос, чем явилась американская интервенция на территории Забайкалья и, какую роль в событиях гражданской войны она сыграла, однозначного ответа нет. Официально, они пришли вернуть дореволюционные порядки, однако принесли разруху. Снабжали колчаковские войска оружием, равно как и партизан, чем дискредитировали себя. Американцы охраняли железнодорожные станции, которые следовало охранять от них. Атаман Г. Семёнов по-

лучил от войск США больше проблем, нежели пользы. При этом генерал-майор У. Грейвс, опираясь на меморандум от 17 июня 1918 г., где обозначалась их пассивная роль – охрана порядка, отрицал, что его военная миссия являлась интервенцией. Американцы действительно не собирались подтягивать подкрепления и сражаться вместе с союзниками против большевиков [8, с. 4], но при этом активно агитировали против японцев, тем самым игнорируя интересы Антанты. Внутри США интервенция не пользовалась поддержкой. По сообщению государственного секретаря Лансинга, республиканские сенаторы даже оспаривали законность пребывания американских войск в Сибири и Забайкалье, утверждая, что это противоречит принципам американской конституции [2].

Список литературы

1. Американская интервенция в Россию. URL: <https://player.vimeo.com/video/258386432> (дата обращения: 4.10.2020). Текст: электронный.
2. Беседы японского посланника с американским государственным секретарём // Восточный курьер. 1920. 17 янв. С. 4.
3. Василевский В. И. Забайкальская белая государственность. Чита: Поиск, 2000. 182 с.
4. Вмешательство Америки // Русский Восток. 1918. 12 окт. С. 4.
5. ГАЗК. Ф.П. 329. Оп. 1. Д. 5.
6. ГАЗК. Ф.П. 334. Оп. 2. Д. 374.
7. Гревс У. Американская авантюра в Сибири 1918–1920 / пер. с англ. А. Ф. Сперанского. М.: Гос. воен. изд-во, 1932. 248 с.
8. По Сибири. Американский меморандум // Восточный курьер. 1920. 22 янв. С. 4.
9. По Сибири. Об эвакуации американцев // Восточный Курьер. 1920. 13 янв. С. 4.
10. По Сибири. Об эвакуации чехов // Восточный Курьер. 1920. 13 янв. С. 4.
11. Признание правительства Колчака // Свободный край. 1919. 28 мая. С. 4.
12. Рейхберг Г. Разгром Японской интервенции на Дальнем Востоке. М.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1940. 115 с.
13. Семёнов Г. М. О себе: Воспоминания, мысли и выводы // Атаман Семёнов. М.: АСТ, 2002. 157 с.
14. Указ Верховного Правителя от 4 января 1920. – URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Файл: Указ_Верховного_Правителя_от_4_января_1920.png](https://ru.wikipedia.org/wiki/Файл:Указ_Верховного_Правителя_от_4_января_1920.png) (дата обращения: 04.10.2020). Текст: электронный.

*Е. В. Севостьянова,
канд. ист. наук, доцент,
Читинский институт
Байкальского государственного университета,
г. Чита, Россия*

**Общественные объединения в Чите в период
Гражданской войны и режима атамана Г. М. Семёнова
(1918–1920): основные направления деятельности**

На основе публикаций в забайкальской прессе рассмотрена деятельность неполитических общественных объединений Читы. Сделан вывод, что тотального развала общественной деятельности не было, несмотря на сложности военного времени, выделены основные направления работы объединений.

***Ключевые слова:** общественные объединения, Гражданская война, режим атамана Семёнова, городская повседневность*

*E. V. Sevostyanova,
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor,
Chita Institute of Baikal State
University,
Chita, Russia*

**Public Associations in Chita During the Civil War
and the Regime of Ataman G. M. Semenov (1918–1920):
Main Activities**

Based on publications in the Trans-Baikal press, the activity of non-political public associations of Chita is considered. It is concluded that there was no total collapse of public activity, despite the difficulties of wartime, and the main areas of work of associations are highlighted.

***Keywords:** public associations, Civil War, ataman Semyonov's regime, urban everyday life, charity*

Как писал А. Людтке, центральным в анализе повседневности является изучение человека в труде и вне его, анализ жизненных проблем, с которыми сталкивались люди, тогда ключевыми становятся не исторические события, а их влияние на повседневность

«маленьких людей» [12]. В региональной историографии, при наличии большого количества исследований периода Гражданской войны и установления режима атамана Г. М. Семёнова, проблематика повседневности городского населения находилась на периферии исследовательского интереса. Можно отметить работы, в которых рассматривались: социально-экономическое развитие; организация здравоохранения; сфера досуга, национальные объединения [3; 7; 11; 19; 25].

Гражданская война и установление режима атамана Г. Семёнова нарушили многое в повседневной жизни гражданского населения. Падение уровня жизни было катастрофическим: гиперинфляция, нехватка продовольствия, безработица, увеличение количества эвакуированных и беженцев, антисанитария, архаизация быта. Меры властей (городской и семеновской администрации) по улучшению ситуации имели весьма ограниченный характер. При характеристике морально-психологического климата, даже проправительственные газеты всё чаще использовали отрицательные коннотации, называя общее состояние жителей «отчаянием», при этом к лету 1920 г. стали чаще фиксироваться панические настроения. Газеты, отмечая абсентеизм и индифферентизм жителей, писали, что громадная масса людей думает только о том, где можно подешевле купить.

Снижение общественной активности, действительно, было. Так, городская дума Читы нередко переносила заседания по решению важных вопросов из-за отсутствия кворума (4 марта 1920 г. на заседание не пришли 14 гласных, кто-то и по 6 месяцев не являлся) [5]. Плохо посещались собрания общественных объединений, несмотря на то, что, размещая в газетах объявления о предстоящем общем собрании, обычно писали, что будут обсуждаться «важнейшие жизненные вопросы, не терпящие отлагательств». Спасало то, что в уставах большинства общественных ассоциаций была зафиксирована возможность, при отсутствии кворума на первом, проводить второе собрание при любом количестве явившихся. Плохо посещались даже собрания тех объединений, от которых зависело получение прибыли. Так, читинское Общество взаимного кредита, в декабре 1918 г. не набрало кворума, хотя собиралось обсудить важнейшие вопросы: итоги за 1917 г., смету на 1918 г., перевыборы правления, вопрос о вхождении в Областной Сибирский банк объединённого кредита. Корреспонденты газет иронизировали, что толь-

ко экстраординарные события могут заставить обывателя проявить интерес. Так, когда в конце октября 1918 г., казначей Островского общества потребителей Щеглов сбежал, прихватив из кассы 24 128 руб., общее собрание было «очень многочисленным». Как писал очевидец, «нужен был такой из ряда вон выходящий случай, чтобы заставить наших кооператоров наконец-то собраться» [5].

Однако в целом, несмотря на снижение активности, тотального развала деятельности общественных объединений не было, можно выделить ряд направлений, где деятельность была наиболее активна.

Во-первых, значительная часть общественных объединений была связана с проблемами повседневных трудностей жизнеобеспечения. Забота о продовольственном обеспечении актуализировала среди горожан кооперативное движение. Представители разных профессий и социальных групп создавали новые кооперативы, большей частью потребительские, другие были редки: к примеру, в июне 1920 г. газеты сообщили, что открылся кооператив «Забайкальское техно-промышленное товарищество», объединивший техников, инженеров и коммерсантов с целью развития мелкого производства и организации промышленных предприятий. В объявлении говорилось, что кооператив «обладает крупными денежными средствами и техническими силами» [14]. Ярко проявилась, характерная и для Сибири в целом, тенденция объединения кооперативов в союзы. Так, в декабре 1918 г. Забайкальский отдел Всероссийского союза служащих Министерства земледелия и Союз землемеров Забайкальской области решили организовать потребительский кооператив и объединиться с «Полутовским кооперативом» (жителей Полутовского квартала Читы) [15]. Самым крупным обществом потребителей было общество «Эконом»: содержало четыре магазина, мясные лавки, книжный магазин. В 1920 г. в нём числилось 70 платных работников и 15 мобилизованных, получающих за работу пособие [6]. «Эконом» торговал не только продуктами и товарами первой необходимости, но и продавал кружева, духи и т. п. Занимались кооперативы и информационно-просветительной работой: были открыты шестимесячные курсы по потребительской и кредитной кооперации.

Военное время стимулировало создание различных обществ взаимопомощи (или касс) для решения повседневных проблем своих членов. Кассу взаимопомощи открыло Забайкальское общество

помощников врачей, эмеритальную кассу для вдов и сирот – военное духовенство. Больничные кассы взаимопомощи помогали своим членам пособиями при наличии удостоверения о болезни. Общество взаимопомощи служащих правительственных и общественных учреждений открыло клуб, библиотеку, парикмахерскую, со скидкой в 50%. Было создано Читинское общество взаимопомощи беженцев. Точное количество беженцев неизвестно, газеты писали, что «нахлынувшая в Читу волна публики заполонила собой всё». По сведениям Я. К. Морозова, доложенным им на собрании беженцев, только во время первой беженской волны в Читу и район прибыло 10 тыс. человек [20; 21]. Общество продавало товары по сниженным ценам, устраивало благотворительные сборы. По инициативе прибывшего с каппелевцами старшего старообрядческого священника Армии и Флота о. И. Кудрина в Чите 20 мая 1920 г. состоялось общее собрание старообрядцев города и старообрядцев-беженцев для организации старообрядческого братства [22].

Во-вторых, не прекратили свою деятельность научные Общества. В 1919 г. г. Общество врачей провело шесть заседаний, обсуждая результаты научных исследований заведующего Читинской бактериологической лабораторией по профилактике, распространению и лечению чумы, меры борьбы с венерическими заболеваниями, эпидемией сыпного тифа [3, с. 86]. Читинское отделение ИРГО возобновило работу музея, где проводило бесплатные научно-популярные лекции. Так, 10 ноября 1918 г. выступил геолог Я. А. Макиров, командированный в Забайкалье с целью исследования полезных ископаемых и считавшийся «знатоком богатств края» [8]. Выступление было актуальным, поскольку обсуждался новый административный статус Нерчинского горного округа [10]. В 1920 г. популярной оказалась лекция «Причины пессимизма», прочитанная Н. М. Яковлевым, читались лекции по биологии, педагогике.

Продолжал действовать Забайкальский отдел Всероссийского общества птицеводства. В конце 1918 г. отдел устроил выставку-базар по птицеводству и мелкому животноводству. Участие в ней приняли 28 экспонентов, выставившие кур разных пород, уток, гусей, голубей, индеек, кроликов, поросят, коз. Выставку посетило 768 человек. Коммерческий расчёт не оправдался, выставка оказалась предприятием убыточным: на устройство выставки было израсходовано 998 руб. 55 коп., а получено дохода 772 руб. 43 коп. [4]. Однако

отдел счёл выставку удачной и наметил проведение следующей. Для любителей животноводства и птицеводства была организована совместная выписка по оптовой цене кормов.

В-третьих, действовали общественные объединения детей. Учащиеся читинских школ в конце 1918 г. решили создать Забайкальский ученический кооператив «Первый шаг» имени Л. Н. Толстого. Цели были поставлены широко: «объединить детей на почве общего труда», «развить энергию, настойчивость, выносливость». Была организована секция естествознания, с тем, чтобы под руководством педагогов «посильно» исследовать природу («в первое время – окрестности Читы») [9]. Экскурсии под руководством археолога В. Я. Толмачёва проводились по воскресеньям, собирался материал для музея РГО. Крупным детским объединением (до 600 чел.) был отряд скаутов, созданный благодаря инициативе и активной работе И. Н. Жукова [11]. В четырёх верстах от Читы на р. Ингода был организован лагерь скаутов, с целью «приучить к самопомощи и организованной работе». В октябре 1918 г. в Чите был образован девичий отряд скаутов. В 1920 г. скауты помогали собирать книги для солдат в общегородской «День книги»; помогали на телегах развозить по квартирам прибывающих в город беженцев. Для детей проводились выставки их творческих работ. Так, И. Н. Жуков и Г. В. Николаев в ноябре 1918 г. инициировали рождественскую художественную выставку работ учащихся Читы [23]. Интеллигенция прилагала усилия к сохранению возможностей воспитательного воздействия на детей. В январе 1919 г. была организована выставка «Творчество молодых» с несколькими отделами: рисование, лепка, изделия из бумаги и дерева, модели аэропланов и мостов, литературные произведения в стихах и прозе. Силами детей ставились спектакли. Так, в январе 1919 г. ученицами женской гимназии был поставлен спектакль по комедии Крылова «Урок дочкам» [24], а скауты (с помощью актеров-любителей) устроили вечер со «скаутскими инсценировками» и дивертисментом [2]. Театрализованные вечера устраивало Забайкальское землячество студентов. Многие объединения помогали материально. Так, к рождеству 1920 г. общество «Эконом» пожертвовало 5 тыс. руб. на устройство детских праздников.

В-четвёртых, продолжалась благотворительная деятельность. Активным субъектом благотворительности были женщины. Союз солдаток в 1918 г. помогал найти работу [17]. В марте 1919 г. был

создан Временный дамский комитет по сбору средств на пасхальные подарки бойцам, позже переименованный в Дамский комитет помощи армии. Была создана инициативная группа «Артист – воину; Комитет при Читинской торгово-промышленной палате; Бюро помощи больным и раненым воинами и беженцам. Основным реципиентом благотворительности были дети-сироты. Семеновская администрация стимулировала сбор пожертвований в пользу армии, нередко принудительно.

В-пятых, действовали досуговые общества. Забайкальское Общество эсперантистов решило в честь окончания мировой войны возобновить «мирную работу» по популяризации эсперанто и открыло четырехмесячные курсы (набрав три группы слушателей) [26]. Забайкальское фотографическое общество устраивало выставки фотографий. Был открыт Отдел русского театрального общества [16]. По общественной инициативе стал издаваться журнал «Театр и искусство», развернувший широкую досугово-просветительскую работу: конкурсы картин, стихов, одноактных пьес, постановка спектаклей. Спектакли и концерты были частой формой досуга, устраивались, как с целью «разумного» времяпрепровождения, так и с благотворительной, хотя стремление к коммерциализации тоже проявилось. Так, на собрании Артистического художественно-литературного клуба долго дебатировали по поводу цели деятельности: открыть клуб с залом, буфетом, с напитками и картами, и получать значительный доход или считать целью просвещение и духовное развитие горожан [1].

В-шестых, активно действовали в Чите национальные объединения, способствовавшие сохранению самоидентификации, открывавшие национальные школы, помогавшие соотечественникам-беженцам материально [7].

Таким образом, тотального развала общественной неполитической деятельности не было. Хотя в силу условий социального бытия произошло снижение общественной активности по сравнению с позднимперским периодом, однако, несмотря на сложности военного времени, общественные объединения работали по нескольким направлениям.

Список литературы

1. Арс-клуб // Восточная окраина. 1920. № 63. 18 мая.
2. Будь готов! // Наш путь. 1919. № 71. 18 янв.

3. Василевский В. И. Забайкальская белая государственность в 1918–1920 годах: краткие очерки истории. Чита: Поиск, 2000. 182 с.
4. В обществе птицеводства // Забайкальская Новь. 1918. № 3031. 13 нояб.
5. В Островском обществе потребителей // Забайкальская Новь. 1918. № 3032. 13 нояб
6. Гальвин Ю. Открытое письмо членам Читинского общества потребителей «Эконом» // Восточная окраина. 1920. № 65. 20 мая.
7. Дацьшен В. Г. История Восточно-Сибирского китайского национального союза // Общество и государство в Китае. 2016. Т. 46, № 1. С. 653–661.
8. Доклад геолога Я. А. Макарова // Забайкальская Новь. 1918. № 3027. 7 нояб.
9. К вопросу изучения края // Восточная окраина. 1920. № 79. 9 июня.
10. К объединению горного дела в Забайкалье // Забайкальская Новь. 1918. № 3028. 8 нояб.
11. Константинов А. В. Скауты и юнисы И. Н. Жукова // Гуманитарный вектор. 2009. № 1. С. 21–25.
12. Людтке А. История повседневности в Германии. Новые подходы к изучению труда, войны и власти / под общ. ред. С. В. Журавлева. М.: РОССПЭН; Герман. ист. ин-т в Москве, 2010. 271 с.
13. Несостоявшееся заседание городской думы // Восточная окраина. 1920. № 9. 6 марта.
14. Новый кооператив // Восточная окраина. 1920. № 79. 9 июня.
15. Объявления // Забайкальская Новь. 1918. № 3052. 7 дек.
16. Открытие в Чите Отдела Русского театрального общества // Восточная окраина. 1920. № 79. 9 июня.
17. Паек солдаткам // Забайкальская Новь. 1918. № 3002. 5 окт.
18. Севостьянова Е. В. Национальные общественные объединения в досуговой сфере Читы в период смены политических режимов и Гражданской войны (1917–1920) // Приграничный регион в историческом развитии: партнерство и сотрудничество: материалы междунар. науч.-практ. конф.: в 2 ч. Чита: ЗабГУ, 2020. Ч. 1. С. 125–128.
19. Севостьянова Е. В. Досуговые практики жителей Читы в период политического режима атамана Семенова: частные и общественные инициативы в организации культурного досуга // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: материалы III Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию восстановления советской власти в Сибири / отв. ред. Д. И. Пегин. Омск: ОГТУ, 2019. С. 211–216.
20. Собрание беженцев // Восточная окраина. 1920. № 4. 28 февр.
21. Собрание беженцев // Восточная окраина. 1920. № 65. 20 мая.
22. Среди старообрядцев // Восточная окраина. 1920. № 69. 27 мая.
23. Хроника // Забайкальская Новь. 1918. № 3030. 10 нояб.
24. Хроника // Наш путь. 1919. № 66. 11 янв.

25. Шаламов В. А. Здравоохранение в Забайкальской области во время режима атамана Г. М. Семенова (май 1919 г. – январь 1920 г.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2019. № 61.

26. Эсперанто и мир // Наш путь. № 79. 29 янв.

УДК 94(725.5)

Д. В. Скажутин,

ст. научный сотрудник,

*Забайкальский краевой краеведческий музей им. А. К. Кузнецова,
г. Чита, Россия*

**Деятельность комитетов Забайкальского
отделения Российского общества Красного Креста
по оказанию материальной помощи воинам и подготовке
медицинского персонала в годы Русско-Японской войны
1904–1905 годов**

В статье рассматривается деятельность Забайкальского отделения и местных комитетов Российского общества Красного Креста по организации и оказанию материальной помощи военнослужащим и подготовке сестёр милосердия в годы Русско-японской войны 1904–1905 гг.

Ключевые слова: Красный Крест, Русско-японская война, комитеты Красного Креста, благотворительность, сёстры милосердия, Забайкалье

D. V. Skazhutin,

Senior Researcher,

*Museum of Natural and Cultural History of Transbaikal Region,
Chita, Russia*

**Provision of Material Assistance to Soldiers and Training
of Medical Personnel in the Activity of the Local Committees
of the Transbaikal Department of the Russian Red Cross
Society During the Russian-Japanese War of 1904–1905**

The article examines the organization and provision of material assistance to military personnel and the training of sisters of mercy held by the Transbaikal department and local committees

of the Russian Red Cross Society during the Russian-Japanese war of 1904–1905.

Keywords: *Red Cross, Russian-Japanese war, charity, sisters of mercy, Transbaikal region*

С началом русско-японской войны на территории Забайкальской области возникают и начинают активно действовать местные комитеты и волостные попечительства Забайкальского отделения Российского Общества Красного Креста. Согласно отчёту за 1905 год [9] на территории области действовало 9 местных комитетов [Там же, л. 1]. В самом отчёте представлены данные по деятельности лишь четырёх – Верхнеудинском, Сретенском, Хилокском и Акшинском. Некоторые сведения о деятельности Маньчжурского, Нерчинско-Заводского и Урульгинского комитетов приводит в своём отчёте уполномоченный Красного Креста в Забайкальском районе П. М. Фон-Кауфман [3, с. 64]. Также известно о работе Тыргетеувского (председатель П. Барановский) и Верхнеангарского попечительств. Комитеты и попечительства находились в подчинении «того постоянного учреждения Красного Креста, в районе ведения которого они находятся» [16].

Сретенский местный комитет начал свою деятельность с 7 мая 1904 года и проработал до 1 февраля 1906 года под председательством врача С. И. Кушелевского [9, л. 2; 3, с. 107]. В состав комитета входили 53 человека с годичным взносом по 5 рублей. Всего комитету удалось собрать 940 рублей 24 ½ копейки [Там же, л. 2; 10]. Значительная часть суммы (455 руб.) получена театральным кружком в ходе благотворительного спектакля, сборы членских взносов обеспечили поступление ещё 360 рублей, остальное – случайные пожертвования [10]. Больше половины полученных средств (522 руб. 40 коп.) [9, л. 2] – потратили на расширение действующей Павловской больницы с 10 до 40 коек [4, с. 107]. На средства, собранные комитетом, для больных приобретался чай, сахар, при выписке пациенты снабжались обувью [9, л. 2, 10].

Председателем Акшинского комитета являлся генерал-майор Фёдор Степанович Воробьёв, товарищем председателя – настоятель акшинского Николаевского собора, священник Александр Николаевский [8]. В состав комитета входило 125 действительных и 23 члена сореволюционера. Основная деятельность Акшинского ко-

митета сосредоточилась на сборе пожертвований, за 1904 г. удалось собрать 2034 руб. 97 коп., за 1905 г. – 1340 руб. 49 коп. [9, л. 2–3].

В Хилке местный комитет Красного Креста возглавлял врач Иван Иванович Алексеев [14; 15, с. 6]. Благодаря инициативе В. А. Бейдера, в конце ноября 1904 года на железнодорожной станции открылась столовая для проходящих воинов [14]. Её значимость обуславливает тот факт, что организованная эвакуация военнослужащих с фронта началась лишь с марта 1905 года. До этого времени эвакуация происходила одиночным порядком и о каком-либо обеспечении и сопровождении подобных лиц военная администрация не особо задумывалась. В суровые зимние месяцы, помимо горячей пищи, эвакуируемые могли получить тёплую одежду, бельё, молоко, табак и медицинскую помощь. Только столом, подготовленным Хилокским комитетом на праздник Пасхи, воспользовались 2100 человек. Комитет организовал раздачу угощений: собственными силами испекли куличи, заготовили крашеные яйца, поили водкой. С 28 ноября 1904 года по 25 мая 1905 года услугами столовой воспользовались 8424 человека [Там же]. С началом движения эвакуационных поездов столовая некоторое время продолжала свою деятельность, поскольку не все эшелоны располагали кухней в своём составе. Современная миссия столовой изменилась на обеспечение продуктами эвакуационных и санитарных эшелонов, а основная деятельность комитета переориентировалась на создание лазарета [Там же].

Верхнеудинский комитет Красного Креста начал свою деятельность с 12 февраля 1904 года. Председательствовал в комитете Илья Васильевич Орелович, товарищем председателя состоял – Яков Павлович Эйлер, казначеем – городской голова Александр Васильевич Овсянкин [1]. Комитет организовал активный сбор финансовых средств и, ставя перед собой целью открытие лазарета, собрал сумму в 1 800 рублей [4, с. 505].

При комитете Забайкальской общины сестёр милосердия организованы краткосрочные курсы по подготовке сестёр. Соответствующее объявление на четвёртый день с начала войны опубликовали на первой полосе «Забайкальских областных ведомостей» [7]. Четыре сестры милосердия командированы в 15-й полевой подвижный госпиталь при действующей армии уже в первый месяц войны [1]. Аналогичные курсы устроил Верхнеудинский комитет Красного Креста, организовав подготовку при городской и желез-

нодорожной больницах. От четырёх до пяти выпускниц ускоренных курсов трудились в лазарете Верхнеудинского местного комитета [4, с. 506–507], ещё четыре – в лазарете пензенского отряда Красного Креста в городе Нерчинске [Там же, с. 46–47].

Активно действовал Дамский комитет организованный Анной Валериановной Надаровой. Уже в первые месяцы войны комитетом на 500 рублей приобретены тёплые вещи для нужд армии – 150 фуфаяк, 300 «варег» и сукно, женским монастырём из приобретённого сукна пошито 120 рубах [13].

С отъездом А. В. Надаровой дамский комитет возглавила супруга начальника Нерчинского округа – Варвара Ивановна Ульрих. Мастерская по пошиву белья размещалась в её доме по ул. Смоленской, женщины собирались по вторникам и пятницам с 12 часов [5]. Доверенные компании «Зингер» безвозмездно предоставили комитету пять швейных машин. Известно, что только за год деятельности комитета (с 20 марта 1904 по 20 марта 1905) выдано проходящим войскам и местным медицинским учреждениям 5469 рубах, 5472 кальсон, 3876 пар портянок, 1538 фуфаяк, 1121 пара носков, 491 пара сапог и т. д. Военнослужащие обеспечивались шубами, перчатками, шапками, шарфами, брюками, платками; лазареты – всем, начиная от постельного белья, заканчивая занавесками и колпаками для больных. Комитет осуществлял раздачу медицинских материалов, продуктов питания, предметов личного пользования. Объём отправленных на фронт посылок оценён в отчёте в 105 пудов. Общая сумма пожертвований, собранных комитетом, составила 3185 руб. 77 коп. [11].

Не отставали и другие населённые пункты области. В селе Кабанском женщины заготовили 23 пары кальсон, 13 пар шаровар, 105 платков, 33 хлопчатобумажных и 19 ситцевых рубах. Собирались махорка, мыло и другие, востребованные на фронте вещи [6, с. 206]. Жительницы станции Могзон занимались пошивом белья, которое отправляли на фронт, в действующую армию [2, с. 64].

Жители Забайкалья стремились по мере своих сил, всячески помочь военным. Активным координатором и организатором подобной деятельности выступило местное отделение Российского Общества Красного Креста и различные его комитеты, представлявшие собой временные структуры организованные для вспомогательных целей (в первую очередь сбор материальных и денежных пожертвований, формирование грузов с бельём и др.). Население

принимало деятельное участие в работе благотворительных комитетов, повсеместно собирались пожертвования, проводились благотворительные мероприятия. В Чите и Верхнеудинске комитетами организованы ускоренные курсы по подготовке сестёр милосердия. Дамским комитетом организовано изготовление востребованных на фронте и в лазаретах вещей. В целом, по сравнению с аналогичной деятельностью Забайкальского отделения Красного Креста, в годы Ихэтуаньского восстания мы можем заметить, что её масштаб существенно расширился как по географическому охвату районов области, так и по разнообразию форм и видов оказываемой помощи. Важно отметить, что часть собранных средств шла на организацию оказания медицинской помощи местным подразделениям Красного Креста данное направление деятельности, безусловно, представляет интерес в качестве отдельной темы для рассмотрения. На наш взгляд, это свидетельствует о возросшей инициативности местного населения, росту социальной ответственности и гражданской сознательности. Часть жителей просто перестала удовлетворять простейшая форма участия – пожертвование финансовых средств, возникла потребность в более активной демонстрации своей социальной позиции. Учреждения Красного Креста организовывали и направляли эти потребности, облекая их в конкретные виды деятельности. В этой связи показателен и тот факт, что Верхнеудинский комитет, после окончания военных действий, продолжил свою работу на постоянной основе со временем организовав вторую в Забайкалье общину сестёр милосердия. Таким образом, перед нами не только ситуационный случай роста патриотических настроений связанный с военными событиями, но и яркий маркер, показатель развития гражданского общества на территории Забайкалья.

Список литературы

1. Забайкальские областные ведомости (ЗОВ). 1904. № 44.
2. Косых В. И. Забайкальская епархия накануне и в годы первой российской революции. Чита: Забайк. гос. пед. ун-т, 1999. 196 с.
3. Красный Крест в тылу армии в японскую кампанию 1904–1905 гг. Т. 2. Ч. 1. Забайкальский район. Отчёт главноуполномоченного / П. М. фон-Кауфман. СПб.: Главное управление Рос. о-ва Красного Креста, 1909. 275 с.
4. Красный Крест в тылу армии в японскую кампанию 1904–1905 гг. Т. 2. Ч. 2. Забайкальский район. Отчёты врачей / сост. П. фон-Кауфман. СПб.: Главное управление Рос. о-ва Красного Креста, 1909. 593 с.

5. Кружок дам // Забайкальские областные ведомости. 1904. № 49. С. 1.
6. Михеев Б. В. Участие населения Забайкальской области в русско-японской войне 1904–1905 гг. // Вестник Бурятского государственного университета. 2012. № 8. С. 204–207.
7. Открываются бесплатные курсы // Забайкальские областные ведомости. 1904. № 26. С. 1.
8. Отчёт Акшинского местного комитета Российского общества Красного Креста за 1905 год // ГАЗК. Ф. 15. Оп. 1. Д. 9.
9. Отчёт Забайкальского Управления Российского общества Красного Креста за 1905 год // ГАЗК. Ф. 15. Оп. 1. Д. 4.
10. Отчёт о деятельности Сретенского комитета Российского общества Красного Креста с 7 мая 1904 по 1 февраля 1906 гг. // ГАЗК. Ф. 15. Оп. 1. Д. 9.
11. Отчёт о деятельности Читинского Дамского Комитета помощи воинам на Дальнем Востоке под председательством В. И. Ульрих, за период времени с 20 марта 1904 года по 20 марта 1905 года // Забайкальские областные ведомости. 1905. № 94. С. 3.
12. Письмо комитета Забайкальской общины сестёр милосердия № 54 от 12 октября 1904 года // ГАЗК. Ф. 15. Оп. 1. Д. 8.
13. Пожертвование от дам... // Забайкальские областные ведомости. 1904. № 37. С. 2.
14. Полугодичный отчёт о деятельности Хилокского комитета Красного Креста // ГАЗК. Ф. 15. Оп. 1. Д. 9.
15. Российский медицинский список по состоянию на 1906 год. СПб.: Изд-во МВД, 1906. 828 с.
16. Циркуляр РОКК. № 47 от 11 сентября 1904 года // ГАЗК. Ф. 15. Оп. 1. Д. 8.

УДК 908

И. В. Стариков,
канд. ист. наук, доцент,
Челябинский государственный университет,
г. Челябинск, Россия

Антибольшевистские воинские формирования Забайкальского казачьего войска в 1918–1920 годы

Предметом исследования является рассмотрение истории создания, эволюции и участия в боевых действиях войсковых соединений Забайкальского казачьего войска, что позволяет восстановить полную картину событий Гражданской войны, происходивших на территории Забайкальского края в 1918–1920 гг.

Ключевые слова: казачество, гражданская война, атаман, дивизия, бригада, полк, партизанское движение

I. V. Starikov,
*Candidate of Historical Sciences, Associate Professor,
Chelyabinsk State University,
Chelyabinsk, Russia*

Anti-Bolshevik Military Formations of the Trans-Baikal Cossack Troops in 1918–1920

The subject of scientific analysis is the consideration the history of creation, evolution and participation in military operations of the military formations of the Trans-Baikal Cossack army, which makes it possible to restore a complete picture of the events of the Civil War that took place in the Trans-Baikal Territory in 1918–1920.

Keywords: *Cossacks, Civil War, ataman, division, brigade, regiment, partisan movement*

100 лет назад на территории Забайкальского края завершилась Гражданская война, когда 21 ноября 1920 г. последние части белогвардейских Вооружённых сил Российской восточной окраины под давлением НРА ДВР ушли в Китай. В общей сложности границу перешло 24800 офицеров, солдат и казаков [10, с. 36]. Среди них были остатки шести конных полков, пластунского батальона и четырёх артиллерийских батарей, входивших в состав 1-й Забайкальской казачьей дивизии и 1-й Отдельной Забайкальской казачьей бригады.

История организации антибольшевистских воинских формирований Забайкальского казачьего войска не получила специального освещения в отечественной историографии. Предметом исследований Б. М. Шерешевского [11] и С. Н. Шишкина [12] и большинства авторов 1920-х – начала 1990-х гг. являлось изучение борьбы за установление Советской власти, а также роли партизанского движения в победе над белогвардейцами и иностранными интервентами в Забайкалье и на Дальнем Востоке. Представитель российской военной эмиграции Б. Б. Филимонов [9] проанализировал и обобщил различные источники по организации белогвардейских воинских сил в 1918–1922 гг. Современные отечественные авторы, такие как П. А. Новиков [6; 7], А. М. Романов [8] и другие, рассматривают воинские соединения Забайкальского казачьего войска в контексте изучения истории всех противобольшевистских вооружённых сил.

Освобождение белочехами и белогвардейцами территории Забайкальского казачьего войска от большевиков в августе 1918 г. позволило приступить к формированию 1-й Забайкальской казачьей дивизии. 20 августа атаман Г. М. Семёнов (1890–1946) объявил призыв на действительную службу казаков срока службы 1915–1918 гг. Организованный им ещё в декабре 1917 г. Особый Маньчжурский Отряд и развёрнутый из подпольной офицерской организации «Титовский» полк обеспечили дивизию командным составом [9, с. 52]. Первым начальником дивизии был назначен генерал-майор Д. Ф. Семёнов (1871 – после 1946). Создание этой воинской казачьей части также подтверждалось приказом от 8 октября 1918 г. [1, л. 1 об.].

Дивизия состояла из четырёх конных полков, каждый согласно штатному расписанию включал четыре сотни, пять специальных команд и имел в составе 4 штаб- и 30 обер-офицеров, 893 строевых и нестроевых казаков и 977 лошадей [2, л. 352 об. 353]. Местами их формирования и дислокации были определены: 1-го – г. Чита, 2-го – г. Троицкосавск, 3-го – г. Акша и ст. Борзя и 4-го – г. Нерчинск [8, с. 171]. Имевший по штату 3 штаб- и 28 обер-офицеров, 482 казака конно-артиллерийский дивизион создавался в г. Чита [2, л. 356 об. 357].

С сентября 1918 г. по март 1919 г. на территории Забайкалья было относительно затишье. Казачьи части занимались военной подготовкой и несением караульной службы. Жёсткая конфронтация атамана Г. М. Семёнова с Верховным Правителем России адмиралом А. В. Колчаком (1874–1920) привела к тому, что 17 февраля 1919 г. 2-й полк был переведён своим командиром из Троицкосавска в Иркутск, куда прибыли лишь около 160 бойцов, в том числе 37 офицеров [7, с. 117]. Большинство же казаков разошлись по домам. Так возникли два полка с одинаковым номером: прежний вошёл в состав 4-й Иркутской конной бригады армии Верховного Правителя, тогда как атаман Г. М. Семёнов объявил о формировании в Песчанке под Читой нового 2-го полка.

В марте 1919 г. в отдалённых от центра труднодоступных горно-таёжных районах Восточного Забайкалья вспыхнуло партизанское движение. Проходившая с переменным успехом борьба с ним вызвала необходимость увеличения числа более надёжных и боеспособных казачьих вооружённых формирований. Из мобилизованных казаков старших возрастов, добровольческих станич-

ных дружин и части офицеров 1-й дивизии была развернута 2-я Забайкальская казачья дивизия. Сторонник атамана генерал-майор И. Я. Шемелин (1885–1927) был назначен её начальником [2, л. 416 об., 417 об.]. С доведением до штатной численности возникли проблемы. Согласно приказу по войску № 566 на укомплектование частей дивизии необходимо было призвать 4128 казаков, но фактически прибыло лишь 2770 [2, л. 385].

В это время 1-я Забайкальская казачья дивизия генерал-майора Г. Е. Мациевского (1880–1941) насчитывала 3905 офицеров и казаков [Там же]. Летом 1919 г. в её частях под воздействием агитации, проводимой казаками-большевиками, началось разложение [5, с. 211]. Вначале оно проявилось в скрытом недовольстве режимом атамана Г. М. Семёнова, но потом стало принимать более открытые и массовые формы. Так, действовавшая в 1-м полку подпольная группа, организовала в ночь на 15 июля убийство 14 офицеров и переход двух сотен на сторону партизан. 21 июля волнение произошло в 4-м полку, где также существовала тайная большевистская ячейка, и к красным дезертировало 170 казаков [6, с. 282]. На пополнение частей дивизии было направлено 887 казаков, в том числе 638 в 1-й полк [2, л. 385].

Сочувствие казаков Советской власти и дезертирство значительно ослабили части атамана Г. М. Семёнова. К середине сентября численность красных возросла, они контролировали весь юго-восточный угол Забайкальской области [7, с. 172]. Для защиты Амурской железной дороги в соответствии с приказами по войску № 886-19 и № 887-19, отданными 20 сентября, в станице Ундинской создан 9-й полк и в станице Сретенской – 10-й полк [2, л. 385 об.]. 5 октября оба полка были приданы 1-й Забайкальской казачьей дивизии.

Моральное состояние белых казаков осенью 1919 г. показывает, что они находились в состоянии глубокого кризиса. Мобилизованные из 3-го и 4-го отделов открыто сочувствовали красным. По причине неблагонадёжности 3 октября 3-й полк был передислоцирован в «долговременную командировку в Уссурийский край» и расквартирован на ст. Гродеково. 27 февраля 1920 г. 12 офицеров, 22 унтер-офицера и 270 казаков перешли на сторону красных [5, с. 211].

Состав некоторых белоказачьих частей уменьшился до такой степени, что 27 октября Г. М. Семёнову пришлось свести 2-ю Забайкальскую казачью дивизию в 1-ю Отдельную Забайкальскую

казацью бригаду. В её состав вошли 5-й и 6-й полки. Также в связи с особо большими потерями, которые несли конные части, и возросшим значением пехоты из казаков, а также разночинцев и крестьян был сформирован Отдельный пластунский батальон. Тогда же 9-й и 10-й полки переименовывались в 7-й и 8-й соответственно [2, л. 385 об.].

Переход партизан «к тактике глубоких рейдов по тылам белых» привёл к созданию с 28 октября частей, сколоченных из подrostков и стариков, обязанных защищать свои посёлки и станицы – самоохранных полков. Из Калгинской, Донинской, Дуроевской, Манкечурской, Зоргольской, Быркинской и Савва-Борзинской дружин был сформирован 9-й полк, из 2-й Чиндантской, Цаган-Олуевской, Чиндант-Гродековской, Дурулгуевской и Улятуевской – 10-й, из Кулаковской, Усть-Теленгуйской, Кайдаловской, Размахнинской и Митрофановской – 11-й, из Маккавеевской, Кусочинской, Акшинской и Мангутской – 12-й, из Киринской, Кударинской, Мурочинской, Цаган-Усунской и Босинской – 13-й, и из Больше-Зерентуйской, Чалбучинской, Олочинской и Аргунской – 14-й. Численность этих полков была различной: от 357 казаков в 11-м, до 1096 в 9-м полку [Там же, л. 385 об.].

К концу зимы 1920 г. власть атамана Г. М. Семёнова распространялась в основном на те населённые пункты Забайкалья, где размещались крупные гарнизоны белогвардейских и японских войск. Сражавшаяся с партизанами в районе г. Сретенск 1-я Забайкальская казачья дивизия состояла из 1-го, 2-го, 4-го, 7-го и 8-го полков, а также 1-го конно-артиллерийского дивизиона, приданных 10-го и 11-го самоохранных полков и других частей. По состоянию на 20 марта она насчитывала 3591 офицеров и казаков [3, л. 1]. В это же время 1-я Отдельная Забайкальская казачья бригада вела бои у с. Нерчинский Завод. Бывшие в её составе 5-й и 6-й полки, пластунский батальон, 2-й конно-артиллерийский дивизион, приданные 9-й и 14-й самоохранные полки и другие части имели 3698 офицеров и казаков [Там же].

2 июля было заключено соглашение о прекращении боевых действий и выводе японских войск с территории Забайкалья. Уже 6 июля казаки старших возрастов самоохранных полков были отпущены на полевые работы, а остальные влиты во вновь сформированный 3-й полк [6, с. 283]. Осуществлённая командованием перегруппировка белогвардейских войск, приведшая к оставлению

31 июля Сретенска, а 5 августа – Нерчинска, ещё больше деморализовала казаков. Не пожелали оставлять родные станицы «примерно 500 из них, в том числе 70 офицеров» [7, с. 228]. Для поддержания боеспособности остатки 7-го и 8-го полков были влиты в другие полки 1-й дивизии [4, л. 2 об.].

Несмотря на отсутствие веры в победу, к началу решающего сражения за Забайкалье значительная часть казаков продолжала службу в Белой армии. По состоянию на 1 октября 1-я Отдельная Забайкальская казачья бригада под командованием полковника А. Г. Сабеева (1874–1925) располагалась в районе станицы Абагайтуйевской. Её 5-й и 6-й полки, пластунский батальон и 2-й артиллерийский дивизион имели 1598 офицеров и казаков [2, л. 359]. Согласно «Месячному рапорту о штатном, списочном и наличном числе людей, лошадей и повозок», составленному 3 октября, 1-я Забайкальская казачья дивизия генерал-майора Т. И. Артамонова (1885–1935) дислоцировалась в посёлках близ ст. Мациевская. В её состав входили 1-й, 2-й, 3-й и 4-й полки, 1-й артиллерийский дивизион, насчитывавшие 2010 офицеров и казаков [Там же, л. 351–357]. В ноябре эти части с боями отступили в Китай.

Таким образом, за время пребывания на территории Забайкалья антибольшевистские воинские формирования забайкальских казаков составили 14 конных полков, что на 5 больше, чем в Первую мировую войну, каждый насчитывал от 300 до 500 бойцов [9, с. 51–52]. После ухода из Забайкалья часть казаков расселились в районе Хайлара и Трёхречья, а около 2300 казаков перебрались в Приморье, где в 1921–1922 гг. продолжили борьбу с красными [Там же, с. 52].

Список литературы

1. Государственный архив Забайкальского края (ГАЗК). Ф. 329. Оп. 1. Д. 39.
2. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-3354. Оп. 1. Д. 8.
3. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-5793. Оп. 2. Д. 54.
4. Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 7277.
5. Гражданская война и военная интервенция в СССР: энциклопедия / гл. ред. С. С. Хромов; ред. кол.: Н. Н. Азовцев, Е. Г. Гимпельсон, П. А. Голуб [и др.]. М.: Сов. энцикл., 1987. 720 с.

6. Новиков П. А. Антибольшевистское движение в Забайкальском войске: краткий исторический очерк // Белая гвардия: Альманах. № 8. М.: Посев, 2008. С. 280–283.

7. Новиков П. А. Гражданская война в Восточной Сибири. М.: Центрполиграф, 2005. 415 с.

8. Романов А. М. Особый Маньчжурский отряд атамана Семёнова: монография. Иркутск: Оттиск, 2013. 308 с.

9. Филимонов Б. Б. Белоповстанцы. Хабаровский поход зимы 1921–22 годов. Шанхай: Слово, 1932. Кн. 1. 244 с.

10. Фомин В. Н., Фомин В. К. Белая армия на Дальнем Востоке и в Китае в 1921–1922 гг.: дислокация, численный и командный состав // Белая армия. Белое дело. 2000. № 7. С. 36–42.

11. Шерешевский Б. М. Разгром семёновщины (апрель – ноябрь 1920 г.): О роли Дальневосточной Республики в борьбе за ликвидацию «Читинской пробки» и объединение Дальнего Востока. Новосибирск: Наука, 1966. 238 с.

12. Шишкин С. Н. Гражданская война на Дальнем Востоке. 1918–1922 гг. М.: Воениздат, 1957. 268 с.

УДК 908(339)

Ж. Ж. Цырендашиев,
*аспирант,
Бурятский государственный университет
им. Доржи Банзарова,
г. Улан-Удэ, Россия*

Развитие торгового обслуживания г. Гусиноозерска в 1960–1970-е годы

В статье на основе архивных материалов рассматриваются основные проблемы торгового обслуживания г. Гусиноозерска. Особое внимание уделено выявлению причин данных проблем и их влиянию на повседневную жизнь населения.

Ключевые слова: *Западное Забайкалье (Республика Бурятия), торговое обслуживание, дефицит, Гусиноозерский ОРС, культура обслуживания, ассортимент*

Z. Z. Tsyrendashiev,
Graduate Student,
Buryat State University Banzarov,
Ulan-Ude, Russia

Development of Trade Services in Gusinoozersk in the 1960–1970

In the article, based on archival materials, the author considers the main problems of trade service in Gusinoozersk. Special attention is paid to identifying the causes of these problems and their impact on the daily life of the population.

Keywords: *Western Transbaikalia (Republic of Buryatia), trade service, deficit, Gusinoozersk ORS, service culture, assortment*

В период советской модернизации на территории Сибири и Дальнего Востока возникло несколько тысяч городских поселений, большинство из которых представляли собой монопрофильные города и посёлки. Среди них особое место занимают населённые пункты, возникшие в позднесоветский период на территории республики Бурятия, в частности, одним из таких поселений являлся г. Гусиноозерск.

Возведение промышленных объектов, а вместе с ним и возросший экономический потенциал, привели к появлению новых тенденций в повседневной жизни города, что подтолкнуло спрос на торговое обслуживание, которое становится неотъемлемой частью жизнеобеспечения горожан. Их растущие потребности были призваны удовлетворять такие отрасли как общественное питание, торговля и жилищно-коммунальное хозяйство, имеющей целью улучшение жизни городского населения.

На повестке дня заседаний партийных и государственных органов всё чаще стали возникать вопросы, касавшиеся жизни каждого советского человека: улучшение жилищных условий, повышение заработной платы, улучшение образовательного и культурно-технического уровня, улучшение культурного обслуживания, более продуманная организация досуга, улучшение торгового обслуживания прописанные в третьей программе партии XXII съезда КПСС [1].

Организация и исполнения торгового обслуживания в рассматриваемый период возлагалось на Гусиноозерский ОРС (отдел рабочего снабжения) Министерства угольной промышленности

и исполком горсовета. В процессе строительства Гусиноозерской ГРЭС (с начала 1970-х гг.), а, следовательно, с ростом населения, город нуждался в расширении торговой сети. Так в 1970 г. население Гусиноозерска составляла 13400 чел., в 1978 г. численность почти удвоилась и составила 21500 чел., а в следующем году уже 23500 чел. [2]. Особенно актуальным стоял вопрос о постройке продовольственных магазинов в некоторых кварталах города: п. Первомайский, ул. Серова, ул. 8-го Марта [5]. В основном магазинам полагалось отводить первые этажи строящихся многоквартирных домов, но не всегда по разным причинам удавалось вовремя открыть магазин. Вот что пишет начальник Гусиноозерского ОРСа С. С. Сагадаров: «50% наших магазинов находятся в подвальных помещениях. У одного магазина № 24 отвалился козырёк, да и другому необходим капитальный ремонт. В базе ОРСа провалился пол, водопроводные трубы лопнули этой зимой, и мы потерпели убытки на 30 тыс. рублей ... одним словом качества строительства нет» [6]. В целом строительство магазинов шло низкими темпами, а те, что имелись, как показывают данные, находились в приспособленных помещениях.

Всего для торгового обслуживания города и рабочих посёлков ОРС в 1965 г. имелось 30 магазинов, 5 киосков, 10 столовых, 13 буфетов и палаток, в т. ч.: продовольственных магазинов – 13, промтоварных – 14, смешанных – 3, но явно не отвечавшим потребностям населения.

К нехватке торговой сети присоединялась проблема дефицита товаров, толкая к продаже по так называемому «чёрному ходу». Заведующий внештатным торговым отделом горисполкома возмущено отмечал: «Главный бухгалтер шахтоуправления тов. Берсенеv закупает для ревизоров в большом количестве дефицитные продукты. На следующий день помощник управляющего тов. Шорников также закупил дополнительно продуктов» [7]. Наиболее дефицитными товарами считались – ковровые дорожки, ковры, холодильники и мебель, хрустальная посуда и меховая одежда, спускаемые в фондах и осваиваемые ОРС [8]. С конца 1950-х гг. получила распространение такая услуга, как торговля в кредит товаров широкого потребления, которых за 1964 г. было продано 95 шт.: телевизоров – 7 шт., велосипедов – 37 шт., швейных машин – 17 шт., наручных часов – 14 шт. Однако и здесь практиковалась выдача товаров по так называемому «блату».

На низком уровне находилась культура обслуживания. Жители города жаловались на грубости отдельных продавцов, как в магазине № 7, отмечали небрежное оформление витрин, неряшливость продавцов (грязные и рваные халаты), нарушение товарного соседства, которое наблюдалось в большинстве продовольственных магазинов. Практиковалось также «припрятывание» остро-дефицитных промышленных и продовольственных товаров своим близким и знакомым, нарушая нормы отпуска товаров в одни руки [9].

Изменить ситуацию могли меры по повышению культуры обслуживания среди работников посредством лекций, докладов и собраний. Отдельно стоит отметить соцсоревнования, направленные на удовлетворение спроса покупателей. Так, в 1964 г. встав на предоктябрьскую вахту коллективы магазинов № 3, 7, 17, 18, 24 и столовая № 1 взяли повышенные обязательства. К 47-й годовщине Октября к соревнованию присоединились уже все магазины и столовые в городе и рабочих посёлках [10].

Положение осложнялось перебоями поставок, особенно хлеба: «Вчера в магазин № 8 привезли хлеб в 7 часов вечера, около 50-ти человек целый час стояли, пока примут этот хлеб и начнут торговлю. Продавец ушла в подсобную и покупатели ждали её ровно 25 минут. А в это время другой продавец выносила из-под прилавка продукты и торговала ими в подсобке. Наблюдались также случаи завоза в торговую сеть недоброкачественного хлеба (горелый, сырой, недосолённый) [11].

Согласно отчёту директора хлебозавода М. Н. Головки затруднения с поставками и качеством хлеба возникали по причине нехватки рабочей силы и хранением хлеба в магазинах: «Я однажды выступил в газете о работе хлебозавода и одновременно отметил то, что ОРС неправильно складировать хлеб в машины, так начальник ОРСа поднял на меня шум. Задержка продажи хлеба зависит исключительно от ОРСа, а также неправильным хранением хлеба в магазинах. На наши изделия ОРС самостоятельно делает наценки, например сухарь стоит 41 коп. за кг., а они продают по 63 коп. ... тем не менее коллектив работу улучшит, все замечания учтёт» [12]. Так или иначе, причиной перебоев снабжения населения хлебом стоит видеть в несогласованной работе предприятий и плачевным состоянием хлебозавода, который вплоть до середины 1970-х гг. будет испытывать трудности в снабжении города.

Несмотря на вышеперечисленные проблемы обслуживания, торговая сеть росла. С 1970 по 1971 гг. количество торговых точек увеличилось на 3 предприятия: промтоварный магазин на 24 рабочих места, продовольственный магазин на 8 рабочих мест и магазин самообслуживания на 6 рабочих мест [13].

В отчётах горсовета депутатов за 1972 г. отмечалось: «План прибылей перевыполнен на 5 тысяч руб. По значительной группе продовольственных товаров фонды выбраны со значительным перевыполнением» [14]. По плану товарооборота Гусиноозерский ОРС за 11 мес. 1975 г. выполнил на 106%, осуществив реализацию товаров на сумму 17218 руб., хотя в плане стояло 16223 руб. Тоже самое касалось общественного питания, где сумма составила 2314 руб., при плане 2150 руб. [15]. К 1978 г. введён в эксплуатацию холодильник на 100 т., обувной магазин площадью 150 кв. м., магазин продовольственных товаров на 360 кв. м., склад оборудования на 500 кв. м., 4 склада в магазинах на 100 кв. м. В долгострой превратились такие объекты, как столовая у общежития на 600 мест (строилась 5 лет), товарный склад – вырыты котлованы под фундамент, фруктохранилище и торговый центр [16].

Таким образом, объёмы товарооборота показывали незначительный рост, особенно с началом строительства Гусиноозерской ГРЭС в 1970 г., обеспечивавшей постоянный приток населения в город. Однако удовлетворить все растущие потребности населения руководство ОРСа на протяжении всего рассматриваемого периода не могло. Сказывалась некомпетентность руководителей, низкая культура обслуживания, несогласованность работы предприятий, приводившая к проблемам в логистике. Об этом свидетельствовало множество жалоб, в том числе инспектора Министерства торговли Бурятской АССР И. И. Гузяра: «Никому не секрет, что иногда на прилавках магазинов лежит либо горелый, либо сырой хлеб ... молоко завозится кислое» и т. д. [17]. Не доставало складских помещений для хранения товаров, холодильных камер, из-за их недостатка масса товаров хранилась под открытым небом, усугубляя дефицит, а вместе с ним росли очереди. В хроническом дефиците была бытовая техника – электроплитки, утюги, чайники, самовары, холодильники и т. д. [18].

Тем не менее, со временем продовольственное положение улучшалось. С 1972 г. в магазинах расширяется ассортимент товаров, город полностью обеспечен запасом овощей и картофеля – для

продажи на весь год – говорилось в одном из отчётов сессии горсовета [19]. Перестала остро стоять проблема продажи хлеба населению. Главная претензия уже касалась качества хлебобулочных изделий, а не их наличия, что во многом связано с объявлением строительства Гусиноозерской ГРЭС всесоюзной комсомольской стройкой с соответствующим вниманием к городу. Но в отличие от соседней по региону стройки БАМа, в Гусиноозерске не сложился устойчивый ассортимент основных продовольственных и непродовольственных товаров [3].

В структуре потребления, всё большую роль занимала покупка промышленных товаров, повышались требования к качеству продовольствия и в целом к культуре обслуживания, что было связано с ростом сферы услуг. Периодически решалась проблема дефицита на товары первой необходимости. Но вопросы завоза и распределения определённых «остродефицитных» товаров власти не смогли решить в течение всего рассматриваемого периода. Уже 1980-х гг. признание властями существования продовольственных проблем в условиях перестройки, постоянный дефицит, низкое качество товаров и культуры обслуживания из социальных раздражителей перерастут в массовое социальное недовольство социалистической моделью и в частности плановой экономикой, не имеющей возможностей решить насущные проблемы.

Список литературы

1. Архивный отдел администрации муниципального образования «Город Гусиноозерск» (АГ). Ф. Р-41. Оп. 1. Д. 286.
2. АГ. Ф. Р-41. Оп. 1. Д. 21.
3. АГ. Ф. Р-41. Оп. 1. Д. 227 (1).
4. АГ. Ф. Р-41. Оп. 1. Д. 282.
5. АГ. Ф. Р-41. Оп. 1. Д. 43 (1).
6. АГ. Ф. Р-41. Оп. 1. Д. 43 (2).
7. АГ. Ф. Р-41. Оп. 1. Д. 43 (3).
8. АГ. Ф. Р-41. Оп. 1. Д. 68.
9. АГ. Ф. Р-41. Оп. 1. Д. 227 (2).
10. АГ. Ф. Р-41. Оп. 1. Д. 260.
11. АГ. Ф. Р-41. Оп. 1. Д. 324.
12. АГ. Ф. Р-41. Оп. 1. Д. 398.
13. АГ. Ф. Р-41. Оп. 1. Д. 288.
14. АГ. Ф. Р-41. Оп. 1. Д. 260.
15. АГ. Ф. Р-41 Оп. 1. Д. 285.

16. Байкалов Н. С. Формирование социальной инфраструктуры поселений Бурятского участка БАМа (1974–1989). Улан-Удэ.: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2007. 210 с.

17. Гуменюк А. А. Новые формы советской торговли и бытового обслуживания в повседневной жизни советского человека в 1953–1985 годы (на материалах Нижнего Поволжья) // Известия Саратовского университета. 2016. № 3. С. 364–380.

18. Программа Коммунистической партии Советского Союза: принята XXII съездом КПСС. М., 1976.

19. Численность населения Республики Бурятия в разрезе районов (погрешность 50 человек). URL: <https://burstat.gks.ru> (дата обращения: 05.10.2020). Текст: электронный.

УДК 93

*Е. М. Шайхудинова,
студент,
Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия*

Процесс добычи и переработки молибденового концентрата на Шахтаминском молибденовом предприятии в годы Великой Отечественной войны

Статья посвящена организации выполнения горнодобывающих работ, а также дальнейшей отработке руды на Шахтаминском молибденовом предприятии в годы Великой Отечественной войны. Автор приводит способы извлечения руды, используемые на предприятии, условия работы, а также причины невыполнения годовых планов по добыче металла.

Ключевые слова: Шахтаминское рудоуправление, молибденит, старательские артели, «Шахтамастрой», Великая Отечественная война

*E. M. Shaikhudinova,
Student,
Transbaikal State University,
Chita, Russia*

The Process of Mining and Processing of Molybdenum Concentrate at the Shakhtaminsky Molybdenum Enterprise During the Great Patriotic War

This article is devoted to the organization of mining operations, as well as further mining of ore at the Shakhtaminsky molybdenum enterprise during the Great Patriotic War. The author gives the methods of ore extraction used at the enterprise, working conditions, as well as the reasons for non-fulfillment of annual plans for the extraction of metal.

Keywords: *Shakhtaminskoe ore administration, molybdenite, prospector artels, “Shakhtamastroy”, the Great Patriotic War*

Первая опытная обогатительная фабрика Шахтаминского молибденового месторождения начала свою работу в 1939 г. Было произведено пробное извлечение молибденита, которое показало, что месторождение крупное по масштабам и хорошее по своему содержанию. Программа по добыче молибденита в 1939 г. была выполнена на 100%, однако уже в 1940 г. появились проблемы, связанные с кадровым, финансовым и материальным обеспечением, что отразилось на работе геологоразведочной партии [4]. Общая работа осложнялась отсутствием дорог, жилья для рабочих, механизмов на строительстве [2].

В марте 1941 г. было образовано Шахтаминское рудоуправление. Первым директором предприятия стал А. Березовский, а в последующем – В. И. Лепёшкин, С. К. Дубровский [7]. В составе предприятия был рудник, обогатительная фабрика и другие вспомогательные цеха [1]. В 1941 г. за первых 2,5 месяца на месторождении было добыто 2,1404 тонны руды, вместо положенных 3,5 тонн, что составило 60%-е выполнение плана; во втором квартале выполнение плана за 2,5 месяца составило чуть больше – 63,4%.

В 1941–1943 гг. на месторождении были пройдены горные выработки: штольни № 1 и № 2, глубокие восстающие шурфы (полушахты), частично штреки по жилам № 2, 4, 5, 6, 11. Началась добыча руды из подземных выработок. Незначительное количество руды

с поверхности добывали старательские артели, выбирая вручную трещиноватую, незначительно оруденелую горную массу – кварц, из вмещающих пород – гранитов. Это была длинная узкая щель (по простиранию жилы), длиной 150 м и глубиной до 10 м [8]. Одной артелью руководила Клавдия Карповна Пономарёва. Горными работами руководили И. А. Долгих, Н. Туранов, И. Ф. Жуков.

Проходка горных выработок производилась буровзрывательными работами. Бурение шурфов осуществлялось пневматическими молотками, стальными бурами, армированным твёрдым сплавом – победитом. При сухом бурении, которое производится ударно-вращательным методом, порода разрушается в пыль, выдувается в воздух. Этим воздухом дышали рабочие. Впоследствии у них развивалась болезнь – силикоз, то есть цементизация или закупорка лёгких кварцевой пылью. Применение мокрого бурения, когда пыль смачивалась водой, зимой сдерживалось замерзанием последней при естественной холодной вентиляции горных выработок. Люди работали без прорезиненной одежды – в телогрейках. Зимой, когда рабочий шёл до дома, одежда так смерзалась, что приходилось сначала оттаивать, а затем раздеваться. Горные выработки освещались «копилками», которые изготавливались с помощью железной банки, фитиля, керосина или солярки, затем на смену копилкам пришли ацетиленовые лампы – «карбитки».

Порода, отбитая взрывчаткой на железный лист, вручную грузила в деревянные тачки, вагонетки малой ёмкости и мускульной силой человека (преимущественно женщинами) откатывалась по деревянным рельсам в общий бункер на поверхности. Рельсы представляли собой деревянные бруски с прибитыми к ним железными уголками. Попытки применения конной тяги испытали неудачу из-за малого сечения горных выработок. Подъём породы и руды из шурфов с глубины 35 метров, и транспортировка последней от штольни № 1 и штольни № 2 до обогащательной фабрики осуществлялась конной тягой по рельсам. Лошади были натренированы так, что работали строго по гудку [7]. Применялись системы отработки блоков с магазинированием руды и креплением очистного пространства распорной крепью. На обогащательной фабрике обогащение руды происходило флотационным методом.

В феврале 1942 г. страна получила первые тонны молибденового концентрата [2]. Он поставлялся на Скопинский металлургический завод, находящийся в Рязанской области г. Скопин [1], который

был полностью переведён на выполнение оборонных заказов в августе 1941 г. [3].

Секретарь обкома ВКП(б) И. А. Кузнецов в июне 1943 г. докладывал о том, что ввиду недокомплекта рабочей силой и нехваткой транспорта, четырёхмесячный план по добыче молибдена выполнен лишь на 35%, по добыче руды – 38%, по горноподготовительным работам – на 24%. И хотя в мае работа молибденового предприятия улучшилось и удалось перевыполнить план по добыче концентрата, Кузнецов опасался того, что такое положение дел ставит рудники в бесперспективное положение и грозит срывом всех работ [5].

Согласно постановлению Государственного комитета обороны (ГОКО) от 1944 г. «Шахтамастрой» в течение 1945 г. должна была построить и ввести в эксплуатацию рудник и обоганительную фабрику, производительностью 200 тонн руды в сутки в марте, 500 тонн руды в сутки в декабре, а также увеличить горноподготовительные выработки, в целях наращивания объёмов добычи молибденового концентрата. Однако в феврале 1945 г. строительные работы ещё не начались.

План по добыче металла в 1944 г. выполнен только на 11,6%. Горные цехи не были должным образом подготовлены, а горные работы критически отставали от темпов наращивания мощностей предприятия. Это ставило под угрозу увеличение планов добычи металла. Разведка в глубину сильно отставала, из-за чего имеющиеся в большом количестве запасы руды добывались преимущественно ближе к поверхности и низкой категории. Те запасы, которые были подготовлены для выемки, можно было извлечь за 2–4 месяца при пониженных планах добычи. Компрессорное и перфораторное хозяйство не соответствовало потребностям разворота горных работ [9].

По постановлению совещания руководящих работников вольфрамомолибденовых предприятий при отделе обкома ВКП(б), Шахтаминское предприятие за 1945 г. должно было выполнить горнокапитальных выработок на 247 погонных метров, геологоразведочных – на 410, горноподготовительных – на 1320. Такой объём работ обеспечил бы увеличение добычи металла и переработку его в концентрат [6]. Планы выполнить не удалось, ввиду недостатка электроэнергии, рабочей силы и материального обеспечения.

Необходимо сказать о том, что срыв строительных и горнодобывающих планов на предприятии «Шахтамастрой» был не единственным в области. В докладной записке секретаря обкома ВКП(б) по металлургии В. Г. Кучин сообщал о том, что большинство трестов и комбинатов по добыче цветных и редких металлов свои планы работы не выполняли, а в некоторых случаях, резко снижали их добычу [6].

Поэтому выполнение годовых планов по добыче молибдена в 1941 г. составило 55,1 %, в 1942 г. – 51 % [6], в 1943 г. – 49 % [10], в 1944 г. – 11,6% [9].

Таким образом, Шахтаминское молибденовое месторождение было богато залежами редкого металла – молибденита, который особенно был необходим государству в военные годы. В 1941–1943 гг. на месторождении буровзрывательными работами были совершены горные выработки, состоящие из штолен № 1 и № 2, полушахт, штреков. Руду добывали старательские артели, которые в большей степени работали вручную. Из-за недостатка транспорта, рабочей силы, ресурсов, финансового и материального обеспечения годовые планы по капитальному строительству предприятия, горноподготовительные работы, планы по добыче руды, как правило, не выполнялись. В связи со срывами сроков капитального строительства не могла нормально функционировать и горнорудная деятельность – не хватало специальных помещений для работы с рудой.

Список литературы

1. Быбин Ф. Ф. Шахтаминское рудоуправление // Энциклопедия Забайкалья: в 4 т. / гл. ред. Р. Ф. Гениатулин. Новосибирск: Наука, 2006. С. 369.

2. Воспоминания В. А. Самусенко // Личный архив В. А. Самусенко.

3. Гольцева Г. К. Рязанский оборонно-промышленный комплекс: вклад в Победу. URL: http://info.rounb.ru/elbibl/el_res/bogatiri/Pdf/rpk_vklad.pdf (дата обращения: 06.03.2020). Текст: электронный.

4. Докладная записка секретаря обкома ВКП(б) Воронова Г. И. наркому цветной промышленности Самохвалову «О Шахтаминской геологоразведочной партии Всесоюзной конторы Редметразведка» // Читинская область в годы Великой Отечественной войны: 1941–1945: сборник документов и материалов / под ред. В. И. Мерцалова. Чита: Экспресс-издательство, 2005. С. 285–286.

5. Докладная записка секретаря обкома ВКП(б) Кузнецова И. А. заместителю Председателя Совнаркома Микояну А. И. «О состоянии работ на молибденовых предприятиях Читинской области» // Читинская область

в годы Великой Отечественной войны: 1941–1945: сборник документов и материалов / под ред. В. И. Мерцалова. Чита: Экспресс-издательство, 2005. С. 291.

6. Из докладной записки секретаря обкома ВКП(б) по металлургии Кучина В. Г. «Об итогах хозяйственного года по промышленности цветной и чёрной металлургии и химической промышленности Читинской области за 1942 год» // Читинская область в годы Великой Отечественной войны: 1941–1945: сборник документов и материалов / под ред. В. И. Мерцалова. Чита: Экспресс-издательство, 2005. С. 194–200.

7. Летопись Вершино-Шахтаминской средней школы // Из архива МБОУ Вершино-Шахтаминской СОШ.

8. Казанцев В. И. Шахтама // Шелопугинские вести. 2008. № 15. С. 4.

9. Постановление совещания руководящих работников вольфрамомолибденовых предприятий при отделе металлургии обкома ВКП(б) «По итогам работ за 1944 год и мероприятиям на 1945 год» // Читинская область в годы Великой Отечественной войны: 1941–1945: сборник документов и материалов / под ред. В. И. Мерцалова. Чита: Экспресс-издательство, 2005. С. 293–295.

10. Сведения о выполнении плана по добыче металла за 1943 год в сравнении с предыдущими годами // Читинская область в годы Великой Отечественной войны: 1941–1945: сборник документов и материалов / под ред. В. И. Мерцалова. Чита: Экспресс-издательство, 2005. С. 203–204.

История образования и культуры Забайкалья

УДК 908+271.22+2-4

*Е. С. Бушueva,
ст. преподаватель,
Иркутский национальный исследовательский
технический университет,
г. Иркутск, Россия*

Нерчинский Успенский мужской монастырь как место ссылки высокопоставленных иерархов Русской православной церкви (на примере Георгия-Гедеона Дашкова)

Статья продолжает тематический цикл авторских публикаций, знакомящих с неизвестным ранее направлением деятельности Нерчинской Свято-Успенской мужской обители – пенитенциарной. Нерчинский Успенский монастырь, как самый удалённый монастырь Российской империи, на протяжении всего XVIII в. использовался в качестве места ссылки и заточения для неугодных лиц духовного звания. Осуществлён всесторонний анализ немногочисленной группы узников, ссылаемых «за семь тысяч вёрст... на край Сибири... чтобы скрыть всякую тайну и усмирить самую пылкую горячность» для заточения в тюрьму Успенского мужского монастыря «до смерти неизбежно», которую представляли высокопоставленные иерархи, некогда входившие в состав руководства высшего органа церковно-государственного управления РПЦ.

Ключевые слова: *Нерчинская Успенская церковь, каменная подклеть, ссылка в отдалённый монастырь, вице-президент Св. Синода, архиепископ Ростовский и Ярославский*

E. S. Bushueva,
Senior Lecturer,
National Research Irkutsk State Technical University,
Irkutsk, Russia

**Nerchinsky Assumption Monastery as a Place of Exile
for High-ranking Hierarchs Russian Orthodox Church
(by the Example of Georgy-Gedeon Dashkova)**

The article continues the thematic cycle of author's publications introducing with a previously unknown direction of activity of the Nerchinsk Holy Dormition monastery – a penitentiary. Nerchinsky Assumption monastery as the most remote of the Russian empire, throughout the XVIII century it was used as a place of exile and confinement for unwanted clergy. A comprehensive analysis of a small group of prisoners was carried out, exiled “ seven thousand miles away... to the edge of Siberia... in order to hide every secret and pacify the most ardent fervor”, which was represented by high-ranking hierarchs who were previously included in the leadership of the supreme body of church-state administration of the ROC.

Keywords: *Nerchinsky Assumption church, stone basement, exile to a distant monastery, vice-president of the Holy Synod, Archbishop of Rostov and Yaroslavl*

Одна из групп узников, ссылаемых для заточения в тюрьму Нерчинского Успенского монастыря, о которой пойдёт речь в данной статье, представлена опальными духовными иерархами, некогда входившими в состав руководства высшего органа церковно-государственного управления РПЦ в лице таких известных духовных деятелей как: Георгий Дашков, вице-президент Святейшего Синода, архиепископ Ростовский и Ярославский (в схиме Гedeон) и Арсений Мацеевич, митрополит Сибирский, позже, митрополит Ростовский и Ярославский. Информация, предлагаемая в статье, содержит неизвестные ранее сведения о тюремном заточении в Успенском монастыре лишь Георгия Дашкова.

Нерчинский Свято-Успенский мужской монастырь, как самый удалённый восточный монастырь Российской империи на протяжении всего XVIII в. использовался в качестве места ссылки и заточения для неугодных высокопоставленных лиц духовного звания. Правительство и Св. Синод полагали, что «семи тысяч вёрст

и Сибири» будет вполне достаточно для того, чтобы «скрыть всякую тайну и усмирить самую пылкую горячность» [10, с. 393]. Мнение, широко распространённое в правящих кругах, предопределило выбор места для «заключения секретного колодника – архиепископа Георгия (Дашкова) в схиме Гедеона, арестованного за подозрение в участии по делу об устранении с престола Анны Иоанновны [5, л. 293 об.]. Дореволюционный исследователь И. А. Чистович писал: «Государыня утвердила приговор, приказав отправить Гедеона в Успенский Нерчинский монастырь Иркутской епархии и содержать его там до смерти неисходно и не слушать никаких объявлений, хотя бы о государевом слове и деле» [10, с. 396].

В соответствии с предписанием государыни-императрицы, летом 1734 г., схимника Гедеона в очередной раз обвинили в выстулении против правительства, во взяточничестве и разорении некогда вверенной ему епархии. Сфальсифицированное обвинение послужило поводом для снятия с него знаков архиерейского сана и ужесточения режима содержания в Спасо-Каменном монастыре Вологодской губернии, расположенном на острове в устье Кубенского озера. Исследователи истории православия Русского Севера А. В. Камкин и А. Р. Павлушков замечают, что Спасо-Каменный-на Кубенском озере монастырь, не являлся полностью изолированным местом, особенно в зимний период времени [9, с. 18]. Данный факт стал причиной настоятельного требования Феофана Прокоповича ужесточить режим монастырского заточения преступнику государственной важности, сослав его «подалее на тогдашнюю границу Сибири в Иркутскую епархию» [8, с. 404], а там, в Свято-Успенский монастырь. В Нерчинский заказ «безвинная жертва придворных интриг» прибыла на исходе 1735 г.

Во всех биографических очерках, рассказывающих о судьбе опального иерарха, исследователи останавливаются на констатации факта ссылки в Нерчинский Успенский мужской монастырь [8, с. 403; 10, с. 348–365; 9], по причине отсутствия каких-либо сведений о его дальнейшем пребывании в монастырском заточении. А. В. Карташов, как и многие другие, лишь заметил: «... Георгий-Гедеон был заслан в Нерчинск и там умер, когда-то до 1740 года» [8, с. 405]. Данный факт нашёл подтверждение у краеведа Н. С. Тяжелова, отметившего: «в Успенском монастыре была построена особая камера для содержания «государственных преступников» [6, л. 84]. Эти уточнения позволили сделать вывод о том, что

специализированное тюремное помещение имелось в Успенском монастыре.

Здесь в подклети каменной Успенской церкви, наспех приспособленной под темницу, томился долгие годы и умер 17 (28) апреля 1739 г. выдающийся церковный деятель первой половины XVIII в. архиепископ Ростовский и Ярославский, вице-президент Святейшего Правительствующего Синода Георгий Дашков (в схиме Гедеон). В своё время им был внесён немалый вклад в стабилизацию политической ситуации в стране. Во время бунта астраханских стрельцов в мае 1706 г. он оказал неоценимую помощь фельдмаршалу Шереметеву, который в письме самодержцу Российскому Петру I охарактеризовал его так: «Троицкого монастыря соборной старец Дашков сколько в тот бунт народу укротил и проходил какими мудрыми факциями, что никто дело ево изъ бунтавщиковъ знать не могъ, дивлюсь откуды такое ево мудрая происхождение явилось. И если бы не он в томъ было радетельное происхождение, конечно б Астрахань разорилась...» [10, с. 185]. Благодаря ораторскому таланту и личным качествам: неустрашимости, отваге, напористости, Дашков смог во время Астраханского восстания предотвратить напрасные человеческие жертвы и разорение богатого торгового города.

Тёплый подвал каменной соборной Нерчинской Успенской церкви, в одночасье превратившийся в монастырскую тюрьму, напоминал одновременно и каменный мешок, и земляную тюрьму. Характеризуя условия заточения узников в аналогичных местах, первый ссыльный земли Даурской протопоп Аввакум восклицал: «Еретики-собаки, как-то их дьявол научил: жива человека закапать в землю» [7, с. 57].

Исходя из дефиниции понятия «монастырские тюрьмы», исследователь церковно-пенитенциарной системы С. О. Шалапин указывает, что в обителях Беломорья в XVIII в. под «земляной тюрьмой» подразумевалась «не яма, а каменный каземат в подклети храма или иного монастырского здания, в котором не был настлан деревянный пол» [11, с. 112].

В Нерчинском Успенском монастыре, который относился к числу наиболее удалённых окраинных обителей российского государства, под тюремное помещение приспособили глухую подклеть единственного каменного культового сооружения – церкви во имя Успения Пресвятой Богородицы, соответствующую всем требова-

ниям монастырского «каменного мешка» – разновидности одиночного каземата или как его ещё называли «каюты». В прежние времена в подклети монастырской соборной церкви хранились дорогие «заморские вещицы». Согласно традиции того времени, в крупных торговых городах или населённых пунктах подклети каменных церквей служили складами для многочисленных товаров.

Вход в подклеть Успенской церкви был хорошо замаскирован. Он скрывался под одной из напольных плит в юго-западном углу трапезной, в то время как традиционно должен был находиться в её северо-западной части. Данное отступление от традиций храмо-строения было обусловлено возведением в северо-западном углу трапезной большой русской печи для обогрева невысокого, но просторного каменного помещения, где в зимнее время служили и питались монахи [3, л. 283; 1, с. 78; 2, с. 45]. Одновременно печь обогревала и пространство подклети, в которой томились узники, чем существенно облегчалось их тяжёлое положение.

Дореволюционный исследователь И. А. Чистович в историко-биографическом труде «Феофан Прокопович» привёл примеры расправ Феофанф над своими идейными противниками – Георгием Дашковым, Львом Юрловым, Игнатием Смолой, Сильвестром Холмским, Феодосием Яновским и др., осуществляемые по однотипному сценарию. Так, Новгородскому архиепископу Феодосию Яновскому, предшественнику Георгия Дашкова на посту вице-президента Св. Синода, было предъявлено стандартное обвинение в «злохулительных» словах против Екатерины I, в «предерзностных упротивностях» и расхищении церковных ценностей. С него публично сняли архиепископский сан, а смертную казнь заменили пожизненной ссылкой в Николаевско-Корельский монастырь, где поместили в каменную тюрьму под церковью, в которой предварительно разобрали деревянный пол и разрушили печь. Камеру же запечатали особой печатью, и узника стали называть «запечатанным старцем» [10, с. 253]. В завершении И. А. Чистович, характеризуя Прокоповича, писал: «сколько людей погубил он совершенно напрасно, измучил, сжёг медленным огнём пытки и заточения – без всякого сострадания и сожаления!» [Там же, с. 348].

Георгий Дашков провёл в заточении в общей сложности девять лет, из которых три с половиной года (с конца 1735 по апрель 1739 гг.) отбывал наказание в Нерчинском Успенском монастыре. За период его заключения сменилось два наместника-иеромонаха –

Боголеп и Иов. Они по-разному относились к высокопоставленному колоднику. Из истории известно, что режим монастырского заточения и условия содержания арестантов всецело зависели от отца-наместника, обладающего неограниченной властью как над сосланными для отбывания наказания, так и над монастырской братией. Вместе с тем наместники регулярно отчитывались перед епархиальным архиереем, который, контролируя режим содержания высокопоставленного арестанта, информировали обо всём Св. Синод.

В Иркутске, по пути следования в Нерчинский Успенский монастырь, у Георгия Дашкова, представителя известного дворянского рода, произошла встреча с Иннокентием (Неруновичем), епископом Иркутским и Нерчинским. Епископ, будучи выходцем с далёкой российской периферии – Украины, относился к партии малороссов и всемерно поддерживал политику, проводимую действующим президентом Св. Синода Феофаном (Прокоповичем). В свою очередь влиятельный колодник, бывший во времена правления Петра II «полновластным хозяином духовного правительства», являлся одним из руководителей великоросской партии и идеологом упрочения её позиций в духовном ведомстве и правительстве, горячим противником западного влияния. С воцарением на русском престоле императрицы Анны Иоанновны, в стране резко изменилась политическая ситуация. У Феофана Прокоповича появилась реальная возможность свести счёты с представителями оппозиции – лишив их сана сослать в дальние монастыри «до смерти неизбежно». Иннокентий (Нерунович), епископ-малоросс, строго следовал инструкции, присланной с опальным иерархом. В сопроводительной записке предписывалось: «Послать его (Дашкова) под крепким караулом в Тобольскую губернскую канцелярию, а оттуда сослать его Иркутской епархии в Успенский Нерчинский монастырь и там содержать его, Дашкова, до смерти никуда неизбежно под крепким караулом неотменно, не допуская к нему, кроме караульных других никого, пищу и одежду давать ему против прочих монахов». Иркутский епископ Иннокентий (Нерунович), в свою очередь, дополнил инструкцию личным распоряжением о месте тюремного заточения оппозиционно настроенного арестанта и возложил всю ответственность за его содержание в Успенском монастыре на наместника-строителя Боголепа.

Первоначально режим его содержания был достаточно строгим: усилен надзор со стороны наместника, приставлены дополнительные караульные из числа «престарелых, раненых и увечных

казаков и служилых», находящихся при монастырской богодельни, строго воспрещена переписка и общение. В 1736 г., после смерти Феофана Прокоповича, схимонах Гедеон переводится на житье среди братии на положение «почётного инока». Об этом свидетельствуют записи из приходно-расходных книг монастыря за 1736 г. [4, л. 915]. Лояльность наместника-строителя Боголепа к опальному иерарху, не могла оставаться незамеченной иркутским архиереем-малороссом. Сочувствующее отношение к ссыльному со стороны наместника Боголепа стало первопричиной для отстранения его епископом Иннокентием (Неруновичем) от управления монастырём и заменой его иеромонахом Иовом.

Высочайший указ, изданный 23 октября 1740 г. о помиловании «невинно сосланных в предшествующее царствование» уже не застал его в живых. Гедеон умер в нищете, колодником, а оставшееся после него имущество – «скарб», по решению конторы Тайных розыскных дел был распределён между братиею монастыря. В архиве Забайкальского края сохранился перечень вещей, оставшихся после смерти «невинного страдальца» Георгия Дашкова. Перечень, составленный казначеем Успенской обители Фёдором Бушуевым (выходцем из Ярославской губернии), был краток. Он насчитывал не более десяти предметов, а «ветхое схимническое облачение» долгие годы хранилось в церковной ризнице [3, л. 48]. По легенде, передающейся из уст в уста, небольшой священнический крест, приложенный к «восьмиконечному кресту» центральной главы Успенского храма, принадлежал некогда ему – схимонаху Гедеону (Дашкову).

Опальный церковный иерарх Георгий Дашков, внёсший заметный вклад в развитие государственно-церковных отношений на этапе формирования абсолютизма, был погребён в Нерчинском Успенском монастыре. Место погребения не известно. На сегодняшний день существует три версии о месте его захоронения. За минувшие столетия культурный слой земли значительно поднялся и скрыл высокую церковную подклеть-тюрьму, как бы пытаясь утаить тёмные страницы истории каменной церкви Нерчинского Успенского монастыря.

Список литературы

1. Бушуева Е. С. Наследие Нерчинского Свято-Успенского мужского монастыря: приходской храм и его настоятели 1775–1930 гг. (к 310-летию основания монастыря) / науч. ред. П. А. Новиков. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2016. 319 с.

2. Бушуева Е. С. Нерчинская Успенская церковь: архитектура и внутреннее убранство начала XVIII века (к 300-летию со дня окончания строительства и освящения): книга для учителя. Чита: ЗабКИПКРО, 2012. 104 с.
3. ГАЗК (Государственный архив Забайкальского края). Ф. 282. Оп. 1. Д. 4.
4. ГАЗК. Ф. 282. Оп. 1. Д. 27.
5. ГАЗК. Ф. Р-1141. Оп. 1. Д. 5.
6. ГАЗК. Ф. Р-2676. Оп. 1. Д. 74.
7. Житие протопопа Аввакума, им самим написанное. Чита: Экспресс-издательство, 2009. 93 с.
8. Карташов А. В. Очерки по истории Русской церкви. Т. 2. Репринтное воспроизведение. УМСА-PRESS. Париж, 1959. М.: Наука, 1991. 693 с.
9. Павлушков А. Р. Пенитенциарная практика северных монастырей XVIII–XIX вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Вологда, 2000. 29 с.
10. Чистович И. А. Феофан Прокопович и его время. СПб., 1878. 750 с.
11. Шаляпин С. О. Церковно-пенитенциарная система в России XV–XVIII веков. Архангельск: САФУ, 2013. 240 с.

УДК 069(571.53)

А. В. Василенко,
студент,

*Иркутский государственный университет,
г. Иркутск, Россия*

В. А. Шаламов,

канд. ист. наук, доцент,

*Иркутский государственный университет,
г. Иркутск, Россия*

Современные проблемы музеев под открытым небом и работа с природным наследием на примере музея «Тальцы»

Статья посвящена анализу деятельности музеев под открытым небом в сфере изучения и сохранения природного наследия на их территории (на примере архитектурно-этнографического музея «Тальцы»).

Ключевые слова: *природное наследие в музеях под открытым небом, экологическое просвещение в музеях под открытым небом, «Тальцы»*

A. V. Vasilenko,
Student,
Irkutsk State University,
Irkutsk, Russia

V. A. Shalamov,
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor,
Irkutsk State University,
Irkutsk, Russia

Actual Issues of Open-air Museums and Working with Environment Sites on the Example of a Museum “Talci”

This article analyzes the activities of openair museums in the field of environmental heritage, its study and preservation on their territory on the example of the architectural and ethnographic Museum “Talci”.

Keywords: *environmental heritage in open air museums, environmental education in open air museums, “Talci”*

Ещё в XX веке главной задачей создания музеев под открытым небом являлось изучение народной самобытности и культуры того или иного этноса [2, с. 24]. На сегодняшний день данный тип музеев, выполняя ту же задачу, дополнительно ведёт научную и практическую деятельность в области изучения природной составляющей. Природа сохраняется в её естественном виде, и благодаря этому появилась возможность изучения изменений, происходивших с природными объектами в прошлом и до настоящего времени. Более того, предоставляется прекрасная возможность сохранения растительного и животного мира на территории того или иного музея под открытым небом, а также популяризации принципов экологической культуры. Чаще всего музеи под открытым небом ведут деятельность, основанную на работе с природной составляющей и экологическим просвещением. В основном эта деятельность представлена в виде научных исследований, таких как публикации отчётов или научных статей и сборников, либо в виде работы специальных отделов или музейных центров, которые проводят лекции и другие мероприятия по теме экологии. Цель экологического образования состоит в том, чтобы общество осознавало, приобретало определённые знания, развивало установки, которые, в дальнейшем, смогут решать реальные экологические проблемы. Такие музеи, подразуме-

вая в своей концепции данный тип деятельности, выполняют очень важные задачи, наравне с некоммерческими природными организациями и специализированными учреждениями, в области охраны природного наследия.

Итак, рассмотрим каким образом выполняют вышеописанные задачи музеев под открытым небом – «Тальцы». Он является наиболее крупным музеем данного типа на территории Иркутской области, поэтому представляет наибольший интерес для изучения аспектов, связанных с работой в сфере природного наследия.

«Тальцы» – архитектурно-этнографический музей, в 1994 г. стал самостоятельным учреждением культуры областного подчинения, в 1995 г. комплекс был отнесён к объектам исторического и культурного наследия федерального значения. Музей представляет собой собрание памятников архитектуры и этнографических материалов XVII–XX вв. Данный музейный комплекс находится под открытым небом, и на его территории продемонстрированы четыре историко-культурные зоны – эвенкийское и тофаларское стойбища, а также русский и бурятский комплексы [6]. Согласно своей концепции, научная деятельность музея предполагает наличие работы с природной составляющей, которая располагается на его площади. Как и большинство музеев под открытым небом типа «скансен», «Тальцы» обладает достаточно большой парковой зоной, где расположены объекты культурного наследия. Площадь музея составляет 70 гектаров (согласно информации, предоставленной на портале Museum.ru [3]), которая включает в себя различные постройки и сооружения, демонстрирующие быт той или иной народности. Также по определению концепции музея под открытым небом типа «скансен» (конец XIX века), предполагалось, что такой вид культурного учреждения ведёт работу не только в области сохранения традиционной культуры и быта народа, его архитектуры, но и представляет людей, которые, по сути, оживляют историю, занимаясь традиционным ремеслом, демонстрацией уклада жизни, принадлежащего тому или иному этносу. Характерной чертой является облачение в народные костюмы, исполнение народных песен, танцев и т. д. [1, с. 29]. Современный «скансен» должен вовлекать посетителя в происходящие на территории музея процессы и в свою среду, не позволяя стать последнему пассивным наблюдателем [4]. В музее «Тальцы» ярко продемонстрированы экспозиционные комплексы (в виде стойбищ, деревенских домов и других сооружений),

которые имитируют традиционный уклад жизни народов, представленных в экспозициях.

Рассмотрим, как данный музейный комплекс реализует концепцию «оживления» истории на его территории. Для начала определим какие виды «вовлечённой» традиционной деятельности предлагает «Тальцы». Музей предоставляет возможность посещения мастер-классов, таких как кузнечное дело, гончарное ремесло, народная кукла, берестяная дудка «Манок», роспись матрёшки и др. [7]. Также посетители могут выбрать интерактивные программы: «урок в церковно-приходской школе», «юный следопыт», «у Лукоморья», «в гостях у сказки», «русская каша-кормилица наша». Участники данных мероприятий в увлекательно-игровой форме знакомятся с традиционной материальной культурой русского народа. Важно отметить, что посетитель в обязательном порядке должен заранее оставить заявку на участие в какой-либо из программ [8]. «Тальцы» ежегодно проводит культурно-просветительские, фольклорно-игровые и праздничные программы. Обычно такие мероприятия дают возможность посетителю музея «погрузиться» в историю быта (например, программа «Русские посиделки») и традиционных праздников (Троица, Масленица, Покров, Хлебный Спас, Медовый Спас и т. д.) [9].

Мы видим, что культурная сфера является преобладающей составляющей в «Тальцах». Но, необходимо отметить, что такого рода мероприятия, являются запланированными, то есть на территории музея отсутствует постоянная, активная и живописная демонстрация традиционного уклада жизни. Его сотрудники также не вовлечены в процесс на постоянной основе. Они не носят народную одежду и не занимаются бытовым досугом, присущим русским, бурятским, эвенкийским и тофаларским людям прошлого. Как итог, при посещении «Тальцов» у посетителя может складываться впечатление «статичности» экспозиционных комплексов.

На сегодняшний день природно-экологическая составляющая является не менее важной в концепции работы музея под открытым небом. Такие музеи чаще всего публикуют отчёты о проделанной работе в сфере охраны и изучения природных объектов на официальных сайтах в сети Интернет. Однако, на официальной странице музея «Тальцы» посетитель не сможет ознакомиться с отчётами музея о проделанной научными сотрудниками работе в сфере экологии. На сайте не представлены конкретные статьи [11] и научные

публикации [12], которые касались бы непосредственно вопросов окружающей среды, и, более того, у пользователя нет прямого доступа к данным материалам. Также не опубликованы нормативные акты об охране природного наследия на территории музея, и отсутствует информационный блок о проведении конференций, лекций, образовательных программ по данной теме [10].

Дополнительно стоит отметить, что охрана достаточно большой площади музея осуществляется через камеры наблюдения, сотрудников охраны и наблюдателей. Кроме того, почти по всей территории установлены предупреждающие знаки: «Ведётся видеонаблюдение», «Не мусорить!» и т. п. Но, несмотря на все эти меры, на территориях экспозиций под открытым небом наблюдается наличие бытового мусора, который могли оставить только посетители. Как итог, при наличии большой по площади природной зоны, её использование в «Тальцах» является минимальным и отходит на второй план, являясь всего лишь «фоном» для культурного наследия.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что музей «Тальцы» имеет ряд проблем: не вовлечённость посетителя в активную жизнь музея; отсутствие программ, отвечающих за работу с природными объектами на территории музея и отсутствие освещения вопросов, касающихся экологии. Кроме того, сами сотрудники оказываются не вовлечёнными в данные процессы. Это создаёт проблемы для них самих, так как не ведётся научная деятельность в области экологического образования, что в свою очередь, влечёт за собой их неосведомлённость в вопросах работы с природной составляющей музея. Но именно «живая» среда музея под открытым небом, является формой организации памяти в современной культуре и представляет собою причину популярности и успеха подобных музеев, как в России, так и в зарубежных странах [5].

Список литературы

1. Де Йонг Адриан, Скоугорд Метте. Первые музеи под открытым небом: о народных традициях – музейными средствами // Этнографические музеи и музеи под открытым небом. 1993. № 175. С. 29.
2. Зойнер Кристофер. Музеи под открытым небом: некоторые размышления в связи с празднованием юбилея // Этнографические музеи и музеи под открытым небом. 1993. № 175. С. 24.
3. Иркутский архитектурно-этнографический музей «Тальцы»/ Текст: электронный // Музеи России. URL: <http://www.museum.ru/M1851> (дата обращения: 21.10.20).

4. Локотко Е. А. Музеи под открытым небом: история и перспективы развития. Белоруссия, 2017. URL: https://rep.bntu.by/bitstream/handle/data/30267/Muzei_pod_otkryтым_nebom_istoriya_i_perspektivy_razvitiya.pdf?sequence=1&isAllowed=y (дата обращения: 23.10.20). Текст: электронный.

5. Пермиловская А. Б. Особенности формирования русских и европейских скансенов. Тамбов, 2014. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21578271> (дата обращения: 23.10.20). Текст: электронный.

6. «Тальцы» – архитектурно-этнографический музей. Текст: электронный // Музей «Тальцы». URL: <http://talci-irkutsk.ru/> (дата обращения: 22.10.20).

7. «Тальцы» – архитектурно-этнографический музей. Текст: электронный // Мастер-классы. URL: <http://talci-irkutsk.ru/master-klassy> (дата обращения: 22.10.20).

8. «Тальцы» – архитектурно-этнографический музей. Текст: электронный // Интерактивные программы. URL: <http://talci-irkutsk.ru/interaktivnye-programmy> (дата обращения: 22.10.20).

9. «Тальцы» – архитектурно-этнографический музей. Текст: электронный // Анонсы и события. URL: <http://talci-irkutsk.ru/anonsy> (дата обращения: 22.10.20).

10. «Тальцы» – архитектурно-этнографический музей. Текст: электронный // Новости. URL: <http://talci-irkutsk.ru/novosti-i-sobytiya> (дата обращения: 22.10.20).

11. «Тальцы» – архитектурно-этнографический музей. Текст: электронный // Тальцы: научно-популярный журнал: URL: <http://talci-irkutsk.ru/izdaniya-muzeya> (дата обращения: 22.10.20).

12. «Тальцы» – архитектурно-этнографический музей. Текст: электронный // Публикации. URL: <http://talci-irkutsk.ru/publikatsii> (дата обращения: 22.10.20).

13. Shinha D. K. Need for Environmental Awareness. URL: <https://www.yourarticlelibrary.com/essay/need-for-environmental-awareness/42509> (дата обращения: 22.10.20). Текст: электронный.

Т. Г. Васильева,
канд. ист. наук, доцент,
Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия

История учительской судьбы А. С. Боровской

Статья посвящена судьбе школьного учителя А. С. Боровской. Александра Семёновна – одна из лучших педагогов города Читы, её биография является ярким примером самоотверженной преданности делу просвещения. Источниковую базу исследования составили опубликованные материалы и устные воспоминания Александры Семёновны Боровской.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, учитель, общеобразовательная школы, школа рабочей молодёжи, город Чита

T. G. Vasilieva,
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor,
Transbaikal State University,
Chita, Russia

History of the Teacher's Fate A. S. Borovskaya

The article is devoted to the fate of the school teacher A. S. Borovskaya. Alexandra Semyonovna is one of the best teachers of the city of Chita, her biography is a vivid example of selfless dedication to the cause of education. The source base of the research was made up of published materials and oral memoirs of Alexandra Semyonovna Borovskaya.

Keywords: the Great Patriotic War, teacher, elementary school, school for working youth, the city of Chita

Когда закончилась Великая Отечественная война, Александра Семёновна Боровская выпустила второй класс начальной школы. На старой фотографии возле молоденькой учительницы мальчишки, которые жили возле озера Кенон и учились в школе № 15 (рисунок). Учеников она учила не только писать, читать и считать, но и терпеливо выслушивала каждого. Во время перемены заботливо кормила их, старательно разрезая булку хлеба, чтобы всем досталось

поровну. Потом разливала по кружкам кипяток, иногда подкладывая кусочек сахара.

А. С. Боровская и её ученики, 1945 г.

В школу Александра Семёновна пришла по заданию райкома комсомола в 1944 году, когда ей ещё не было и 19 лет. Родилась она 26 ноября 1925 года в Чите. В 75-летний юбилей Великой Победы Александре Семёновне идёт 95-й год. В памяти А. С. Боровская хранит имена учеников и коллег, с которыми вместе делила трудности военного времени, и события почти за 50 лет учительской работы.

Восьмого июня 1941 года Саша Боровская и её одноклассники отпраздновали окончание семилетней школы, а 22 июня началась Великая Отечественная война. Первое лето в условиях войны для Саши и её подруг прошло на сельхоз работах в сёлах, недалеко от города. Затем учёба в 1941–1942 гг. в Читинском техникуме железнодорожных путей сообщения. В программу обучения входили обязательная военная подготовка и военно-спортивная тренировка: учились ползать «по-пластунски» и овладевать военным делом.

В 1944 году она закончила 10-й класс в 24-й школе (ныне № 45) в Чите. Решением Железнодорожного районного комитета комсомола Александру Боровскую и её подруг направили на работу учителями начальных классов в 15-ю школу. Придя в школу без опыта, без

специальных знаний, Александра Семёновна нашла там свою судьбу. В 1946-м заочно закончила педагогическое училище, а в 1949 – Читинский учительский институт [4, с. 74]. Педагогическое мастерство она приобретала в трудные послевоенные годы, когда надо было быть не только учителем, но и моральной опорой ученикам и их родителям, а также своим товарищам.

Работая в школе, А. С. Боровская выполняла разные должности: учитель начальных классов, учитель математики, завуч по воспитательной работе и директор школы.

В послевоенные годы подростки, работающие на предприятиях, и малограмотные фронтовики не могли учиться в дневных школах. Для молодёжи, не сумевшей получить образования, создавались вечерние школы рабочей и сельской молодёжи (ШРМ и ШСМ). А. С. Боровская организовала, а затем и возглавила ШРМ № 7 в Железнодорожном районе г. Читы [1, с. 72–73].

Сочетать работу и учёбу ученикам вечерней школы было крайне сложно. В ШРМ училась разновозрастная молодёжь. А. С. Боровская вспоминает, что в обучении и воспитании работающей молодёжи преподаватели стремились поддержать стремление выпускников школы к реальным перспективам в дальнейшей их жизни.

Обучение в ШРМ осуществлялось на базе школы № 15. Александра Семёновна и другие преподаватели совмещали работу в двух школах: дневной и вечерней. Директору А. С. Боровской приходилось решать не только административные вопросы, но и проблемы учебно-материальной базы, обеспечение учебными и наглядными пособиями. Вечерняя ШРМ – школа общеобразовательная, поэтому стояли те же задачи: 7-летний всеобуч и совершенствование учебной и воспитательной работы.

В 1958 году был принят закон «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования СССР». Закон также определил пути развития системы ШРМ: 7-летние школы преобразовали в вечерние (сменные) средние школы.

Был установлен один тип вечерней школы – вечерняя средняя общеобразовательная школа, в составе которой некоторое время сохранялись также 3–8 классы. Обучение в вечерней школе осуществлялось без отрыва от производства как в вечернее, так и в дневное время. В школах Восточной Сибири, в т. ч. и Читинской области, занятия могли быть сосредоточены в период, свободный от работы на производстве [2, с. 28].

В целом, формировался новый тип учебного заведения, значительно расширяющий социально-образовательные функции. Вечерние школы стали центрами образования взрослых. А. С. Боровская уверена, что 50–60-е годы XX века стали периодом становления и развития школ рабочей молодёжи в Чите и повышения образовательного уровня выпускников ШРМ.

Глядя на Александру Семёновну, по-настоящему понимаешь, что такое «самозабвенный труд». Забывать о себе, слагать свою жизнь из жизней сотен любимых тобою людей – не каждому это дано. Конечно, была у неё и своя собственная «нешкольная» жизнь [3]. Вместе с мужем Василием Семёновичем Куриленко воспитала Александра Семёновна двоих детей и внука.

Но делом её жизни была школа. Сотни мальчишек и девчонок запомнили и полюбили эту энергичную, весёлую женщину, проводившую с ними всё своё время – в походах, соревнованиях, конкурсах и олимпиадах. В 1965 году усилиями отряда «Отвага» из школы № 15 под руководством А. С. Боровской была благоустроена могила лётчика Героя Советского Союза В. Г. Рахова. В школе создали небольшую музейную экспозицию, посвящённую военным сражениям на реке Халхин-Гол и участию советских лётчиков в воздушных боях против японских самураев. Школьная пионерская дружина носила имя Героя Советского Союза Виктора Рахова. По воспоминаниям А. С. Боровской в сквере школы был перезахоронен прах героя Виктора Григорьевича Рахова в августе 1983 года. Над могилой была сооружена стела с барельефом.

В 1939 году Александра Боровская училась в 6-м классе и помнит, как с воинскими почестями провожали в последний путь героя Халхин-Гола, отважного лётчика, а потом каждый год 29 августа на могилу приносили живые цветы жители Кенона.

А. С. Боровская с пионерами отряда «Отвага» разыскали вдову героя и сына Анатолия. Спустя 25 лет родные смогли прикоснуться к земле, принявшей останки родного человека. В Читу приезжала вдова Евгения Ивановна Рахова. Долгие годы она тесно поддерживала связь с Александрой Семёновной и другими преподавателями 15-й школы.

Толстый семейный альбом полон ребячьих фотографий. Много их накопилось за 50 лет учительского труда. Александра Семёновна по именам помнит всех «своих» детей – и тех, кого «выпустила» сама и тех, у кого просто вела уроки. Все они давно перестали быть

детьми – некоторым перевалило за семьдесят лет. Кого только нет среди её бывших учеников: инженеры, лётчики, врачи и, конечно, учителя – математики.

А. С. Боровская посвятила жизнь ученикам с надеждой на то, что её воспитанники будут жить честно и принесут пользу Отчизне. Труд педагога отмечен медалями, почётными грамотами и знаками: «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны», «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения Ленина», «Ветеран труда», «Победитель социалистического соревнования» [4, с. 74]. 15 марта 1976 г. указом Президиума Верховного Совета СССР «отличник народного просвещения А. С. Боровская» награждена медалью «За трудовую доблесть». Об уважении, доверии к ней говорят и депутатские удостоверения: Александра Семёновна многие годы была депутатом Железнодорожного районного совета г. Читы, а до того – комсомольским секретарём и бессменным «парторгом» – руководителем партийной организации школы.

В учительской судьбе А. С. Боровской отражена история 15-й школы на озере Кенон и история Железнодорожного района г. Читы. Биография педагога является ярким примером преданности просвещению, трудолюбия и доброты.

Список литературы

1. Васильева Т. Г. Судьбы педагогов Читинской области в послевоенные годы // Забайкалье историческое: материалы VII Межрегион. науч.-практ. конф. Чита, 2018. С. 70–75.
2. Головоненко Д. В., Лозовая Е. Н. Школы рабочей молодёжи в Восточной Сибири в 1950–1980-е гг. (на материалах Иркутской области и Республики Бурятия) // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2012. № 2. С. 27–31.
3. Однажды выбранной дорогой // Забайкальский рабочий. 1985. 5 окт.
4. Учительская слава Забайкалья / гл. ред. К. И. Карасёв. Чита, 2010. 502 с.

*А. В. Волочаева,
канд. ист. наук, доцент,
Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия*

**Организация питания и вещевого довольствия
на Нерчинской уголовной каторге
во второй половине XIX века**

Статья посвящена одному аспекту истории Нерчинской уголовной каторги второй половины XIX века – организации питания и вещевого довольствия преступников каторжного разряда. Исследование условий жизни ссыльнокаторжных важно как для понимания сути этого наказания, так и общего анализа проблем пенитенциарного ведомства в это время, что может стать полезным в деле современных преобразований в системе наказаний РФ. В статье используются материалы архивов городов Читы, Улан-Удэ, Владивостока.

Ключевые слова: ссылка в каторжные работы, Нерчинская каторга, тюремная реформа, вещевое довольствие, организация питания

*A. V. Volochaeva,
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor,
Transbaikal State University,
Chita, Russia*

**Organization of Food and Clothing Allowances
in the Nerchinsk Criminal Penal Servitude in the Second Half
of the XIX Century**

The article is devoted to one aspect of the history of the Nerchinsk criminal penal servitude of the second half of the XIX century – the organization of food and clothing allowances for convict criminals. The study of the living conditions of exiled convicts is important both for understanding the essence of this punishment, and for a General analysis of the problems of the penitentiary Department at this time, which can be useful in modern transformations in the system of pun-

ishments of the Russian Federation. The article uses materials from the archives of Chita, Ulan-Ude, and Vladivostok.

Keywords: *exile to hard labor, Nerchinsk penal servitude, prison reform, clothing allowance, food organization*

Во второй половине XIX века в связи с проведением реформ во всех сферах жизни российского общества, изменилось положение различных категорий населения. Особую группу в этой системе составляли преступники, отбывающие наказания в разных местах Российской империи. Количество людей, совершивших преступления разной степени тяжести, как и число самих преступлений, согласно статистике второй половины XIX века, неуклонно росло. Мы не ставим задачу здесь рассматривать эту проблему, она является темой отдельного исследования. Но эта проблема связана с другим аспектом важным для понимания положения этой возрастающей количественно социальной группы. Речь идёт об организации условий жизни, соответствующих требованиям современных на тот период стандартов, отражающихся в сознании населения и законодательстве государства. Либеральные реформы Александра II повлияли на систему взглядов относительно того, каким должно было стать наказание. Из системы наказаний, по мнению ведущих тюрьмоведов страны, должны были исключаться те, основная функция которых – максимально покарать преступника. Современное наказание должно было строиться на цели перевоспитания преступника. Поэтому на протяжении исследуемого времени изменялась система наказаний, но ликвидировать одно из самых тяжких и карательного по своей сути наказания каторгой, в это время так и не смогли. Ссылка в каторжные работы выполняла на протяжении всей истории России (как и в других странах в разное время) не только задачу наказать (покарать) преступника, но также устранить в центральной России скопление неблагополучной категории населения, переместить особо опасные элементы для общества и государства подальше на окраины (социально-политическая задача), получить от труда преступников доход (экономическая) и освоение малозаселённых территорий Сибири и Дальнего Востока (колониционная). Поэтому отказаться от данного наказания в России в исследуемое время не смогли. Но регулировать положение этой особой категории преступников – каторжан, было необходимо.

В рамках данной статьи не возможно всесторонне рассмотреть данную проблему, т. к. она слишком объемна. Правовое положение каторжан и организация труда преступников рассматривались нами и другими исследователями в других работах [8]. В настоящей статье представлен один из аспектов жизни каторжан – организация их питания и вещевого довольствия. Это позволит нам определить, как изменилась система наказания изнутри, и соответствовала ли она тем требованиям, которые были необходимы. Другие аспекты жизни уголовных каторжных, такие как состояние тюремных помещений и организация врачебной помощи преступникам, представлены была нами также в других работах.

Пищевое и вещевое довольствие преступников, согласно основному документу, регламентирующему положение ссыльных каторжан Уставу о ссыльных, осуществлялось по отдельным правилам [15, с. 87]. На продовольствие арестантов государством выделялись денежные средства, смета которых рассчитывалась на год. Согласно таблицы о деньгах на продовольствие арестантов в 1878 году, на арестанта в Забайкальской области выделялось 12 копеек в сутки, больше было только в Приморской (19 копеек), Амурской (17 копеек) областях и в некоторых округах Якутска (26–34 копейки). В остальных регионах Российской империи этот показатель составлял от 2 до 9 копеек [6, л. 25–25 об.]. Такая разница, на наш взгляд, связана со стоимостью продуктов питания в разных местах. Продовольствие поступало на каторгу, согласно договорам с купцами, после проведения публичных торгов [11, л. 8 об. – 9, 15–15 об., 36; 14, л. 10–11 об.]. Объявления о проведении торгов размещались органами власти в местной газете – Забайкальские областные ведомости [12, с. 6]. В договорах на поставку продовольствия для ссыльнокаторжных указывались объём, качество, сроки поставки и цена поставляемой продукции. Не смотря на то, что при заключении контрактов их качество должно было являться одним из основных критериев, этого на самом деле не наблюдалось, т. к. нет документов, подтверждающих проверку продукции на качество. Скорее всего, на протяжении всего времени основным критерием отбора была цена продуктов.

При распределении продуктов среди каторжан выделялись следующие их группы (категории): работающие на домашних (хозяйственных) работах, работающие на строительных и горных работах, не работающие (скорее всего, больные, освобождённые от работ в результате болезни), преступники внетюремного разряда

(проживающие вне тюрьмы, исправляющиеся) и богадельщики (категория «дряхлах», отбывали наказание в богодельнях) [9]. Отличия между категориями состояли в разнице количества выделяемого хлеба и мяса. Например, между работающими на горных работах (максимальные нормы) и богадельщиками (минимальные нормы) разница была примерно в 2–2,5 раза. Максимальная суточная норма хлеба для работающих на 1 человека составляла 2 фунта 48 золотников – это примерно 1 кг, мяса 64 золотника – около 280 грамм. В целом вроде бы даже по современным меркам достаточное количество, но всё зависит от качества продукции и системы взвешивания (слишком мелкое деление). В постные дни нормы уменьшались, мясо исключалось (что при повседневной рабочей нагрузке, конечно, влияло на выполнение работ). Обычное меню каторжника на каждый день было следующим: утром – чай и хлеб, в обед – щи, на ужин – гречневая или овощная каша, а в постные дни на обед была овощная похлёбка или овсяный суп. У богадельщиков был только завтрак и обед, с уменьшенным количеством мяса, хлеба, а также овощей, соли и специй (лука, перца). Таким образом, нормы питания в целом соответствовали требованиям, только еда была однообразной. Это подтверждают и отчёты многих инспекторов каторги. На наш взгляд, проблема была часто связана с качеством продуктов или стремлением увеличить объёмы порций, изменяя качество. Возможно, поэтому в просьбах к начальству часто обращали внимание на «плохое питание», а также могли возникать «бунты» [13, с. 31]. Но, по мнению некоторых представителей власти, размер выдаваемых каторжным порций превосходил нормы для каторжных военного ведомства и солдатский паёк. Аргументировалось это тем, что каторжные продавали хлеб, который у них видимо был в избытке [2, с. 47]. Речь здесь идёт, скорее всего, о внетюремной команде, так как преступники, находящиеся в камерах, вряд ли могли это делать. То, что касается каторжных, проживающих вне тюрьмы, так здесь не учитываются причины подобного их поведения. На наш взгляд, можно продавать последнее, что есть, и ещё более ограничивать себя в еде, только вынужденно (это связано с проблемами жизни в самой каторжной общине – карточные игры, «иванство» и др.).

Решить проблему качества пищи тюремной начальство, конечно, пыталось на своём уровне. Так приготовление пищи и её распределение, согласно представленным рапортам начальников Нерчинской каторги, происходило поэтапно и было строго ре-

гламентировано. Также по данному документу определены были функциональные обязанности людей, связанных с организацией питания: надзирателя-артельщика, камерных и тюремных старост, дежурных ссыльнокаторжных, кашевара [5, л. 7–7 об.]. В целом, можно охарактеризовать этот документ положительно, поскольку весь процесс – открыт для наблюдения за приготовлением и распределением пищи самими каторжными (на уровне старост), но он не учитывает межличностных отношений преступников (если процветает «иванство»). К тому же, отчёты врачей по заболеваниям на каторге свидетельствуют, что основными болезнями в числе других были болезни желудка и кишечника [3, с. 195]. Значит, проблема организации питания не была решена в полном объёме.

Ссыльнокаторжные, проживающие вне тюрьмы (внетюремный разряд) получали большинство продуктов на руки. К ним относились мука, крупа, мясо, соль, чай, картофель. Также они получали деньгами 5 копеек – вместо лука, перца и лаврового листа [9]. Следует отметить, что в документах встречаются факты несвоевременной выдачи продуктов питания этой категорией каторжных.

Одежда, выделяемая для каторжан, выдавалась также согласно правилам на определённый срок и была двух видов (для летнего и зимнего времени). Нательная обычная одежда (рубашки, онучи, порты) выдавалась по 2 штуки зимой и летом, с расчётом на 6 месяцев каждая. Верхняя одежда – зипун или армяк, шапки (тёплая и летняя), шуба овчинная, шаровары, рукавицы (от 6 мес. до 1 года); сапоги (каждые 3 месяца). Также зимой и летом выдавались суконные мешки (по 1 штуке), видимо для хранения личной одежды [7, л. 443]. Конечно, при работе, не связанной с тяжким трудом, это количество одежды и обуви вполне подходило для преступников, но при осуществлении горных и строительных работ этой одежды было, на наш взгляд, не достаточно. Это и являлось одним из объяснений болезней каторжан: например, ознобление и обморожение от недостатка обуви [10, с. 140], лихорадочные заболевания среди каторжных, хронические болезни лёгких [4, л. 51 об.]. Более подробно статистика заболеваний и смертности каторжных представлена нами в другой работе [3]. К подобным выводам в своём исследовании пришла иркутский исследователь М. Г. Бодяк [1, с. 21]. Хотя некоторые представители власти XIX века считали, что установленные сроки носки одежды корот-

кие и не соответствовали подобным показателям для арестантов других тюремных учреждений [2, с. 48].

Таким образом, условия организации питания и вещевого довольствия уголовных каторжных были относительно сносные, с точки зрения нормативной документации. В некоторых случаях выделяемые нормы довольствия были даже выше чем у солдат, по замечаниям инспекторов каторги. Также в отчётах фиксировались факты продажи хлеба, что может служить определённым аргументом в пользу избытка снабжения. Но с другой стороны, в отчётах не фиксируются точные причины продажи, возможно продажа была последних вещей и хлеба из сильной необходимости (требуется выход на проблемы внутренних отношений в каторжной общине – карточный долг, «иванство» и др.). Поэтому во врачебных отчётах фигурируют заболевания, часто вызванные недостаточностью в одежде и питании (хронические заболевания лёгких, бронхиты, катар желудка и др.). Возможно, проблемы заключались и в качестве питания, поскольку нет информации о проверке качества закупленных продуктов, не смотря на то, что с поставщиками заключались договоры на конкурсной основе. Причём в более сложном положении оказывались каторжные, которые проживали вклетурьмы (исправляющиеся вклетурьменного разряда), поскольку им чаще всего снабжение происходило по остаточному принципу, и были случаи отсутствия снабжения в отдельные периоды. Это, конечно, отражалось на их поведении – повторное совершение преступлений, и влияло на безопасность местного населения.

Список литературы

1. Бодяк М. Г. История Зерентуйской тюрьмы Нерчинской каторги (1879–1917 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Иркутск, 2004. 26 с.
2. Власов В. И. Краткий очерк неустройств, существующих на каторге. СПб.: [б. и.], 1873. 56 с.
3. Волочаева А. В. Оказание медицинской помощи преступникам Нерчинской уголовной каторги во второй половине XIX века // Современные проблемы гуманитарных наук: материалы XIII Междунар. науч.-практ. конф.: в 2 т. М.: Спецкнига, 2012. Т. 1. С. 193–196.
4. ГАЗК (Государственный архив Забайкальского края). Ф. 1 вр. о. Оп. 2. Д. 217.
5. ГАЗК. Ф. 1 т. о. Оп. 1. Д. 100.
6. ГАЗК. Ф. 1 т. о. Оп. 1. Д. 44.
7. ГАЗК. Ф. 93. Оп. 1. Д. 45.

8. Дамешек Л. М., Филатов А. В. Содержание, правовое и материальное положение заключённых каторжных Восточной Сибири // Сибирская ссылка: сб. науч. ст. Иркутск: Отгиск, 2009. Вып. 5. С. 223–251.

9. Каторга в Сибири. Отчёт Начальника ГТУ С. С. Хрулева о служебной поездке в 1909 году в Иркутскую губернию и Забайкальскую область. СПб.: Типо-литография С.-Петербургской тюрьмы, 1910. Ч. 2. 108 с.

10. Максимов С. В. Каторга империи. М.: Эксмо-пресс, 2002. 480 с.

11. Национальный архив Республики Бурятия (НАРБ). Ф. 337. Оп. 1. Д. 542.

12. Объявления от Военного губернатора Забайкальской области о вызове к торгам // Забайкальские областные ведомости. 1876. № 17. С. 6.

13. Пургин Я. В царстве каторги // Сибирские вопросы. 1912. № 7–8. С. 29–34.

14. Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ). Ф. 702. Оп. 4. Д. 124.

15. Свод учреждений и уставов о ссыльных // Свод законов Российской империи. СПб., 1857. Т. 14. 152 с.

УДК 502.3

Т. В. Григорян,

*канд. филос. наук, магистр юриспруденции, доцент,
Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия*

Особенности научных исследований забайкальского учёного В. А. Кобылянского

Статья посвящена рассмотрению результатов научных исследований и наиболее значимых достижений в области философии экологии, философии антропоэкологии и социальной философии, сделанных забайкальским учёным Виктором Аполлоновичем Кобылянским. Отмечается, что он не только исследовал фундаментальные вопросы теории взаимодействия природы и общества, но и предложил оригинальную концепцию взаимоотношения природы и общества. Сделан вывод, что заданные направления исследования и поднятые Виктором Аполлоновичем проблемы нуждаются в дальнейшем научном осмыслении и обосновании.

Ключевые слова: Виктор Аполлонович Кобылянский, природа и общество, философия экологии, философия антропоэкологии, социальная философия

T. V. Grigorian,
Candidate of Philosophical Sciences, Master of Law,
Associate Professor,
Transbaikalian State University,
Chita, Russia

Scientific Researches Features of Transbaikalian Scientist V. A. Kobylyansky

The article is devoted to the consideration of scientific research results and more significant achievements in the field of ecology philosophy, anthropoecology philosophy and social philosophy made by transbaikalian scientist Victor Apollonovich Kobylyansky. It is mentioned that the scientist examined not only the fundamental questions of nature and a society interaction, but also he offered the original concept of nature and society mutual relation. The conclusion that the specified research direction and the problems designated by Victor Apollonovich require the further scientific understanding and a substantiation is made.

Keywords: Victor Apollonovich Kobylyjansky, nature and society, ecology philosophy, anthropoecology philosophy, social philosophy

В истории Забайкалья сфере образования и науки отведено особое место. Научные исследования, проводимые и выполняемые научными школами и отдельными учёными, сформулированные ими выводы и полученные результаты исследований внесли значительный вклад не только в развитие науки Забайкалья, но и российской науки в целом. В частности, одна из крупных школ под руководством заслуженного деятеля науки, профессора, доктора медицинских наук Б. И. Кузника «создала основы новых представлений о взаимосвязи иммуногенеза и гемостаза при различных патологических состояниях» [6, с. 236]. Не менее значимыми являются успехи, достигнутые при изучении этнической литературы Соединённых Штатов Америки Т. В. Воронченко, физики льда Г. С. Бордонским, лингвистики и фольклора Забайкалья Л. М. Любимовой и В. С. Левашовым и другими забайкальскими учёными.

Отдельного внимания заслуживает оригинальный подход в создании основ общей теории экологии, который является основным ядром философии экологии, разработанный забайкальским философом Виктором Аполлоновичем Кобылянским (1942–2007). Результаты исследований философа нашли своё отражение в научных публикациях и в учебном пособии по философии экологии. Отметим, что указанное учебное пособие отличается фундаментальностью и глубиной познания, где структурировано изложена авторская концепция, сочетающая в себе философско-методологические аспекты общей теории экологии, биологической экологии и географической экологии, а также показан конкретный «предметный «развод» биосферологии и биоэкологии с аргументированным выделением глобального, регионального и локального уровней исследования» [4, с. 188–189].

Пусть у читателя трудов Виктора Аполлоновича не вызывает сомнения и культурного удивления соотношение философской и географической области научных знаний в единый предмет изучения; особенно когда узнаёшь из биографических данных и автобиографии о том, что Виктор Аполлонович успешно прошёл обучение на географическом факультете в Ленинградском государственном педагогическом институте имени А. И. Герцена и позже получил учёную степень кандидата философских наук (1975) и доктора философских наук (1988).

Виктор Аполлонович является одним из выдающихся учёных, который в качестве области своего научного изучения поставил синтез экологии и философии, выраженный в философии экологии. Экология и философия как области научного знания каждая в отдельности имеют свою богатую накопленную теоретическую и методологическую базу, а познание их в системе, во взаимодействии демонстрирует новый интересный пласт открытий и достижений.

Философия экологии с позиции учёного представляет собой «область взаимопроникновения философского и экологического знания, имеющей целью выявить в рамках единого концептуального подхода и с определённых мировоззренческих позиций исходные, базовые идеи и основные понятия и проблемы различных экологических наук, являющиеся методологической основой всего комплекса частных экологических дисциплин: геоэкологии, биоэкологии, социоэкологии, антропоэкологии и их многочисленных модификаций, в т. ч. на глобальном, региональном, локальном уровне»

[2, с. 32]. Глубина и ширина научной проработки поражает воображение, так как Виктором Аполлоновичем рассмотрены не только проблемы общей теории экологии (экосистема, экологическое взаимодействие и многое другое). Им также достаточно детально раскрыто соотношение философии географии и геоэкологии, философии биоэкологии и биосферологии.

Особый интерес вызывают научные достижения Виктора Аполлоновича по философии социозкологии, где природа и общество рассматривались им как компоненты натурсоциозкологической системы. При этом учёным подчёркивалось, что природу и общество не правильно рассматривать отдельно, обособленно друг от друга, так как они соотносятся между собой как сложный двусторонний процесс взаимодействия. Это соотношение выражается в воздействии как природы на общество (натурогенный социальный процесс), так и общества на природу (социогенный природный процесс). Причём, и то и другое влияние рассматривалось учёным как очеловечно-природный процесс. Более того, Виктор Аполлонович, опираясь на теоретико-методологическую базу, разработанную К. Марксом, в своих исследованиях приходит к выводу о наличии диалектической связи природы и общества как единого целого. И то, и другое имеет исторический характер и в тоже время «это воздействие исторически весьма изменчиво» [3, с. 391]. Отметим, что показанные Виктором Аполлоновичем этапы взаимодействия природы и общества, а также выявленные тенденции эволюции указанного взаимодействия не утратили своей актуальности и по сей день.

Заданные дискуссионные вопросы и поднятые Виктором Аполлоновичем проблемы нуждаются в дальнейшем научном осмыслении и обосновании. Радует тот факт, что философия экологии, как объект научного исследования, в настоящее время изучается многими учёными. В частности, М. В. Доронина, исследуя различные аспекты философии экологии, в том числе особенности формирования предмета философии экологии, считает, что цель философии экологии состоит в том, чтобы определить максимально полный перечень способов и приёмов, опираясь на которые можно рассмотреть «объективно истинное экологическое знание об экологической реальности и её основных формах, видах и уровнях» [1, с. 66]. Немалый интерес вызывает исследование теоретико-методологической базы различных направлений философского осмысления экологических проблем, проводимое М. В. Несправой, где ав-

тор выделяет две различные отрасли научного знания: философию экологии и экологическую философию. Причём «предметом первой является собственно наука экология, а её основой на современном этапе выступает концепция коэволюции. Вторая отрасль рассматривает онтологические, аксиологические и телеологические аспекты устойчивого развития экосистемы «природа-человек-общество» [5, с. 52]. Указанные и иные исследования учёных по данной проблематике, безусловно, вносят свой неповторимый вклад в изучение научных проблем.

Философия антропоэкологии – это ещё одна область научных интересов Виктора Аполлоновича, которая тесно связана с философией образования ввиду того, что последняя лежит в основе формирования экологической культуры общества и антропоэкологической культуры. Анализируя проблемы экологической культуры человека и общества, Виктор Аполлонович мыслил не только теоретическими, абстрактными категориями и понятиями: «Экологическое образование и успешное формирование экологической культуры немислимо без глубокого и основательного философско-методологического обеспечения» [3, с. 588]; но и рассуждал с практических позиций, не снимая ответственность с человека. Нам импонирует идея Виктора Аполлоновича о том, что человек является и творцом и созидателем в одном лице, и люди задают вектор в сторону развития или деградации экокультурного процесса, формируя тем самым экокультурную среду и экокультурный статус. По мнению учёного, экологическим образованием должны быть «пронизаны» все социальные институты, в особенности, такие как семья, образовательные учреждения, а также художественное, музыкальное, литературное и иные виды творческой и культурной деятельности человека и общества.

Следовательно, «экообразование, как и любое другое образование, есть познавательно-воспитательный процесс» [2, с. 26]. Причём данный процесс происходит не автономно, а параллельно, с одной стороны, с привитием чувства патриотизма, с другой стороны, с пропагандой гуманистических идеалов и культивированием общечеловеческих ценностей. Поэтому Виктор Аполлонович считал, что необходимо развивать и укреплять национальное и международное сотрудничество в различных сферах жизни людей.

В круг научных интересов Виктора Аполлоновича входило не только изучение философско-экологического образования и по-

иска стратегических путей оптимизации социоприродного взаимодействия, но не менее глубоко им проведено изучение в рамках социально-философской проблематики вопросов русоведения и россияведения. В рамках философской антропологии им создана региональная научно-исследовательская программа, посвящённая комплексному изучению человека.

Изучив богатое научное наследие Виктора Аполлоновича, невозможно не согласиться с доктором философских наук, председателем Ассоциации по комплексному изучению русской нации Е. С. Троицким с тем, что результаты научных изысканий Виктора Аполлоновича в различных областях научного знания не утратили своей актуальности и по сей день: «Взять, к примеру, проблемы Русской идеи и возрождения России, которым посвящён цикл его работ и организовано широкое обсуждение на уровне республиканского симпозиума» [4, с. 81]. Здесь поясним, что Виктор Аполлонович сформулировал концепцию возрождения России, в основе которой положена русская национальная идея. Данная концепция весьма интересна и актуальна и в настоящее время.

Итак, подводя итоги вышеизложенному, подчеркнём, что забайкальский учёный Виктор Аполлонович, выбрав в качестве предметной области различные аспекты природно-общественной проблематики, уделил внимание не только фундаментальным вопросам теории взаимодействия природы и общества, но и предложил концепцию взаимоотношения природы и общества, как взаимопроникающих образований, а также обосновал особый статус философии социозологии. К сожалению, объёмы данной работы не позволяют нам более подробно осветить вызывающие интерес научные результаты учёного. Проведённое в рамках данной научной работы исследование, показывает, что Виктор Аполлонович внёс существенный вклад в изучение актуальных и по сей день проблем и вопросов, являющихся предметной областью философии экологии, социальной философии и философии антропоэкологии. Надеемся, что заданный учёным «вектор развития» не останется без внимания современными учёными и получит своё дальнейшее научное развитие и обоснование, запечатлённое в научных трудах, доступных широкому кругу читателей.

Список литературы

1. Доронина М. В. Особенности формирования предмета философии экологии // Исторические, философские, политические и юридические на-

уки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 8. С. 64–67.

2. Кобылянский В. А. Глобализация и экология: новый подход к созданию основ общей теории экологии // Учёные записки Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета им. Н. Г. Чернышевского. 2009. № 4. С. 25–33.

3. Кобылянский В. А. Философия экологии. Краткий курс: учеб. пособие для вузов. М.: Академический проект, 2010. 632 с.

4. Кобылянский Виктор Аполлонович. Биография. Воспоминания. Научное наследие. Документы: сб. материалов / сост. и отв. ред. С. В. Путилов. Чита, 2012. 322 с.

5. Несправа М. В. Философия экологии и экологическая философия: дифференциация и концептуализация // Norwegian Journal of Development of the International Science. 2020. № 43–3. С. 52–59.

6. Энциклопедия Забайкалья: Читинская область: в 2 т. Т. 1. Общий очерк / гл. ред. Р. Ф. Гениатулин. 2-е изд., испр. Новосибирск: Наука, 2002. 302 с.

УДК 2-673:322.2

***Е. В. Дроботушенко,**
канд. ист. наук, доцент,
Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия*

Православие в автономных советских социалистических республиках на территории Восточной Сибири в начале 1950-х годов

В статье на основе архивных данных характеризуется уровень развития православия в двух автономных советских социалистических республиках на территории Восточной Сибири (Якутская и Бурят-Монгольская) в начале 50-х гг. XX в. Это сложный период спада православия после краткого подъёма во второй половине 1940-х гг.

Ключевые слова: православие, храмы, священнослужители, Автономная Советская Социалистическая Республика, Восточная Сибирь

*E. V. Drobotushenko,
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor,
Transbaikal State University,
Chita, Russia*

Orthodoxy in the Autonomous Soviet Socialist Republics on the Territory of Eastern Siberia in the Early 1950s

Based on archival data, the article describes the level of development of Orthodoxy in two Autonomous Soviet Socialist republics in Eastern Siberia (Yakut and Buryat-Mongolian) in the early 50s of the XX century. This is a difficult period of decline of Orthodoxy after a brief rise in the second half of the 1940 s.

Keywords: *Orthodox Christian, churches, clergy, Autonomous Soviet Socialist Republic, Eastern Siberia*

Черты развития православия в различных регионах РСФСР в советское время нашли определённое отражение в научных публикациях. Это монографические исследования и статьи таких авторов, как О. Б. Молодов, В. Н. Якунин [6; 12; 13]. Однако следует сказать, что далеко не все аспекты православной истории проанализированы в равной степени. В плане научного анализа охвачены не все регионы, неравномерно изучены и временные отрезки. Далеко не всегда присутствует сравнение по разным территориям даже в объёмных обобщающих исследованиях [5; 7–11].

Большим макрорегионом, который, на наш взгляд, не получил должного всестороннего изучения в рамках названной проблематики, является Восточная Сибирь. В свою очередь, в её территориальных рамках, не все административные единицы, в плане истории православной церкви, изучены равномерно. Так, слабое освещение в научной литературе получила православная история Якутии и Бурятии в послевоенное советское время. В административно-территориальном плане – это Автономные Советские Социалистические Республики.

Отметим, что, несмотря на отнесение Якутии, в настоящее время, к Дальнему Востоку, географически, это территория Северо-Восточной Сибири.

Географически к Восточной Сибири относится также Тува (Тыва), которая в административно-территориальном плане в 1944 г. вошла в состав РСФСР как Тувинская автономная область. Тувинской

АССР она стала в 1961 г. По этой причине, а также в силу особого пути развития православия, в данном исследовании мы её не рассматриваем.

В связи с отсутствием серьёзных научных публикаций по истории православия на территории рассматриваемых административных единиц РСФСР относительно послевоенного периода, опорой для анализа становятся источники. Очевидно, что в связи с государственной идеологией советского времени, отсутствуют статистические публикации, газетные заметки по вопросам религии. Соответственно, источником будут являться архивные документы.

Вопросами православной церкви на территории СССР в целом и РСФСР, в частности, в рассматриваемое время, занимался Совет по делам Русской Православной Церкви (РПЦ) при Совете Министров СССР. В регионах он действовал посредством своих уполномоченных. Именно документы, связанные с их деятельностью, дают нам представление о состоянии православной церкви на региональном уровне. Это отчёты, переписки, различные справки. Все они поступали в Совет в г. Москву. В итоге они оказались на хранении в Центральном государственном архиве Октябрьской революции и социалистического строительства СССР (ЦГАОРиСС СССР/ЦГАОР СССР), в настоящее время – Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ).

Не во всех регионах РСФСР существовали назначенные уполномоченные и, соответственно, были их аппараты. Не было таких в субъектах республики со слабым развитием православия, там, где было мало верующих, и отсутствовали церкви. Одно из дел содержит переписку по вопросам церкви по группе союзных и автономных республик, в которых не было уполномоченных. Данная переписка даёт нам информацию по Якутской и Бурят-Монгольской АССР [3]. Следует сказать, что это представляется странным, так как по Бурят-Монгольской (а позже Бурятской) АССР был уполномоченный, а по Якутской, в свою очередь, исполняющий его обязанности. Осмелимся предположить, что подобная неразбериха связана с некачественной отчётностью из регионов, с одной стороны, и не всегда самой лучшей работой самого Совета.

Несмотря на наименование названного выше архивного дела, мы будем отталкиваться от деятельности уполномоченного и и. о. уполномоченного по рассматриваемым регионам.

Следует сказать, что и Якутская и Бурят-Монгольская АССР в церковно-административном плане не имели своих епархий. Территориально они относились, в рассматриваемое время, к Иркутской и Читинской епархии и именно её правящие архиереи решали вопросы с православием в регионах с позиций Русской Православной Церкви. В начале 1950-х гг. таковым являлся Архиепископ Палладий (Шерстенников) [3, л. 11].

Отметив, кто управлял процессами со стороны церкви, необходимо озвучить и вторую сторону, т. е. представителей власти светской – уполномоченных Совета по делам РПЦ при Совете Министров СССР. В начале 50-х гг. XX в. по Якутской АССР это был П. Дьячковский. Именно его краткие сведения и дают нам представление о православии в регионе в рассматриваемое время.

В республике действовало два молитвенных дома:

1. Якутский Николаевский в г. Якутск.
2. Олекминский Спасский в г. Олекминск.

Следует сказать, что молитвенные дома работали легально, т. е. религиозные организации при которых они числились, были зарегистрированы официально. Так же при двух молитвенных домах было зарегистрировано четыре священнослужителя, по два на каждый.

Молитвенный дом в Якутске находился в собственности религиозной организации, второй же молитвенный дом, в Олекминске, действовал в арендованном помещении [4, л. 30].

В первые годы шестого десятилетия, по сведениям и. о. уполномоченного Совета по делам РПЦ при Совете Министров СССР, никаких жалоб, просьб или ходатайств со стороны духовенства, церковных органов или верующих не было. Не было выявлено и фактов нарушения законодательства о религиозных культурах [3, л. 11; 4, л. 30].

Ситуация изменилась к началу 1953 г., когда по преклонности лет был освобождён от обязанностей настоятель Олекминского Спасского молитвенного дома и был назначен исполняющий обязанности настоятеля. Им стал священник Михаил Голоморев. При этом он был официально зарегистрирован уполномоченным Советом за некоторое время до того, однако данное решение вызвало недовольства сообщества верующих и от них поступила жалоба, которая была переправлена правящему епархиальному архиерею для решения вопроса, однако, скудная отчётность не даёт, на сегодняшний день, ответа, как ситуация была разрешена [3, л. 11].

К 1954 г. в Якутской АССР осталось всего два священнослужителя, оба в значительном возрасте. На смену ушедших на покой, новых не пришло [4, л. 31].

Отметим, что отчёты и. о. уполномоченного по Якутской АССР представлены в незначительном количестве, точнее они единичны. При этом это, скорее, не отчёты, а краткие статистические выкладки, не содержащие никаких аналитических оценок по ситуации. Да и те фактографические данные, которые приводятся, слишком кратки.

Несколько иначе обстояла ситуация в Бурят-Монгольской АССР. В рассматриваемое время уполномоченным там был Д. Очиржапов. Его отчёты значительно полнее. Они содержат большее количество данных с попытками делать некоторые выводы. Отсюда картина существования в регионе представляется более полной.

На начало 1950-х гг. на территории Бурят-Монгольской АССР действовало две православных церкви, в гг. Улан-Удэ и Кяхта. Священников в регионе было трое при двух диаконов, все старше 55 лет [4, л. 22].

По некоторым данным, верующих было не особо много. В связи с этим настоятель Успенской церкви г. Кяхта Збытковский (в источнике без инициалов – Е. Д.) даже просил разрешения у уполномоченного на поездку по региону, в чём получил отказ. Отклонена была также просьба настоятеля Воскресенской церкви г. Улан-Удэ Кулинич (в источнике без инициалов – Е. Д.) в поездки для показательной службы в г. Кяхту [Там же].

Источники говорят о значительных доходах Воскресенской церкви г. Улан-Удэ, что несколько противоречит замечанию о малом количестве верующих. Так, к середине шестого десятилетия они составляли до 640 000 руб. в год, основная масса поступала от продажи свечей, далее шли доходы от продажи просфор, от обрядовой деятельности [1, л. 2].

О том, что верующих было не мало, говорит замечание в одном из документов: «На Пасху, родительские день верующие в храм не помещались» [Там же].

Наличие в архивных хранилищах более полной отчётности и перепиской уполномоченного Совета по делам РПЦ при Совете Министров СССР по Бурят-Монгольской АССР с руководством в г. Москва, позволяет составить некоторое представление самой деятельности уполномоченных.

По мнению Председателя Совета по делам Русской Православной Церкви Г. Г. Карпова, в ряде случаев уполномоченный по Бурят-Монгольской АССР в начале шестого десятилетия XX в. Д. Очиржапов проявлял излишнее рвение. Так, он выступил против колокольного звона в г. Улан-Удэ, однако согласно Постановлению НК СССР от 22 августа 1945 г. № 2137–546с православным общинам разрешено производить колокольный звон и приобретать колокола. Уполномоченный имел право выдавать документы только лицам духовного звания. Он же выдавал таковые обслуживающему персоналу церковей. Уполномоченный контролировал продажу свечей, что не входило в его полномочия [3, л. 31]. Со временем ситуация с деятельностью уполномоченного по Бурят-Монгольской АССР войдёт в относительно нормальное русло и замечания со стороны руководства Совета по делам РПЦ станут редкостью.

Следует отметить, что на территории Бурят-Монгольской АССР именно в начале 1950-х гг. было зарегистрировано единственное религиозное объединение старообрядцев. Произошло это 17 апреля 1952 г. Община территориально располагалась в с. Новый Загар. Имелось здание церкви, культовые принадлежности. Был священник [2, л. 5].

Таким образом, можно констатировать, что, как в Якутской, так и в Бурят-Монгольской АССР, на начало 50-х гг. XX в. ситуация с развитием православия складывалась не самым лучшим образом, при этом в Якутии она со временем становилась всё хуже. Если в Бурят-Монгольской АССР сохранился действующий храм в столице республике г. Улан-Удэ и весь советский период, вплоть до трансформации социально-политической парадигмы во второй половине 1980-х гг., велись службы, то в Якутии длительное время действующих культовых построек православной церкви не было.

Следует отметить, что для территорий, удалённых от епархиального центра – г. Иркутска, картина с развитием православия была схожа независимо от административного статуса территории. Автономия подразумевает наличие значительной национальной (этнической) составляющей, т. е. проживания большого количества представителей малочисленных народностей, а значит логично, что православие – религия пришлового русского населения, развивается не особо хорошо. Однако аналогичная ситуация была и в соседней с Бурят-Монгольской и Якутской АССР Читинской области. Таким

образом, можно констатировать, что автономный, а затем и национальный статус административно-территориальных единиц не является определяющим фактором развития православия в регионах Восточной Сибири.

Список литературы

1. ГАРБ (Государственный архив Республики Бурятия). Ф. Р18–57. Оп. 1. Д. 20.
2. ГАРБ. Ф. Р18–57. Оп. 1. Д. 32.
3. ГРАФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. Р6991. Оп. 1. Д. 1099.
4. ГАРФ. Ф. Р6991. Оп. 1. Д. 1206.
5. Марченко Алексей, протоиерей. Религиозная политика советского государства в годы правления Н. С. Хрущёва и её влияние на церковную жизнь в СССР. М.: Изд-во Крутицкого подворья – Общество любителей церковной истории, 2010. 325 с.
6. Молодов О. Б. Духовенство Архангельской православной епархии и предпосылки её украинизации (1943 – начало 1950-х гг.) // Православие и русская литература. Арзамас: Арзамасский филиал Нац. исслед. Нижегород. гос. ун-та им. Н. И. Лобачева, 2019. С. 45–51.
7. Поспеловский Д. В. Русская Православная Церковь в XX веке. М.: Республика, 1995. 511 с.
8. Федотов А., священник. Русская Православная Церковь в 1943–2000 гг.: внутрицерковная жизнь, взаимоотношения с государством и обществом (по материалам Центральной России). Иваново: Науч. центр по проблемам церковной истории и церковного осмысления истории России при Свято-Алексеевской Иваново-Вознесенской Православной Духовной семинарии, 2005. 136 с.
9. Шкаровский М. В. Русская православная церковь и советское государство в 1943–1964 годах. СПб.: Dean+Adia, 1995. 216 с.
10. Шкаровский М. В. Русская православная церковь в 1943–1957 годах // Вопросы истории. 1995. № 8. С. 36–56.
11. Шкаровский М. В. Русская православная церковь в XX веке. М.: Вече, 2010. 480 с.
12. Якунин В. Н. Русская Православная церковь в годы Великой Отечественной войны // Московский журнал. История государства Российского. 1995. – № 1. С. 14–21.
13. Якунин В. Н. Правовой статус, положение, деятельность, внешние связи Русской Православной церкви в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02. Самара: Самарский гос. ун-т, 2002. 444 с.

Г. Ф. Климов,

*Заслуженный работник лесного хозяйства,
г. Чита, Россия*

История развития лесного образования в Забайкалье

Статья посвящена истории лесного образования Забайкалья. История лесного образования Забайкалья на сегодняшний день относительно слабо отражена в научной литературе. Биографии педагогов являются ярким примером преданности профессии лесоводов и образцом просветительской деятельности. На основе документов Государственного архива Забайкальского края (ГАЗК) представлен аналитический обзор истории лесного образования Забайкалья в дореволюционный период, годы советской власти и в настоящее время.

Ключевые слова: *управление лесным хозяйством, Дальневосточная республика, лесничества, лесной отдел, лесное образование, Забайкалье*

G. F. Klimov,

*Honored Worker of Forestry,
Chita, Russia*

The History of the Development of Forestry Education in Transbaikalia

The article is sanctified to history of forest formation of Transbaikalia. History of forest formation of Transbaikalia to date is relatively poorly reflected in scientific literature. Biographies of teachers are the prime example of devotion of profession of specialists in forestry and standard of elucidative activity. On the basis of documents of the Record office of the Transbaikalia edge (ГАЗК) the state-of-the-art review of history of forest formation of Transbaikalia is presented in a pre-revolution period, years of soviet power and presently.

Keywords: *management by forestry, Far-Eastern republic, forest district, forest department, forest education, Transbaikalia*

История развития лесного образования в Забайкалье – тема практически не изученная в региональной литературе по лесно-

му хозяйству. Следует отметить статью Т. А. Константиновой в «Малой энциклопедии Забайкалья» [12], в которой есть информация об изучении краткой истории лесного образования Забайкалья в дореволюционный период, в частности об организации Илькинской низшей лесной школы Забайкальской области. Но до сих пор специальных работ по данной теме нами в библиотечных фондах Забайкальского края не обнаружено. Этим определяется актуальность и новизна нашего материала. Подчеркнём, что некоторые исследователи (В. Г. Лобанов, С. И. Стародубцева и Т. Н. Фадеева), характеризуя в отдельных работах краткую информацию об организации Читинского лесотехнического техникума, в то же время вообще не говорят о высшем лесном образовании нашего региона.

Между тем, в период существования Дальневосточной республики опорной датой подготовки специалистов лесного хозяйства с высшим образованием является открытие в 1922 г. лесного отделения при агрономическом факультете в Государственном институте народного образования в Чите, а также открытие в 1922 г. лесного отделения при политехническом техникуме по подготовке лесотехников. Это было обусловлено тем, что для приведения лесов в «известность» и ведения в них лесного хозяйства, требовались лесоводы как с высшим, так и со средним специальным образованием.

В дореволюционной России Петербургский лесной институт, образованный в 1808 г., был единственным специальным учебным заведением по подготовке лесоводов. Лесных специалистов готовили также в Петровской сельскохозяйственной академии в Москве и ещё на 3–4 лесных факультетах или отделениях в других сельскохозяйственных институтах и университетах [9, с. 96]. Высшее лесное образование получали также лица, оканчивающие лесное отделение Ново-Александровского института сельского хозяйства и лесоводства [1, с. 81].

После Октябрьской революции нужда в кадрах высшей лесохозяйственной квалификации не только в центральной России, но и в Забайкалье возрастала с каждым годом. Нужно было без промедления создавать новые лесные вузы, где студенты получали бы достаточные инженерные знания. Одним из таких вузов, кроме Петроградского, переименованного в дальнейшем в Ленинградскую лесотехническую академию, стал организован-

ный в 1923 г. Московский лесотехнический институт [9, с. 96–97]. В 1930 г. в Красноярске образован Сибирский лесотехнический институт.

Как указывалось выше, для подготовки кадров лесного комплекса высшего звена в Забайкалье в период существования Дальневосточной республики при Государственном институте народного образования в Чите августе 1922 г. был впервые открыт агрономический факультет с лесным отделением. Для оказания помощи которому, Правительством ДВР был издан специальный закон от 14 сентября 1922 г. «Об отводе в пользование агрономическому факультету Института народного образования в культурно-просветительных целях лесных дач и питомника в Забайкальской области» [Там же, с. 97].

Известно, что, столица Забайкалья – Чита, после гражданской войны переживала суровое и тревожное время, была разруха, полуголодная жизнь. Но у молодёжи тех лет, кто впервые стал студентом, несмотря на все тяготы послевоенного времени, была неуёмная тяга к знаниям. Вокруг царил дух творческой смелости и самостоятельности. Учебные пособия создавались совместно преподавателями и студентами. Профессора читали лекции и вели практические занятия по своим записям. По конспектам этих лекций и лучших записей студентов постепенно создавались учебные материалы, которые в дальнейшем тиражировались. Так появились пособия профессоров В. Ф. Овсянникова, В. М. Савича и др. Неправильной для современного студента показалась бы и сама система обучения. У студентов 1920-х годов не было зачётных сессий и государственных экзаменов. В течение всего учебного года можно было по своему желанию и договорённости с преподавателями сдавать теоретические экзамены. Переводили на следующий курс при условии сдачи всех годовых зачётов и определённого процента экзаменов. И хотя посещение лекций не было строго обязательным, потребность получать знания из уст самого лектора была огромной. Студенты прекрасно понимали, что им самим не найти в книгах того, что читали профессора. Преподаватели испытывали творческий подъём и желание заинтересовать своей наукой как можно большее число слушателей. Желание учить и учиться было обоюдным. Преподаватели активно привлекали студентов к научным исследованиям, в летнее время принимали самое активное участие в различных ботанических, лесоустроительных экспеди-

циях, оказывали практическую помощь лесничествам Забайкалья [9, с. 98–99].

Перечень специальных дисциплин, преподаваемых в высшей лесной школе, был разработан в 1830-х годах и почти целое столетие оставался без изменений. Он включал лесную ботанику, лесную энтомологию, лесоразведение, лесовозобновление, лесную географию, лесную статистику, лесоохранение, лесную таксацию, лесную химию, лесное правоведение. Несколько позже были введены лесное почвоведение, лесоводство (вместо лесоразведения и лесовозобновления), лесоправление, а с 1858 г. – лесоустройство и некоторые другие дисциплины [14, с. 237].

С установлением советской власти на Дальнем Востоке, 8 сентября 1923 г. Читинский государственный университет с агрономическим факультетом и лесным отделением был переведён во вновь образованный Дальневосточный государственный университет. Это был результат слияния двух университетов – Дальневосточного и Читинского [9, с. 97].

В сентябре того же года во Владивосток из Читы начали выезжать преподаватели и студенты Читинского государственного университета. Среди преподавателей были профессора В. Ф. Овсянников, В. М. Савич и др. Владимир Михайлович Савич изучал древесную растительность Яблонового хребта в Забайкальской области, также он по поручению земельного управления обследовал кормовые ресурсы Борзинских степей Забайкалья. В Дальневосточном университете В. М. Савич был избран профессором и заведующим кафедрой ботаники [Там же, с. 97, 104, 108].

В 1930 г. происходит реорганизация Дальневосточного университета, в результате которой появился ряд отраслевых институтов. Директором вновь созданного Дальневосточного лесотехнического института назначается профессор Борис Анатольевич Ивашкевич, внёсший большой вклад в становление лесной науки и высшего образования Дальнего Востока. Новый институт просуществовал недолго: сначала его переводят в Хабаровск, а в 1934 г. полностью расформируют. При прямом участии Б. А. Ивашкевича в 1931 г. в Хабаровске был организован Дальневосточный научно-исследовательский лесопромышленный институт (ДальНИИЛП), на базе этого сформировался ныне существующий Дальневосточный научно-исследовательский институт лесного хозяйства (ДальНИИЛХ) [Там же, с. 116].

Для лесного хозяйства нужны были и кадры низшего звена. Низшие лесные школы открывались по решению Лесного департамента России. Устав низших лесных школ был утверждён министром государственных имуществ. Для воспитанников низших школ была введена и выдавалась форменная одежда [14, с. 238].

В Забайкалье кадры низшего звена начали готовить с 1910 г. В с. Заиграево была открыта Илькинская лесная школа с двухгодичным курсом обучения. Илькинская лесная школа названа по одноимённому урочищу в окрестностях с. Заиграево Забайкальской области (ныне территория Республики Бурятия) [12].

В низшие школы принимались лица в возрасте 16–18 лет, имеющие свидетельства об окончании курса не ниже двухклассного сельского училища и выдержавшие вступительные экзамены по русскому языку, арифметике, истории и географии. Обучение в школе имело преимущественно практическую направленность. Помимо общеобразовательных предметов (закон божий, русский язык, арифметика, объяснение явлений природы) преподавали лесную съёмку и нивелировку, черчение, лесоводство с курсом древоизмерения и лесопотребления, сведения по строительству, лесное законодательство и делопроизводство, правила охоты [14, с. 238–239].

Первый выпуск из 10 человек состоялся в 1913 г. [12]. По завершению учёбы они получали должность кондуктора (в переводе на нынешнее время лесной техник), без права производства в чины [10]. Выпускников распределяли на работу по лесничествам Забайкальской области. Заведовал лесной школой, как и в других сибирских областях и губерниях, лесничий. С 1912 по 1918 гг. эту должность исполнял коллежский секретарь Иван Иванович Батезатул. Преподавателями работали с 1912 г. помощники лесничего Юстин Михайлович Згирский и Борис Семёнович Федюшкин [1], а с 1916 г. Андрей Николаевич Избалыков [3].

До и в период существования Дальневосточной республики в Забайкалье ставились вопросы о необходимости подготовки лесных специалистов среднего звена. Так, начальник Лесного отделения Осип Маркович Гордон говорил о том, что имеющаяся в Прибайкалье низшая лесная школа с несколько повышенным курсом не в состоянии удовлетворить потребности в лесных техниках даже для этой территории, поэтому следует открыть в Чите соответствующее учебное заведение [14, с. 240]. О необходимости откры-

тия Лесного отделения при Читинском политехническом техникуме, Комитет народного образования письмом от 16 августа 1918 г. обратился в Забайкальский областной исполнительный комитет. Содержание письма гласит: «В Забайкальской области крайне нужны лица со средним лесным образованием для замещения должностей по Лесному управлению, но главным образом нужны специалисты для изучения по использованию наших лесных богатств» [2, л. 52]. В 1918 г. Илькинской лесной школой выпущено 18 учащихся.

В 1919 г. Илькинская низшая лесная школа переведена в Читу [17, с. 17]. В этот период действующее Читинское землемерное училище (техникум), основанное в 1910 г., занималось подготовкой землемеров-таксаторов [5].

19 сентября 1917 г. на втором этаже Второвского пассажа в Чите был открыт Читинский политехнический техникум. В архивных документах числился вначале Политехническим училищем. Краевед, В. Г. Лобанов в своей книге «Старая Чита» пишет: «...открылись политехнические курсы, которые позднее были преобразованы в политехникум». Главным организатором техникума явился, первый директор этого учебного заведения горный инженер Александр Николаевич Банщиков. Всего было принято 160 человек. Всем было понятно, что размещение курсов на этаже Пассажа временное, им нужно своё здание. Главное направление политехнических курсов – горное дело. Первым ученикам читали лекции крупные инженеры В. А. Казаков, С. Д. Кузнец, А. Н. Банщиков [13, с. 114–115].

Осенью 1923 г. директором техникума назначен правнук декабриста В. А. Бечаснова – Василий Петрович Гирченко, работавшего до 1928 г. [Там же, с. 46]. А. Н. Банщиков стал его заместителем, исполняя обязанности помощника заведующего Читинским политехникумом до 30 апреля 1924 г., затем освобождённого от должности по семейным обстоятельствам и переездом в Хабаровск [8].

В июле 1919 г. Политехнический техникум готовил специалистов на четырёх отделениях – горном, электромеханическом, строительном и химическом [6].

Осенью 1922 г. при политехникуме было открыто лесное отделение, возглавить которое было предложено известному учёному лесоводу Забайкалья Валентину Николаевичу Кутше [8]. Немаловажную роль в открытии лесного отделения при Читинском политехникуме сыграл учёный-лесовод Сергей Петрович Кузнецов.

Так, в Государственном архиве Забайкальского края сохранилось письмо Войскового Правления за подписью С. П. Кузнецова в адрес Нерчинского земельного округа, которое гласит: «...открыть лесное отделение необходимо при Читинском политехникуме, так как там имеется педагогический персонал, имеется центральный войсковой лесной питомник, который можно использовать техникуму как лесную опытную станцию, также имеется устроенная по первому разряду городская Лесная дача» [6].

В августе 1923 г. Художественно-промышленный техникум вошёл в состав Политехнического техникума в качестве кустарно-промышленного отделения. До этого момента Читинское землемерное училище, как бывшее специализированное среднее учебное заведение, слилось с политехникумом, и вошло в Лесное отделение. В 1923 г. закрыто строительное отделение. Созданное сельскохозяйственное отделение через некоторое время вошло в состав лесного отделения. С этого года политехникум перешёл с пятилетнего образования на четырехлетний срок обучения. После перевода Читинского государственного университета во Владивосток здание в конце 1923 г. было передано политехническому техникуму. До этого политехнический техникум располагался в здании бывшего Управления Нерчинского горного округа на ул. Смоленской.

Из архивных документов следует, что здание политехникума располагалось на углу улиц Софийской и Уссурийской (ныне ул. Чкалова и ул. Бутина), на участке земли размером 2 100 кв. сажень (около 1 га). Здание это строилось специально под учебное заведение. Вначале в нём помещалась первая женская гимназия, затем Институт народного образования, преобразованный в государственный университет. В 1924–1925 гг. было 53 преподавателя в политехникуме, из которых с высшим образованием насчитывалось 47 человек, со средним образованием числилось шесть человек. Общее число учащихся 344 человека, которые обучались на четырёх отделениях – Лесном, Горном, Электротехническом и Кустарно-промышленном. На Лесном отделении обучался 51 учащийся. Во главе каждого отделения были заведующие отделениями. Политехникум имел четыре кабинета – ботаники и зоологии, геодезический, физический, минералогический, две лаборатории и три мастерских, большую библиотеку. Образован был Совет заведующих отделениями, в которое входили заведующие, по одному студенту от каждого отделения и ячейки РКСМ при политехникуме.

В педагогический совет техникума входили заведующий политехникумом – председатель совета, его помощник, заведующие отделениями, преподаватели, руководители практических работ, лаборант и врач, также по одному учащемуся от каждого отделения. Согласно документам, в 1924 г. заведующими отделениями были: Лесное – В. Н. Кутше, Горное – В. М. Семёнов, Электромеханическое – А. П. Косовский, Кустарно-промышленное – Г. Я. Комаров. Помощником заведующего политехникума 30 апреля 1924 г. назначен П. А. Окунцов. Учащиеся Лесного отделения в 1924–1925 гг. на первых двух курсах обучали общеобразовательные предметы, а с третьего курса приступали к изучению специальных предметов: ботаники, зоологии, метеорологии, энтомологии, общего лесоводства, дендрологии, частного лесоводства, лесной мелиорации, лесной технологии, лесной таксаций, лесоустройство, охотоведения, лесной статистики, основы строительного и инженерного искусства, геодезии, почвоведения, лесного и земельного законодательства. Лесные дисциплины преподавали В. Н. Кутше, Ю. А. Товаров, И. И. Скорин, И. А. Софронов, В. И. Союзов и др. [8]. Подготовка специалистов велась на высоком уровне [15]. Все преподаватели лесного дела в своей деятельности опирались не только на научные знания, но, в первую очередь на духовно-нравственные ценности, бескорыстное служение делу и справедливость. На основе этих ценностей, научных знаний и обобщения передового опыта осуществлялось в дальнейшем взаимодействие по целостному, планомерному и доходному использованию лесов и лесной торговле с местным населением и хозяйствующими субъектами.

Студенты этого отделения – Куницын, Осетрин, Онучин, Селин и др., стали в дальнейшем руководителями разных рангов. Так, А. Ф. Куницын с 1947 по 1961 гг. трудился начальником Читинского областного Управления лесного хозяйства, А. Ф. Осетрин в 1947–1948 гг. работал в аппарате треста «Читлес», далее главным инженером Читинской сплавной конторы [8].

Заведующий лесным отделением В. Н. Кутше в июне 1924 г. для дальнейшей работы переведён в г. Хабаровск, заведующим лесохозяйственной частью Управления лесами Дальневосточного края. Вместо него заведующим Лесным отделением политехникума назначен Ю. А. Товаров. Техникум вначале 1930-х гг. назывался Лесотехническим и состоял только из одного отделения [13, с. 46]. В этом же году Лесотехнический техникум был размещён в здании

синагоги на ул. Ингодинская и находился там до 1936 г. В этом же здании до 1938 г. располагался лесотехнический рабочий факультет [16]. В 1931 г. состоялся первый выпуск Читинского лесотехнического техникума [15]. В 1936 г. техникум был ликвидирован и переведён в г. Красноярск [13, с. 47]. Далее подготовка специалистов для лесничеств области проводилась на трёх месячных курсах в Брянском лесохозяйственном институте, а курсы лесобъездчиков проводились в г. Сретенске Читинской области [8]. В последующие годы при Читинском лесотехническом рабочем факультете осуществлялась подготовка молодёжи для поступления в высшие лесные учебные заведения [11, с. 238].

Для подготовки специалистов лесной отрасли по линии Министерства лесной промышленности в 1949 г. в Чите было открыто среднее специальное учебное заведение «Читинский лесотехнический техникум». Первым директором был назначен Иван Иванович Панарин, историк, лесовод по образованию, в дальнейшем кандидат сельскохозяйственных наук. Им построено прекрасное здание учебного заведения на углу улиц В. Ленина и П. Осипенко, где и располагается ныне действующее учебное заведение под названием «Читинский политехнический колледж», выпускающее сегодня специалистов для лесной отрасли и не только.

На основании вышеизложенного, сделаем следующие выводы. Во-первых, на сегодняшний день история лесного образования Забайкалья изучена крайне слабо. Во-вторых, имеющиеся публикации не содержат информации о лесном образовании в первые годы Советской власти и в период существования Дальневосточной республики. В-третьих, и это принципиальное замечание, в Чите до сих пор нет высшего учебного заведения, занимающегося подготовкой профессиональных кадров для лесной отрасли, несмотря на неоднократные обращения ветеранов лесного дела к властям Забайкальского края.

Список литературы

1. Ващук Л. Н. Управление лесами Сибири в Советский период: факты, события, люди. Иркутск: Форвард, 2016. 280 с.
2. ГАЗК (Государственный архив Забайкальского края). Ф. 4. ОП. 5. Д. 133.
3. ГАЗК. Ф. 82. ОП. 2. Д. 179.
4. ГАЗК. Ф. Р-88. ОП. 1. Д. 3.
5. ГАЗК. Ф. Р-88. ОП. 1. Д. 5.

6. ГАЗК. Ф. 193. ОП. 1. Д. 69
7. ГАЗК. Ф. Р-1010. ОП. 1. Д. 201 а.
8. ГАЗК. Ф. Р-1448. ОП. 1. Д. 74.
9. Гуков Г. В. История лесного дела на Дальнем Востоке. Владивосток: Дальнаука, 2014. 312 с.
10. Карчанова Л. М. Лесное хозяйство Нерчинского округа // Нерчинский завод. Чита: ЗабГУ, 2015. 520 с.
11. Книга памяти жертв политических репрессий в Восточном Забайкалье / О. И. Васильева, В. И. Василевский, И. Н. Климов [и др.]. Чита: Поиск, 2003. Т. 2. 432 с.
12. Константинова Т. А. Илькинская лесная школа // Малая энциклопедия Забайкалья. Наука и образование: в 2 ч. Ч. 1. А–М. Новосибирск: Наука, 2011. С. 355.
13. Лобанов В. Г. Старая Чита. Документальный рассказ. Чита: Изд-во газеты «Ваша Реклама», 2003. 335 с.
14. Манько Ю. И. Лесное дело на Российском Дальнем Востоке 1859–1922. Владивосток: Дальнаука, 2011. 383 с.
15. Стародубцева С. И., Фадеева Т. Н. Между прошлым и будущим. Чита: Экспресс-издательство, 2004. 120 с.
16. Шелофаст Э. В. Особенности религиозной жизни Еврейского населения «Кузнецовские чтения». Вып. 1. Чита: Комитет культуры Читинской области, областной краеведческий музей им. А. К. Кузнецова, 2007. С. 166.
17. Энциклопедия Забайкалья. Читинская область: в 4 т. / гл. ред. Р. Ф. Гениатулин. Новосибирск: Наука, 2006. Т. 3. 541 с.

В. И. Косых,
канд. ист. наук, доцент,
Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия

Благотворительная деятельность Харбинской епархии в 1930-е годы

В статье дан анализ различных сторон благотворительной деятельности православной Харбинской епархии среди православного населения Северо-Восточного Китая, включая беженцев из Советской России вообще и Забайкалья в частности.

Ключевые слова: епархия, духовенство, благотворительность, нуждающиеся, помощь

V. I. Kosyh,
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor,
Transbaikal State University,
Chita, Russia

Charitable Activities of the Harbin Diocese in the 1930

The Article is devoted to the analysis of various aspects of charitable activities of the Orthodox Harbin diocese among the Orthodox population of North-Eastern China, including refugees from Soviet Russia in General and Transbaikalia in particular.

Keywords: diocese, clergy, charity, people in need, help

Начало 1920-х гг. ознаменовалось притоком на территорию Китайской Манчжурии большого числа беженцев из Советской России, включая и Забайкалье. Среди них оказались представители православного духовенства, включая и четырёх архиереев.

Харбинская епархия ведёт своё начало с 23 марта 1922 г. Основоположником её и первым архиереем стал архиепископ Мефодий (позже Митрополит Харбинский и Манчжурский. К середине 1930-х гг. в епархию входило 60 приходов с монастырями при 100 священнослужителях, в самом Харбине служба велась в 61 соборе и церкви [4, с. 27–29].

Свою социальную функцию русская православная церковь и в Китае не меняла, включая благотворительность, которой она

на протяжении столетий занималась в России. Теперь подобное от неё ждали здесь эмигранты-соотечественники, волей судеб оказавшиеся за границей России. Естественно, православному духовенству пришло время заниматься благотворительностью.

В Харбине, при Свято-Николаевском соборе, работало братство «Нечаянные радости». Основной его целью являлось оказание посильной помощи деньгами тому, кто чувствовал себя в жизни просто беспомощным. Братство помогало так же периодически многим нуждающимся.

Иверская «военная» церковь на Офицерской улице Харбина на своём подворье под руководством викария Хайларского, архимандрита Дмитрия (впоследствии архиепископа) открыла приют для престарелых и мальчишек. Поскольку в Харбине хватало голодающих и безработных русских, архимандрит Дмитрий открыл в приюте Серафимовскую столовую. В ней «за малую плату» или вообще бесплатно люди имели «возможность питаться и число попрошаек нищих сокращается».

С наступлением ходов и Благословения архиепископа Мелетия его заместитель по епархиальному совету протоиерей М. Филологов занимался проблемой открытия ночлежного дома в Харбине. Для этого сорганизовался попечительский совет, «чтобы не гибли и не замерзали на улицах люди». До открытия ночлежного дома епархиальный совет всех беспризорных, бездомных, малообеспеченных и просто бедняков старался устроить, и, действительно устраивал в частные ночлежки города [3].

Ещё в 1921 г. епископ Нестор на Камчатском подворье открыл «Дом милосердия», в котором нашли свой приют убежище немощные старцы и дети. Здесь работала иконописная мастерская, которой руководила прекрасная художница игуменья Олимпиада, общавшая к иконописанию девочек из приюта [4, с. 30].

В 1929 г. на территории Русского Трехречья из Советского Забайкалья совершили свой рейд советские войска, вызвав волну беженцев, хлынувшую в Харбин. Тогда же здесь по инициативе и трудом митрополита Мефодия и протоиерея М. Филолова открылся приют «Дом-убежище» для беженцев. Средства на него изыскивались через организацию различных концертов, лотерей и отбора пожертвований с населения. Тем же детям приют давал различные трудовые навыки, они обучались, некоторые из них поз-

же получили высшее образование в вузах Харбина. После кончины митрополита Мефодия в 1931 г. приют носил уже его имя.

Рейд советских войск в 1929 г. в Русское Трехречье сделал сотни детей там сиротами. Правда, на помощь пришёл Богородице-Владимирский женский монастырь, открывший приют для девочек во имя святой и равноапостольной княгини Ольги. В нём обучалось и воспитывалось более 200 девочек-сирот, готовящихся к будущей самостоятельной жизни. Существовал приют «исключительно на добровольные пожертвования [5, с. 139, 209].

В 1933 г. архимандрит Ювеналий (позже епископ) и иеромонах Варсонофий организовали при Казанско-Богородицком мужском монастыре больницу «для недостаточного населения». Их поддержал иеромонах Иннокентий, посетивший «для этой благой цели со сбором многие города». При больнице появилась «особая пристройка для хирургического отделения аптеки амбулатории, стоимостью 13000 долларов».

«Дом-убежище имени митрополита Мефодия» (его возглавлял энергичный и толковый протоиерей В. Синайский) удалось капитально отремонтировать (отметим помощь Харбинского дамского кружка). Дом «принял благоустроенный, блестящий чистотой и порядком вид, открыв более широко свои двери тем, кто нуждается в его помощи» [3].

В июне 1933 г. обвалился потолок в здании приюта «Дом милосердия». Епископ Нестор через газету обратился за помощью к харбинцам. Результат превзошёл все ожидания: инженер О. М. Колычев подарил приюту земельный участок в 120 квадратных саженей, на котором в 1935 г. поднялось двухэтажное здание приюта [Там же].

Православное духовенство Харбинской епархии не забывало своих пасомых, оказавшихся не в особо приятном положении. Так, 12 января 1934 г. архиепископ Мелетий в сопровождении протодиакона и подиакона посетил местную тюрьму, где провёл краткое молебствие, обратился «с трогательным словом» к заключённым, посетил каждого в камере и благословил их [1].

14 января 1934 г. в больнице имени В. Казем-Бека больничный духовник иеромонах Макарий отслужил молебен, затем обошёл палаты и поздравил больных с праздником [6].

Занималось православное духовенство Харбинской епархии и весьма скорбными делами. 25 января 1934 г. состоялась встреча

будущего председателя Харбинского епархиального совета протоиерея М. Филоломова с корреспондентом газеты «Харбинское время». Встречу инициировало сообщение в одной из харбинских газет, что «умершие бездомные не отпеваются, не кладутся в гробы и просто зарываются в землю, а Беженский комитет заявил, что он может взять на себя эту миссию при условии денежной помощи со стороны церковных приходов».

Протоиерей М. Филолов проверил подобные сведения у смотрителя православного кладбища Харбина протоиерея П. Любимова. Выяснилось, что газетные материалы «не соответствуют действительности». Правдой оказалось одно: «умерших бездомных бедняков кладут не в гробы, но брезентовые мешки».

В Харбине при церкви Софии Премудрости Божией находилось Софийское похоронное бюро, которое занималось погребением городских бедняков. Протоиерей М. Филолов просил горожан поддерживать бюро денежными средствами, добровольными пожертвованиями [2].

Как видно, Харбинская епархия, по мере сил и возможностей своих, занималась благотворительной деятельностью среди нуждающихся, привлекая к тому соотечественников-эмигрантов.

Список литературы

1. Архиепископ Мелетий посетил тюрьму // Харбинское время. 1934. 13 янв. С. 6.
2. Бездомные хоронятся по христианскому обряду // Харбинское время. 1934. 26 янв. С. 6.
3. Лавошников И. Д. Церковно-общественная жизнь за 1933 г. // Харбинское время. 1934. 1 янв. С. 11.
4. Падерин Н. Церковная жизнь Харбина // Русский Харбин. М.: Изд-во МГУ, 1998. 150 с.
5. Политехник. Юбилейный сборник № 10: 1969–1979 гг. Австралия, Сидней: Объединение инженеров, окончивших Харбинский политехнический институт, 1989. 288 с.
6. Святки в Харбине // Харбинское время. 1934. 15 янв. С. 7.

Р. В. Макаров,

аспирант,

Забайкальский государственный университет,

г. Чита, Россия

**Образ Забайкалья как «русской Бразилии»
в представлении нерчинской интеллигенции в первой
половине XIX века**

Изучение работ нерчинских краеведов даёт возможность охарактеризовать Забайкалье как «русскую Бразилию». В статье анализируется влияние известного немецкого учёного Александра Гумбольдта на развитие забайкальской науки.

Ключевые слова: Бразилия, Забайкалье, Нерчинск, интеллигенция

R. V. Makarov,

Graduate Student,

Transbaikal State University,

Chita, Russia

**Image of Transbaikalia as «Russian Brazil» in the View
of the Nerchinsk Intelligentsia in the First Half
of the XIX Century**

The study of the works of Nerchinsk local historians makes it possible to characterize Transbaikalia as «Russian Brazil». The article analyzes the famous influence of the German scientist Alexander Humboldt on the development of Transbaikal science.

Keyword: Brazil, Transbaikalia, the Nerchinsk, intelligentsia

Во второй четверти XIX века, в период заметного повышения интереса к роли и месту Сибири в составе России, возникают попытки не только описать историю и природу Забайкалья, но и дать образное сравнение этой территории с другими территориями и даже странами. Подобные попытки, вероятно, были связаны с необходимостью определить место Забайкалья в ряду других регионов Российской империи. Так, сибирский историк П. А. Словцов, писал о Забайкалье с географической точки зрения как об особой стране

[8, с. 136]. Другой историк В. К. Андриевич, в конце XIX века, уже прямо называл Забайкалье сибирской Италией [1, с. 10].

Однако подобные сравнения были даны не коренными забайкальцами. Как же сами забайкальцы оценивали местоположение своего региона в мире? Есть основания утверждать, что в среде нерчинской интеллигенции в первой половине XIX века, на Забайкалье смотрели как на «русскую Бразилию». Так, преподаватель Нерчинского уездного училища В. П. Паршин, в своей книге «Поездка в Забайкальский край» в начале своего сочинения уподобляет природные богатства Забайкалья с Бразилией [6, с. 32].

Сравнение Забайкалья именно с Бразилией не случайно. Ещё в начале XIX века в России пробуждается любопытство к этой далёкой стране. Интерес этот возник благодаря кипучей деятельности выходца из Германии, состоящего на русской службе Георгу Лангсдорфу. В 1812 г. он был назначен послом в Рио-де-Жанейро. Вернувшись в Петербург в 1821 г. Лангсдорф добился от правительства организации экспедиции во внутренние районы Бразилии. С 1825 по 1828 г. экспедиция изучила малоизученные районы Бразилии, было дано этнографическое описание малоизвестных индейских племён [9, с. 207].

Другим фактором, повлиявшим на сравнение Забайкалья с Бразилией, стали работы выдающегося учёного, географа и натуралиста Александра фон Гумбольдта. В 1799–1804 гг. Гумбольдт совершил путешествие по Южной Америке, результатом которого стало многотомное исследование «Путешествие в равноденственные области Нового Света». Этот огромный труд был высоко оценён ещё при жизни учёного. В Парижской академии наук вскоре после кончины была заказана памятная медаль, где он именовался «новым Аристотелем» [7, с. 5].

Нерчинский краевед и ботаник М. А. Зензинов, высказал своё отношение к Гумбольдту на страницах журнала «Москвитянин». Он писал: «Никого я не читаю с такой любовью как Гумбольдта. Это любимый мой автор и любимый мой учёный, и философ мыслитель» [5, с. 432]. В другой, более ранней статье, М. А. Зензинов отмечал огромный вклад, сделанный этим немецким учёным в различные отрасли науки [4, с. 224].

Под влиянием путешествия А. фон Гумбольдта в Южную Америку была написана и одна из самых замечательных статей М. А. Зензинова – «Один день в лесах Хингана», опубликованная

в «Москвитяине» в 1842 году. Именно в этой историко-литературной работе наиболее полно раскрывается сравнение Забайкалья с Бразилией. Нерчинский краевед, описывая путешествие по Хингану, сопоставляет Забайкалье с Южной Америкой и, в частности, с Бразилией [4, с. 225]. В списке минеральных богатств Забайкалья, перечисляет Зензинов, есть агаты, ониксы, каполонхи, опалы, стефаники, яшмы, моновики, халцедоны, сердолики; находки допотопных животных, золотоносные реки, уникальные природные объекты [Там же]. Что касается природных богатств Хингана, то, констатирует М. А. Зензинов, Гумбольдт, оказавшись в этом месте, мог бы написать о нём учёную книгу [Там же, с. 224].

Нерчинский краевед подчёркивает, что природные богатства Забайкалья ничем не уступают природным богатствам, изученным Гумбольдтом, и весьма сожалел, что не смог посетить отдалённые районы Сибири [Там же]. Отметим, что А. фон Гумбольдт, как известно, в конце 1820-х гг. посетит Россию, посещение Гумбольдтом Московского университета зафиксирует в своих воспоминаниях А. И. Герцен [2, с. 116]. Также он посетит Нижний Новгород, Казань, Екатеринбург и другие города вплоть до границы китайской Джунгарии [7, с. 204]. Одним из последствий путешествия Гумбольдта в Россию, по замечанию его биографа, явилось создание сети метеорологических станции по всему миру [Там же, с. 209].

Таким образом, как мы можем установить, А. фон Гумбольдт, выдающийся учёный своего времени, повлиял не только на развитие европейской науки, но и на умы нарождающейся забайкальской интеллигенции, активно изучавшей природу и историю своего края. Очевидно, что именно многочисленные работы Гумбольдта повлияли на сравнение в отношении природных богатств Забайкальского края с Бразилией. И если имя А. фон Гумбольдта ассоциируется со вторым научным «открытием» Америки, то заслуги М. А. Зензинова, В. П. Паршина и других забайкальских краеведов той поры схожи с заслугами Гумбольдта, но уже в отношении Забайкалья.

Список литературы

1. Андриевич В. К. Краткий очерк истории Забайкалья с древнейших времён до 1862 года. СПб.: Военная тип., 1887. 237 с.
2. Герцен А. И. Былое и думы. Ч. 1–5. М.: Худож. лит., 1969. 926 с.
3. Гумбольдт А. Картины природы. М.: Изд-во географ. лит., 1959. 270 с.

4. Зензинов М. А. Один день в лесах Хингана // Москвитянин. 1842. № 3–2. С. 218–237.
5. Зензинов М. А. Отрывок письма из Нерчинска // Москвитянин. 1856. Т. 1, № 4. С. 431–432.
6. Паршин В. П. Поездка в Забайкальский край: в 2 ч. Ч. 2. История города Албазина. СПб.: Альфарет, 2010. 356 с.
7. Скурла Г. Александр Гумбольдт. М.: Молодая гвардия, 1985. 239 с.
8. Словцов П. А. История Сибири. От Ермака до Екатерины II. М.: Вече, 2006. 512 с.
9. Токарев С. А. История русской этнографии. М.: Институт русской цивилизации, 2015. 656 с.

УДК 908

***Е. А. Паук,**
студент,
Иркутский государственный университет,
г. Иркутск, Россия*

***В. А. Старицына,**
студент,
Иркутский государственный университет,
г. Иркутск, Россия*

Деятельность российского общества Красного Креста в Забайкалье в период Русско-японской войны 1904–1905 годов

Исследование деятельности Красного Креста в Забайкалье даёт возможность выявить вклад забайкальских медиков в организацию медицинской помощи и главным образом в обустройство лазаретов для раненых солдат в период Русско-японской войны.

***Ключевые слова:** Красный Крест, лазарет, Русско-японская война, Забайкалье*

*E. A. Pauk,
Student,
Irkutsk State University,
Irkutsk, Russia*

*V. A. Staritsyna,
Student,
Irkutsk State University,
Irkutsk, Russia*

Activities of the Russian Red Cross Society in Transbaikal During the Russo-Japanese War of 1904–1905

A study of the activities of the Red Cross in Transbaikal makes it possible to reveal the contribution of Transbaikal doctors to the organization of medical care and, mainly, to the arrangement of hospitals for wounded soldiers during the Russo-Japanese war.

Keywords: *Red Cross, hospital, Russo-Japanese war, Transbaikal*

Разразившийся военный конфликт между Россией и Японией, в 1904 году стал настоящей трагедией для её участников – с обеих сторон были большие человеческие потери. В условиях войны крайне важна концентрация и мобилизация ресурсов, направленная на организацию медицинской помощи тысячам раненых солдат. Важной в этом отношении стала деятельность Российского общества Красного Креста (РОКК), появившегося на территории Забайкалья в 1894 году. Впоследствии, в Забайкалье существовало 20 лазаретов и 2 санатория. Их возникновение было связано, прежде всего, с началом крупного военного конфликта на российском Дальнем Востоке.

Лейб-хирург Е. Павлов описывает Читу, как крупный санитарный центр, акцентируя внимание на большом количестве медицинских учреждений [3, с 302]. В сентябре 1904 г. организован Забайкальский местный лазарет на 15 кроватей. Первые сражения начавшейся русско-японской войны, повысили необходимость увеличения мест для больных – до 25 человек. От бывшего главноуполномоченного князя Щербатова было предоставлено оборудование на 100 кроватей. За время своего функционирования лазарет оказал помощь около 100 частным лицам и 2375 военным. В отчёте Кауфмана указывалось на нехватку медицинских принадлежностей:

хирургических шприцов [2, с. 287]. Павлов же указывает на обратное и одновременно на отсутствие предоперационных комнат и отдельных помещений для инфекционных больных [3, с. 306].

Забайкальский местный лазарет Красного Креста, имея солидную финансовую поддержку (от одной исполнительной комиссии лазарет получал от 1000 до 1500 р.) проводил амбулаторное и стационарное лечение всем нуждающимся в высококвалифицированной медицинской помощи. Так, за всё время существования лазарета около 100 частным лицам была оказана помощь.

Для гнойных ран применялась асептика и антисептика. Перевязочный материал, был исключительно стерильным. Также в лазарете производились хирургические операции: 4 операции по удалению грыж – проведены успешно; вскрытие полости живота при ножевом ранении; трепанации сосцевидного отростка – 5 раз, один случай оказался смертельным. Проводились крупные операции над аневризмами артерий [Там же, с. 297]. Всего операций было произведено – 298, летальных исходов – 27. 34 больным были наложены шины, различные неподвижные повязки. Также проводились около 60 раз и менее сложные операции такие, как удаление пуль, осколков гранат. В среднем в день проводилось по 3–4 трудоёмких операций, в наиболее загруженные дни – примерно 7–8 операций [Там же, с. 306].

Стоит отметить, что в лазаретах усовершенствовались способы лечения больных: например, в Забайкальском лазарете производились вытяжения нервов, путём их обнажения кровавым способом – эффект, как описывает лейб-хирург Павлов – получался «магический» [Там же, с. 307]. Подобный способ в сочетании с массажем и принятием ванны больными как комплексная и эффективная методика лечения рекомендовалась доктором Давыдовым.

На средства общества Красного Креста было организовано санаторное лечение на минеральных водах неподалёку от Читы [Там же, с. 308]. Также от общества РОКК в Чите были открыты военные лазареты: Киевский, Ярославский (200–300 кроватей). Киевский лазарет (с 1904 г.) в течение своей работы поставил на ноги 850 человек. Однако, отсутствовал рентген. Снабжение всеми необходимыми медикаментами обеспечивалось аптекой, которая находилась в «холерных» бараках [2, с. 203]. Аптека совмещала свои прямые функции и также являлась своего рода лабораторией: в ней проводились микроскопические исследования мочи, крови и т. д. Она функ-

ционировала во взаимодействии с санитарными поездами, отпуская необходимые для больных медикаменты, перевязочные материалы.

Лазарет был размещён в трёх деревянных бараках – один с неоштукатуренными стенами отводился под операционную. Для больных с инфекционными заболеваниями имелось специальное отделение. К сожалению, в лазарете была всего одна ванна: поскольку доступная вода находилась в ограниченном количестве [3, с. 297]. Существенным недостатком лазарета было отсутствие своевременной стерилизации перевязочного материала – использовался неэффективный стерилизатор, который действовал сухим нагретым воздухом, медицинские инструменты стерилизовались в кипящем растворе соды. В качестве анестезии использовался хлороформный наркоз [2, с. 216].

Лазаретом с самой слабой организацией, согласно отчёту Кауфмана, являлся Киевский лазарет. Аргументируя отдалённостью от крупных медицинских центров и невозможностью руководства лазарета ознакомиться с опытом других учреждений Красного Креста. Поэтому Кауфманом специально обозначался ряд мер рекомендательного характера: более тщательный подбор медицинского персонала, чёткое установление прав и обязанностей каждого медицинского сотрудника, строгое ведение медицинской и хозяйственной отчётности [Там же, с. 219].

Черниговский лазарет был рассчитан на 190 кроватей и 14 для офицеров. Как и в Киевском лазарете, больные размещались в трёх не отремонтированных бараках: стены, как сообщает автор, были набиты войлоком для сохранения тепла. По подсчётам автора, через лазарет прошло около 1600 больных. При лазарете имелся собственный колодец. Также организован лазарет Ростовской Общины Красного Креста на 80 кроватей. Рентгеновский аппарат тоже отсутствовал [3, с. 297]. В Киевский и Черниговский лазареты раненые доставлялись поездами [Там же, с. 298].

В лазаретах производились очень важные профилактические мероприятия по предотвращению распространения инфекционных заболеваний. Например, в Киевском лазарете подрядчиком за сумму в 100 рублей производилась очистка выгребных ям [2, с. 203]. Дезинфекция помещений производилась неочищенной карболовой кислотой и известью. Дезинфекция производилась и в отношении белья больных с помощью раствора сулемы и парами формалина. При поступлении инфекционных больных их одежда также под-

вергалась дезинфекции [2, с. 208]. Обычная стирка белья больных и персонала приводила к быстрому изнашиванию белья, во избежание чего уполномоченным лазарета Косаговым была устроена специальная прачечная [Там же, с. 203–204].

В заключении санитарно-статистического очерка военного ведомства давалась оценка деятельности Красного Креста. По его мнению, организация Красным Крестом лазаретов и госпиталей оказалась ненужной, так как предполагалось, что Красный Крест должен был заниматься предоставлением военному ведомству материальной поддержки в виде медицинских принадлежностей путём организации специальных пунктов приёма [1, с. 244]. При этом любые открытые пункты для оказания первой помощи отрядами Красного Креста, во время военных действий считались лишь вспомогательными, т. е. без самостоятельной деятельности, поскольку, по мнению военного ведомства, не соответствовали установленным санитарно-гигиеническим нормам. Критика военного ведомства в отношении Красного Креста основывалась на том, что лазареты, учреждённые им, занимали лучшие помещения. По мнению военного ведомства, общество Красного Креста в качестве альтернативной сферы деятельности во время войны могло бы принести большую пользу организацией санитарных транспортов и специальных отрядов санитаров [Там же, с. 245].

Взаимоотношения военного ведомства и Красного Креста описывается Евгением Васильевичем. Интересен один случай – главноуполномоченный от РОКК П. М. Кауфман получил обратно свидетельство об эвакуации одного больного, его перевода из учреждения Красного Креста в военное ведомство, поскольку в отправленном письме отсутствовала единственная формулировка «свидетельство» [Там же, с. 96]. Вышеупомянутый случай – яркий пример излишнего бюрократизма, присущего организации медицинской помощи военным ведомством.

На базе РОКК была сформирована Исполнительная Комиссия. На неё были возложены следующие обязанности и функции: 1) разработка плана организации помощи больным и раненым; 2) формирование штата сестёр милосердия; 3) пополнение инвентаря военно-лечебных заведений; 4) организация пунктов питания; 5) открытие собственных лазаретов [Там же, с. 243]. В вышеупомянутом отчёте военного ведомства также фиксировалось, что ни одна из главных задач, поставленных перед РОКК не была полностью

реализована: штат сестёр милосердия не полностью укомплектован, не полностью выполнено устройство этапных пунктов питания. Лишь одна из задач была решена полностью – организация собственных лазаретов, хотя и здесь военное ведомство, как уже говорилось, указывало на недостаток деятельности РОКК [1, с. 244].

В отчёте Кауфмана сообщается о Читинском лазарете для душевнобольных. Лазарет являлся строго специализированным. Из задач, выполняемых, лазаретом складывалось его значение как одного из пунктов приёма больных из санитарных поездов (из Манчжурии в Европейскую часть России), а также приюта солдат с психическими отклонениями, что хорошо видно из ведомости движения больных, в которой значатся больные только с расстройством психического здоровья [2, с. 457]. По распоряжению Кауфмана, лазарет был открыт в июне 1905 г. Помещение с кубической вместимостью около 20 кубов [Там же, с. 458] снималось у его домовладельца за 700 рублей в год с правом перепланировки здания с отведением комнат для больных [Там же, с. 457]. Отопление производилось двумя голландскими печами и утермарковскими, купленными за счёт средства лазарета. Лазарет функционировал около 200 дней – в период с 7 июля 1905 по 23 января 1906 г. [Там же, с. 468] Общее число поступивших больных – 63 [Там же, с. 463]. Основной пик поступлений больничных дней пришёлся на сентябрь – около 272 койко-дней (включая гражданские лица). Нужно отметить, что лазарет пользовался бесплатным оборудованием из местных складов Красного Креста – мебель, бельё, медикаменты. Лазарет также бесплатно снабжался дровами [Там же, с. 467].

Лейб-хирург Павлов подчёркивал в своих заметках, что учреждения Красного Креста находились в более выгодном положении по сравнению с военным ведомством. Это выражалось в лучших помещениях для них. К тому же Красный Крест, свободно распоряжавшийся своими средствами, которые пополнялись за счёт различных источников, явно мог производить ремонт в данных помещениях, приспособляя их для собственных нужд [3, с. 363]. Однако, не все лазареты отвечали правилам пожарной безопасности: так в отчёте Кауфмана приводится пример Киевского лазарета, который имел небольшие огнетушители, присланные из склада Красного Креста. Как отмечается, «в случае пожара вряд ли бы удалось отстоять загоревшиеся здания» [2, с. 206].

Показателем успешности деятельности РОКК можно назвать частые просьбы эвакуируемых больных о переводе в лазареты, организованные РОКК, в которых отсутствовала казённая рутина [3, с. 364].

Деятельность Красного Креста развёртывалась в разных направлениях, несмотря на то, что ключевым органом, осуществляющим координацию по управлению и созданию медицинских учреждений, было военное ведомство. Игнорируя встречающуюся критику военного ведомства, необходимо отметить, что, невзирая на ряд недостатков – отсутствие в некоторых лазаретах необходимого количество медицинского оборудования, диагностирующей аппаратуры и т. д., Красному Кресту удалось организовать разветвлённую сеть медицинских учреждений, увеличивая количество принимаемых больных, путём приобретения дополнительного оборудования. В этом отношении опыт общества Красного Креста в осуществлении своей деятельности представляет большое значение.

Список литературы

1. Война с Японией 1904–1905 гг.: санитарно-статистической очерк / сост. Н. Казловский. Петроград: Военная тип. имп-цы Екатерины Великой, 1914. 303 с.
2. Кауфман П. Красный Крест в тылу армии в Японскую кампанию 1904–1905 годов: в 2 т. СПб.: Главное управление Российского общества Красного креста, 1909. Т. 2. 517 с.
3. Павлов Е. В. На Дальнем Востоке в 1905 году. Из наблюдений во время войны с Японией. СПб.: Книгопечатня Шмидт, 1907. 380 с.

М. В. Пряженникова,
канд. ист. наук, доцент,
Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия
В. В. Резников,
магистрант,
Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия

Хозяйственно-бытовое обслуживание Читинского государственного педагогического института в годы Великой Отечественной войны*

В статье представлен анализ ситуации, которая сложилась в Читинском государственном педагогическом институте с хозяйственным и бытовым обслуживанием студентов и преподавателей в годы Великой Отечественной войны. Дана характеристика процесса организации подсобного хозяйства, жизни в общежитиях и деятельности столовой.

Ключевые слова: педагогический институт, подсобное хозяйство, столовая, общежитие

M. V. Pryazhennikova,
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor,
Transbaikal State University,
Chita, Russia
V. V. Reznikov,
Master's Student,
Transbaikal State University,
Chita, Russia

Household Services of the Chita State Pedagogical Institute During the Great Patriotic War

The article analyzes the situation that developed in the Chita state pedagogical Institute with economic and household services for students and teachers during the Great Patriotic war. The article

---

* Исследование выполнено в рамках гранта № 296-ГР Совета по научной и инновационной деятельности ЗабГУ на тему «Высшее педагогическое образование в Забайкалье: история и современность».

describes the process of organizing a subsidiary farm, life in dormitories, and the activities of the canteen.

Keywords: *pedagogical Institute, subsidiary farm, canteen, hostel*

С началом Великой Отечественной войны Читинский государственный педагогический институт (ЧГПИ) столкнулся с некоторыми сложностями, которые выражались не только в недостаточном укомплектовании высококвалифицированным профессорско-преподавательским составом, но также и в том, что хозяйственно-бытовое обслуживание студентов и преподавателей оставляло желать лучшего.

Об истории ЧГПИ написано немало научных работ, в которых отражены разные стороны деятельности учебного заведения [2–6]. В данной статье сделана попытка воссоздать картину хозяйственной и бытовой жизни вуза в годы Великой Отечественной войны.

Как известно, с началом войны, здание, в котором располагался педагогический институт, было передано под эвакуационный госпиталь, поэтом институту пришлось перебраться в другое помещение, мало приспособленное для проведения занятий. Первое, с чем пришлось столкнуться институту – это проблема с обеспечением продовольствием. Чтобы выйти из данной ситуации, студенты и сотрудники вуза занимались практически самообеспечением: собирали дикорастущий лук, ягоды, грибы, работали на огороде, а также косили сено для лошадей хозчасти и заготавливали дрова для отопления здания пединститута.

Преподаватели прикладывали все усилия, чтобы помочь вузу с обеспечением самым необходимым. Например, Т. Ф. Лобачева смогла достать 100 литров горючего, 5 кубометров пиломатериала, 5 кг гвоздей, более 70 кг бумаги. Кроме того, она же ездила на лесозаготовки, где неоднократно сама работала с пилой и топором в руках. Студенты Шарова отвечала за организацию транспорта, Шестаков – за лечение от чесотки лошадей хозчасти, т. к. другого транспорта у института не было, и нужно было вывозить заготовленный лес [1, л. 7].

В связи с тяжёлым материальным положением института, а также с обстоятельствами военного времени, была срезана значительная часть кредитов на хозяйство, несмотря на то, что из кредитных рамок вуз не вышел. В институт не был доставлен уголь, хотя

за него уплатили. В связи с тем, что к зданию института не был проведён специальный провод, в ЧГПИ наблюдались частые перебои с электричеством. Ко всему прочему, в Чите не нашлось керосиновых ламп. В связи с этим в итоге пропало 60 учебных часов только за первый семестр 1941–1942 учебного года.

На топливо руководство института ассигновало 30 тыс. рублей. Израсходовано было только 10 тыс.: отпущенные средства не удалось реализовать т. к. летом 1941 года завхоз Софронов бездействовал, директор института Поярков слабо требовал выполнения обязанностей работниками хозяйственной части. По сути, экономия средств получилась формальной. По смете остались деньги на печи, которые топили сами студенты, поскольку отсутствовали истопники. При этом работники хозчасти были недостаточно загружены в свой восьмичасовой рабочий день.

Кроме того, зимой не хватало дров не только для отопления зданий, принадлежащих пединституту, но и семьям преподавателей. В связи с этим дирекция института разрешила самозаготовку дров на лесосеке института по 2–3 кубометра на семью.

Проблема также заключалась в бытовом обслуживании студентов и преподавателей. В общежитиях было грязно, бельё не меняли по два месяца, в туалетах не прикрывались двери, отсутствовало освещение, не было умывальников, тазов, корыт. В некоторых комнатах не было репродукторов, часов, портретов. Студенты мёрзли, т. к. по несколько дней общежития не отапливались [1, л. 26].

Кроме того, в общежитиях наблюдались факты хищения. Например, комендант Жоголев, подозревался в воровстве вещей и хлебных карточек у студентов. Однако, по непонятным причинам он не был снят с занимаемой должности и не получил никакого наказания [Там же, л. 10].

Стоит отметить, что в общежитиях студенты сами не особенно старались улучшить свой быт: разливали воду, разводили грязь в комнатах, лежали в одежде на кроватях. Учитывая эти обстоятельства, в институте и общежитии были созданы санитарные комиссии, в состав которых вошли как студенты, так и преподаватели: Соколова, Белобородова, Темкина, Селезнева и Малышева. Для соблюдения порядка в комнатах, студенты были обязаны производить дезинфекцию постели и комнат ежемесячно, а также выбивать матрацы и постельные принадлежности от пыли [Там же, л. 4].

Серьёзные проблемы наблюдались и в столовой пединститута, в которой имели место быть систематические хищения продуктов, которыми и без того столовая была слабо обеспечена. Связано это было в первую очередь с тем, что подсобное хозяйство в институте велось плохо, семенной круглый картофель сеяли целым, а не разрезали на части. Земля была неважно обработана, в результате чего осенью сняли плохой урожай [1, л. 26].

С 1 марта 1943 г. студентам стали выдавать карточки для получения 600 гр. хлеба в день, этим они приравнивались в снабжении к рабочим промышленности и транспорта. Однако в столовую не выделялись продукты для питания преподавателей и работников института, туда нерегулярно привозили хлеб, вместо чая готовили кипячёную воду, и то не ежедневно. В связи с этим вуз неоднократно обращался в трест столовых и ресторанов с просьбой систематизировать подвоз продуктов в столовую, также профком и местком были обязаны организовать в них дежурство студентами.

Однако долгое время ситуация с хлебом не была урегулирована. После зимней сессии 1941–1942 учебного года он отсутствовал в буфете, поэтому студенты подолгу выстаивали в очереди за ним, из-за чего у них отнималось большое количество свободного времени. Доставку продуктов в столовую не смогли упорядочить даже к 1943 г.

Примерно 30–40% продуктов, отпускаемых для студентов, разворовывались рабочими и служащими кухни и столовой и поедались на месте во время работ. Полностью прекратить воровство не удавалось из-за отсутствия для этого условий: не было возможности постоянно контролировать работу кухни, дежурные студенты боялись вступать с работниками кухни в конфликтные отношения, старались не замечать хищения [Там же, л. 12].

Несмотря на то, что предпринимался ряд мер по налаживанию работы столовой, в частности, были сняты с должности две заведующих, столовая работала плохо: отсутствовал твёрдый контроль над распределением продуктов, существовали очереди. Было решено добиваться от треста столовых и ресторанов обновить руководство столовой, а также привлечь к борьбе с хищением на кухне дирекцию и преподавателей, поскольку студентов работники кухни не боялись. Преподаватель кафедры истории В. Г. Изгачев внёс предложение просить облисполком передать столовую в хозяйство института и под его контроль [Там же, л. 4].

Для улучшения обслуживания студентов к весне 1943 г. при институте было организовано подсобное хозяйство. При колхозе села Угдан было отведено 8,9 га залежных земель, также было запланировано нарезать землю под огороды. К началу посевной кампании удалось обеспечить капустной рассадой, семенами сахарной свёклы, огурцов, петрушки и др. на 1,5 га, в том числе на 0,5 га под капусту.

Работали в подсобном хозяйстве все студенты, преподаватели, служащие и рабочие института. Начальником участка на подсобном хозяйстве была назначена студентка Вьюнова, знакомая с сельскохозяйственными работами. Хранилище для овощей было подготовлено в общежитии [1, л. 4].

Осенью 1943 г. урожай собрали следующий: 4 т овса, 2 т проса, 2 т гречихи, 2 т капусты, 2,8 т картошки. Из-за сильной засухи не удалось собрать лук, свёклу, морковь, огурцы. Кроме того, запоздали с посевом, семена гречихи и проса не проверили, поэтому они взошли поздно и плохо. Огородные культуры после посадки дали плоды, однако, в институте их никто не видел, поскольку отсутствовал строгий контроль за сохранностью урожая, а также не было полевода и агронома.

Семьи фронтовиков от института почти никакой помощи не получали. Картофель, привезённый в институт из подсобного хозяйства, оказался гнилым. Руководитель соцбытсектора месткома Т. Ф. Лобачева оказывала помощь работникам и студентам института. Благодаря ей, ордера на обувь были выданы Соколовой, Юферовой и другим (всего нуждающиеся получили около 20 пар обуви) [Там же, л. 10].

К началу 1943–1944 учебного года было заготовлено 600 кубометров дров (смогли вывезти только 300), имелись также наряды на 250 кубометров дров в Тарбагатае и 250 т угля. Однако получить их было трудно из-за отсутствия вагонов (угля удалось вывезти к декабрю 1943 г. только 3 т). Хотя за институтом и закрепили автомашину, однако она сделала всего 15 рейсов: сначала хозяева машины не хотели давать её, потом просто не оказалось горючего. Из-за холода в институте и отсутствия нужного количества топлива в начале января 1944 г. дополнительно начали лесозаготовку (до 200 кубометров) силами студентов и преподавателей: на каждого установили норму в два кубометра [Там же, л. 3].

Таким образом, в годы Великой Отечественной войны в Читинском государственном педагогическом институте плохо была организована помощь семьям фронтовиков, в столовой наблюдалось систематическое воровство продуктов, которых и без того никуда не хватало, зимой возникала проблема с отоплением из-за недостатка дров и угля, общежития находились в плачевном состоянии. Руководство института подошло безответственно и к организации подсобного хозяйства, вовремя не позаботившись о получении хорошего земельного участка, в результате чего институт получил слабый урожай.

Список литературы

1. Государственный архив Забайкальского края (ГАЗК). Ф. 1689. Оп. 1. Д. 3.
2. Дроботушенко Е. В. Музеи Читинского государственного педагогического института им. Н. Г. Чернышевского: вехи истории // Вестник музея археологии и этнографии Пермского Предуралья. 2019. № 9. С. 17–20.
3. Забайкальский государственный педагогический университет им. Н. Г. Чернышевского. История и современность: 1938–1998. Чита: ЗабГГПУ, 2008. 254 с.
4. Катанасв И. И. Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический университет им. Н. Г. Чернышевского // Малая энциклопедия Забайкалья. Наука и образование: в 2 ч. Ч. 1. А–М / гл. ред. Р. Ф. Гениатулин. Новосибирск: Наука, 2011. С. 305–307.
5. Лобода М. А. Читинский государственный педагогический институт в годы войны // Чита в годы Великой Отечественной войны: сборник статей, документов и фотодокументов / под ред. В. И. Мерцалова. Чита: Экспресс-издательство, 2015. С. 329–332.
6. Яремчук О. А. Деятельность Читинского государственного педагогического института в 1938–1940 гг.: трудности предвоенного периода // Сибирь в изменяющемся мире. История и современность: материалы Всерос. науч.-теор. конф., посвящ. памяти Всеволода Ивановича Дулова. Иркутск, 2020. С. 293–298.

В. В. Резников,

магистрант,

Забайкальский государственный университет,

г. Чита, Россия

**Деятельность исторического факультета Читинского
государственного педагогического института
в конце 1940-х – 1950-е годы***

Статья посвящена деятельности исторического факультета ЧГПИ в послевоенные годы. Описаны сложности, с которыми пришлось столкнуться структурному подразделению после Великой Отечественной войны, а также успехи, достигнутые коллективом факультета в организации учебно-воспитательного процесса.

Ключевые слова: *Читинский государственный педагогический институт, исторический факультет, кафедра истории, преподаватели, студенты*

V. V. Reznikov,

Master's Student,

Transbaikal State University,

Chita, Russia

**Activity of the Historical Faculty of the Chita State
Pedagogical Institute in the Late 1940–1950**

The article is devoted to the activities of the history faculty of ChGPI in the postwar years. It describes the difficulties that the structural division had to face after the great Patriotic war, as well as the success achieved by the faculty staff in organizing the educational process.

Keywords: *Chita state pedagogical Institute, faculty of history, Department of history, teachers, students*

Одной из задач, стоящих в Читинском государственном педагогическом институте (ЧГПИ) в послевоенные годы, был вопрос

---

* Исследование выполнено в рамках гранта № 296-ГР Совета по научной и инновационной деятельности ЗабГУ на тему «Высшее педагогическое образование в Забайкалье: история и современность».

о кадровом составе преподавателей. Эта проблема была актуальной, в том числе и для кафедры истории. В конце 1940-х годов стало очевидно, что для обеспечения полноценной работы структурного подразделения требовалось принять преподавателя истории древнего мира и новой истории. Помимо этого, необходимо было улучшить работу кабинета, сосредоточив в нём как можно больше документальной литературы, а также систематически практиковать организацию открытых лекций [1, л. 208].

Несмотря на поставленные задачи по совершенствованию работы кабинета истории, до 1953 года не все они были решены, о чём систематически сообщалось в отчётах кафедры. В кабинете истории не было организовано ежедневных дежурств для систематической помощи студентам в самостоятельных занятиях. Существовала проблема проведения коллоквиумов, то есть беседы преподавателей со студентами с целью выяснения знаний по рекомендованной литературе [2, л. 149].

В целях дальнейшего повышения качества лекций и семинарских занятий, проводимых сотрудниками кафедры истории, были предприняты следующие мероприятия. На заседаниях кафедры обсуждались задачи лекционной работы, в связи с решениями июльского и сентябрьского пленумов ЦК КПСС 1953 года и тезисами отдела пропаганды ЦК и Института МЭЛС – Института марксизма-ленинизма о пятидесятилетии Коммунистической партии Советского Союза. Было решено, что члены кафедры приступят к взаимному посещению лекций и семинарских занятий, а о результатах посещений будут докладывать на заседаниях кафедры и на партийном бюро. Лекции, как правило, сопровождалась демонстрацией кинофильмов, концертами или механической музыкальной записью [Там же, л. 150].

Преподаватели готовились к лекциям серьёзно, старались сделать свои лекционные материалы научно обоснованными и политически правильными. Для этого широко привлекали теоретические указания основоположников научного коммунизма К. Маркса, Ф. Энгельса, В. Ленина, И. Сталина [Там же, л. 187].

Семинарские занятия по своей организации, характеру работы и методике видоизменялись в зависимости от семестра. В пример можно привести работу преподавателя Е. И. Глазатовой. Её семинары в первом семестре были построены на изучении первоисточников – летописей, «Русской правды». Уже со второго семестра они проводились путём сочетания небольших докладов с развёрнутой беседой и короткими выступлениями студентов. Начиная со второго

курса, когда студенты овладели методами самостоятельной работы, семинары стали проводиться с докладами, содокладами и развёрнутой дискуссией [2, л. 187].

Анализ ответов студентов на экзаменах показывал, что общий уровень знаний студентов, как истфака, так и первых курсов педагогического и учительского литфака по истории, отвечал основным требованиям, предъявляемым программой к студентам педагогических институтов.

Стоит отметить, что многие студенты исторического факультета жили в общежитиях. В рассматриваемый период их работа также несколько оживилась. Под руководством преподавателей советы общежитий стали больше уделять внимания порядку в них, организации досуга студентов, именно поэтому уменьшались нарушения правил социалистического общежития. Хозяйственная часть института стала лучше заботиться о быте студентов.

В общежитиях регулярно выпускались сатирические стенгазеты, организовывались тематические вечера, например, вечера истории, вечера отдыха, выходы в кино, театр, лекции и беседы с преподавателями [3, л. 49].

Коллектив студентов и преподавателей оказывал помощь колхозам в уборке урожая и в подготовке к севу. Так, в период с 3 сентября по 10 октября 1954 года студенты и преподаватели института в количестве 750 человек работали в 16 колхозах Улётовского района Читинской области. Итоги работ показали, что студенты успешно справились с поставленной перед ними задачей – помогли колхозам убрать урожай сельскохозяйственных культур и выполнить государственные поставки. Кроме того, студенты и преподаватели провели большую политико-воспитательную и культурно-массовую работу среди колхозников, читая лекции и доклады, проводя беседы, устраивая концерты художественной самодеятельности, выпуская стенные газеты [Там же, л. 50–51].

Существенную роль в политико-воспитательной работе играла стенная печать. Стенные газеты выходили по факультетам, а также регулярно выпускалась общепедagogическая газета «За педагогические кадры» и сатирическая газета «Бокс». В отличие от прошлых лет, в 1954–1955 годах стенная печать стала лучше отражать студенческие будни, учёбу, быт, она стала более острым оружием в борьбе с недостатками в учебной и политико-воспитательной работе, на её страницах стала развёртываться настоящая деловая критика недостатков в учёбе и дисциплине. Газеты стали пользоваться широкой популярностью среди студентов [Там же, л. 52].

В институте работала большая комсомольская организация, которая насчитывала 1007 членов ВЛКСМ, студенты исторического факультета туда тоже входили. В политико-воспитательной работе она принимала активное участие, помогая партийной организации. Интересно был построен ряд тематических собраний, как например: «Ряды свои оглядывай зорче, все ли комсомольцы на самом деле или только комсомольца корчат!». Студенты-комсомольцы вели большую общественную работу в институте и городе. Они работали с пионерами в школах, лагерях, агитаторами, пропагандистами, являлись внештатными лекторами горкома и обкома ВЛКСМ [3, л. 53].

Большинство студентов исторического факультета показывали прочные, глубокие знания по истории. Основательную подготовку показали студенты первого курса: Тюменцев, Бахаров, Савина, Жуков и другие. Например, студент Тюменцев, отвечая на вопрос о классовой борьбе в начале XVII века, давал обстоятельный анализ причин, вызывающий обострение классовой борьбы, характер и причины поражений. А студенты третьего курса при ответах умело использовали знания и других предметов, таких как философия и экономика [2, л. 187].

Сотрудники кафедры истории утверждали, что учебный план по специальности «История», утверждённый Министерством высшего и среднего специального образования СССР (Минвуз СССР) 15 июля 1951 года № 47/ПВ, был составлен таким образом, что его при всём желании нельзя безупречно выполнить. Поэтому сотрудники кафедры истории СССР предлагали уменьшить количество семинарских часов, изучать науку не вширь, а вглубь, повысить качество семинарских занятий [3, л. 152–153].

Таким образом, в послевоенные годы исторический факультет ЧГПИ постепенно перестраивает свою работу в соответствии с условиями мирного времени. Несмотря на некоторые трудности, были успешно решены вопросы по улучшению организации учебных занятий, повышению качества лекций и семинарских занятий, уровню знаний студентов и организации общественной и политико-воспитательной работы.

Список литературы

1. ГАЗК (Государственный архив Забайкальского края). Ф. Р-177. Оп. 1. Д. 28.
2. ГАЗК. Ф. Р-177. Оп. 1. Д. 75.
3. ГАЗК. Ф. Р-177. Оп. 1. Д. 94.

Е. В. Скрягина,

студент,

Забайкальский государственный университет,

г. Чита, Россия

Введение раздельного обучения в советской школе (на примере учебных заведений г. Читы)

Статья посвящена раскрытию истории введения раздельного обучения в школах СССР. Новый этап в истории школы был вынужденной мерой военного времени, однако закрепился и оставил след в образовании. Рассмотрен пример внедрения такой практики обучения в г. Чите.

Ключевые слова: *раздельное обучение, школа, образование, воспитание, правила*

E. V. Skryagina,

Student,

Transbaikal State University,

Chita, Russia

Introduction of Separate Education in the Soviet School (on the Example of Educational Institutions in Chita)

The article is devoted to the history of the introduction of separate education in schools of the USSR. A new stage in the history of the school was a forced measure of wartime, however, it was fixed and left its mark on education. An example of the implementation of such training practices in the city of Chita is considered.

Keywords: *separate education, school, education, upbringing, rules*

Школьное образование будущих поколений всегда будоражило людские умы. Актуальность темы раздельного обучения обусловлена всё более частым поднятием в научных кругах и среди российской общественности вопроса о возврате советской практики обучения, которая разделила мальчиков и девочек в школах. Сторонники раздельного обучения считают, что такая мера будет способствовать сосредоточиванию внимания школьников на учебном процессе и саморазвитии, не отвлекаясь на противоположный пол. Противники

этой практики выдвигают свой главный аргумент – провал социализации учащихся, которые по окончании школы не получают опыта общения со сверстниками, сформировав однобокое мировоззрение. Также они утверждают, что за основу раздельного образования взяты гендерные роли, согласно которым девочку учат быть хозяйкой и матерью, а мальчика – защитником и кормильцем. Такие гендерные различия практиковались в советских школах, ориентированных больше на мальчиков – будущих строителей коммунизма, роль девочек в образовании уходила на второй план.

Дискуссия только набирает обороты и пока неизвестно, к чему это приведёт в конечном итоге. В нашей же работе мы рассмотрим, как раздельное обучение вводилось в советских школах. Для этого постараемся разобраться в причинах перехода к такой практике обучения, её особенностях, основных проблемах, с которыми столкнулась система образования при её реализации. Подробнее остановимся на опыте введения раздельного обучения в Читинской области, именно в городе Чите. Статья основывается на материалах Государственного архива Забайкальского края [1; 2], законодательных источниках [7; 8] и научных статьях [3–6]. Всё это позволит нам обрисовать контур и без того сложной картины раздельного обучения.

Великая Отечественная война внесла изменения абсолютно во все сферы деятельности человека. Без коррективов не осталась и система образования, в которой в военные и послевоенные годы прошёл ряд преобразований. Большое значение дал опыт реализации раздельного обучения в школах, имеющий свою начальную точку – 1943 г. Однако истоки советского раздельного обучения относятся к дореволюционным мужским и женским гимназиям. Можно сказать, что советская власть позаимствовала дореволюционный опыт раздельного обучения, от которого в 1918 г. отказалась. Что же послужило причинами такого перехода? Изначально большевики были против раздельного обучения, поскольку оно формирует неравенство женщин и мужчин, что необходимо уничтожить на корню. Тем самым партия хотела осуществить общедоступность среднего образования и демократизацию школы. Перед началом Великой Отечественной войны правительство решило, что равенство достигнуто во всех сферах жизнедеятельности общества, поэтому можно вернуть раздельное обучение, ведь совместное ста-

ло создавать некие затруднения. Начавшаяся война отсрочила этот переход [4; 5].

Итак, причины введения в школах отдельного обучения объяснялись отрицательными особенностями совместного обучения, в частности затруднениями в учебно-воспитательной работе с учениками, особенностями физического развития детей, которые не рассматривались в полной мере. Девочки и мальчики школьного возраста оказывались неподготовленными к труду и всякой деятельности, основанной на практике. Все эти отрицательные стороны стали создавать непростую ситуацию, усугубленную войной, поэтому введение отдельного обучения стало вынужденной мерой. Постановлением СНК СССР от 16 июля 1943 г. с 1 сентября этого же года вводилось отдельное обучение мальчиков и девочек в 1–10 классах всех неполных средних и средних школ [7].

2 августа 1943 г. были установлены специальные правила для учащихся, утвержденные Постановлением СНК СССР. Всего было 20 правил, которые являлись своеобразным путеводителем для учащихся в школьной жизни. Правила включали главные моменты, регулирующие поведение учеников. Согласно им, от школьников требовалось внимание, дисциплина, настойчивость, уважительное отношение к старшим, избавление от вредных привычек, опрятность и поддержка чистоты, умение дорожить честью своей школы, слушать своих родителей и помогать им [8]. В каждой школе за соблюдением правил следил педагогический коллектив, который обязывался вовремя предпринимать все необходимые меры по искоренению любого проявления нарушений. На деле же правила неоднократно нарушались из-за пренебрежения ими со стороны учащихся. Больше всего нарушений было выявлено в мужских школах. Здесь нарушения могли быть абсолютно разных типов: драки, прогулы, посещение школы в непристойном виде, несоблюдение правил чистоты. В женских школах с дисциплиной дело обстояло лучше, но возникали несколько другие проблемы, которые не были затронуты в правилах поведения учащихся. Девочки часто замыкались в себе, тем самым отрывались от общественной жизни [6].

Таким образом, девочки встретили отдельное обучение с опаской, им требовалось время, чтобы привыкнуть к новым условиям обучения. Мальчики же не испытывали особого дискомфорта, достаточно быстро и легко приняли эту ситуацию как данность.

Естественно, что введение отдельного обучения не обошло стороной все административно-территориальные единицы СССР. Новая практика обучения и правила поведения для учащихся получили реализацию и в Читинской области. Это было также обусловлено необходимостью улучшения допризывной подготовки юношей.

В указанное время в Читинском районе в основу всей воспитательной работы школ приняты «Правила для учащихся» от 1943 г. С первых же дней после их оглашения учителя и учительские коллективы стали предъявлять учащимся единые требования, проводили с ними беседы с целью воспитания добросовестного отношения к занятиям, формированию хороших привычек, культурного обращения, вежливости, правдивости и чувства долга перед Родиной. Впрочем, таких усилий оказалось недостаточно, новые правила нарушались, был ощутим разрыв в поведении учащихся в школе и вне её, особенно в мужских школах, которых в Чите изначально работало шесть, а за весь период отдельного обучения насчитывалось девять. К ним относились школы, имеющие порядковые номера: 3, 5, 7, 11, 12, 18, 19, 39, 42 [2, л. 28–29].

В мужских школах были зафиксированы следующие нарушения: массовые опоздания и прогулы без уважительной причины, мальчики со старшими учащимися не здоровались, в общении друг с другом употребляли нецензурные слова, имели вредную привычку – курение во дворе школы и вне неё. Внешний вид мальчиков зачастую был неопрятен и оставлял желать лучшего, чистота школьных кабинетов не поддерживалась [1, л. 104–107].

Значительно лучше дело обстояло в женских школах, которых в Чите сначала работало восемь, затем десять. Согласно порядковым номерам, это школы: 1, 4, 6, 8, 9, 10, 26, 28, 43, 47 [2, л. 28–29]. Несмотря на то, что разрыв в поведении девочек в школе и за её пределами был менее ощутим, но всё же имелись свои нарушения. Девочки разговаривали на уроках, опаздывали на них, но прогулы допускали редко. Удалось зафиксировать случаи только личной неопрятности в костюме и неприведение в порядок волос. Не во всех школах были отмечены негативные моменты в привитии правил учащимся. Образцовыми считались школы Ингодинского района города Читы. Здесь школьники выглядели всегда опрятно одетыми, вежливыми, систематически выполняли домашние задания, активно участвовали в общественной жизни школ [1, л. 108].

Обстановка, в рамках которой было введено раздельное обучение, была крайне тяжёлой. Во время Великой Отечественной войны многие студенты и учителя, как и вся страна, вносили свой вклад в Победу. Читинские учителя ездили в те районы, где наблюдался недобор педагогических работников, оказывая посильную помощь в организации учебного процесса. Во многом благодаря учителям в Читинской области реализовывались законодательные постановления в сфере образования. Читинские учителя зачастую сталкивались с жилищными проблемами, пытались ликвидировать безграмотность в рядах учащихся, повышали свою профессиональную квалификацию, работая на благо Родины [3].

В завершении хочется сказать о неоднозначности оценки раздельного обучения в советских школах. Воплощение данной практики в жизнь имело вынужденную меру, определяемую военным временем. Так, тяготы войны отразились на всей системе образования. Подавляющее большинство школьников было не готово подстроиться под новые условия обучения, правила поведения в школе. Читинские школы сталкивались с теми же проблемами, что и большинство школ СССР. Это и нарушение установленных правил, нахождение значительного контингента детей школьного возраста вне школы, малограмотность и безграмотность среди учеников, неукомплектованность педагогическим составом.

Итак, в наше время дискуссия о возврате раздельного обучения вновь разгорается. Мы не можем сказать, что введение этой практики будет нецелесообразным. В основу необходимо заложить понимание того, что раздельное обучение – это не гендерное образование, основанное на различии мужского и женского полов. Раздельное обучение предполагает гармоническое развитие личности ученика, учитывающее его интересы и способности. Каждый школьник и его родители вправе сами решать, где получать образование. Если учесть ошибки прошлого и незамедлительно решать возникшие проблемы, тогда идею раздельного обучения не стоит отвергать.

Список литературы

1. ГАЗК (Государственный архив Забайкальского края). Ф. П-1855. Оп. 19. Д. 4.
2. ГАЗК. Ф. Р-17. Оп. 1. Д. 533.
3. Гениатулин Р. Ф. Забайкальский ракурс истории развития науки и образования / Р. Ф. Гениатулин [и др.] // Малая энциклопедия Забайкалья:

Наука и образование: в 2 ч. Ч. 2. А–Н. / гл. ред. Р. Ф. Гениатулин. – Новосибирск: Наука, 2011. С. 35–37.

4. Говоров Н. П., Силкина В. А. Историко-педагогические предпосылки раздельного обучения в СССР. Текст: электронный // Январские педагогические чтения. 2015. № 1. С. 109–111. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25925033> (дата обращения: 24.10.2020).

5. Гончарова Г. Д. Период раздельного обучения в СССР в 1943–1945 гг. и его отражение в литературе и кинематографе. М.: ВШЭ, 2013. 28 с.

6. Данилова С. А. Мужские и женские школы в годы войны (анализ устных воспоминаний ветеранов). Текст: электронный // Иднакар: методы историко-культурной реконструкции. 2016. № 51. С. 241–267. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27701083> (дата обращения: 25.10.2020).

7. Постановление СНК СССР от 16 июля 1943 г. Текст: электронный // Отечественная и зарубежная педагогика. 2015. № 2. С. 66–92. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23660930> (дата обращения: 17.10.2020).

8. Постановление СНК СССР от 2 августа 1943 г. Текст: электронный // Отечественная и зарубежная педагогика. 2015. № 2. С. 66–92. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23660930> (дата обращения: 18.10.2020).

УДК 341.33(571.54/.55)(091)

В. А. Шаламов,
канд. ист. наук, доцент,
Иркутский государственный университет,
г. Иркутск, Россия

Деятельность Российского общества Красного Креста в Забайкалье в 1920-е годы

Отмечено, что в 1922 г. в Забайкалье появляется уполномоченный Центрального комитета Российского общества Красного Креста, который в течение последующих лет развернул ряд профилактических мероприятий, способствующих охране народного здоровья.

Ключевые слова: *Российское общество Красного Креста, РОКК, история медицины, история здравоохранения*

V. A. Shalamov,
*Candidate of Historical Sciences, Associate Professor,
Irkutsk State University,
Irkutsk, Russia*

Activities of the Russian Red Cross Society in Transbaikalia in the 1920-s

In 1922, an authorized representative of the Central Committee of the Russian Red Cross Society appeared in Transbaikalia, who, over the next years, launched a number of preventive measures to help protect public health.

Keywords: *Russian Red Cross Society, RRCS, history of medicine, history of healthcare*

В 1920 г., накануне захвата Забайкалья большевиками, в регионе действовало несколько организаций Российского общества Красного Креста (РОКК). С фронта было эвакуировано три госпиталя, которые расквартировали в Восточном Забайкалье. В Чите и Верхнеудинске существовали на автономных началах общины сестёр милосердия, обслуживавшие все медицинские учреждения по их заявкам [2, с. 107–110]. Местные лазареты Красного Креста в Чите на 130 коек и в Верхнеудинске на 150 коек были преобразованы с 1918 г. в военно-хирургические лазареты [7, л. 190 об.]. Это были первоклассные по тому времени учреждения, оснащённые рентгенами, хирургическими инструментами и хорошо подготовленным персоналом. Кроме того, в ходе Великого Сибирского Ледяного похода в Забайкалье в составе войск В. О. Каппеля явилось некоторое число учреждений Красного Креста, но об этом имеются весьма разрозненные сведения.

В Советской России из-за конфронтации с властями декретом от 4 января (по другим данным 6 января) 1918 г. имущество Красного Креста подлежало конфискации, а организация – реформированию. Наконец, 7 августа 1918 г. вышло постановление СНК РСФСР, согласно которому РОКК сохранялся в качестве общественной организации, оказывающей помощь армии во время военных действий и населению в период стихийных бедствий [3, с. 15–24]. Однако фактически он концентрировался на помощи армии, военнопленным и инвалидам.

В ходе военных действий в Забайкалье была установлена Дальневосточная республика (ДВР). В её управлении предусматривалось министерство здравоохранения, контролировавшее и гражданские и военные учреждения. По усмотрению министра решалась судьба всех попавших в его распоряжение краснокрестовских учреждений и имущества. В конечном итоге сёстры милосердия были прикомандированы к военным и гражданским медицинским организациям, а общины распущены. Госпитали и лазареты оказывали помощь войскам ДВР. Имущество оказалось расплывлённым по различным лечебным учреждениям и организациям социального обеспечения. Деятельность Красного Креста практически перестала осуществляться.

Голод в Поволжье в 1921 г. оживил работу РОКК в центральной России. Территория ДВР была включена в общую сеть краснокрестских организаций лишь в ноябре 1922 г. Тогда в связи с демобилизацией армии на гражданскую службу переходит значительное число медработников. Именно в это время был организован Дальневосточный округ РОКК, с Центральным управлением в Чите (с 1925 г. в Хабаровске) и районными в Верхнеудинске (ныне Улан-Удэ), Хабаровске, Благовещенске, Владивостоке, Харбине и на Камчатке. ЦК РОКК назначил своего уполномоченного А. Г. Степанова-Бродского. В последующем формируются подрайоны в Борзе, Нерчинске, Сретенске и Петровском Заводе. Кроме уполномоченного в штат входил его заместитель (совмещал должность старшего врача лазарета) и технический работник по взиманию сборов. Техническим аппаратом являлась канцелярия лазарета. Все работники работали безвозмездно, получая содержания по основному месту работы [5, л. 112].

Первое время шла работа по восстановлению прежних учреждений Красного Креста и организации доходных предприятий. Удалось добиться процентных отчислений от продажи железнодорожных билетов и гослотереи. Велась активная агитация в члены РОКК. С этой целью обращались к военным, профсоюзным, общественным коллективам, органам здравоохранения, партийным и комсомольским организациям и т. д. Осуществлялся сбор членских взносов, что также давало некоторую прибыль. Если в 1923 г. по всему округу числилось 25 коллективных членов и 180 индивидуальных с общей суммой членских взносов 1931 р. 28 к., то в 1926 г. 20 учреждений, 8000 индивидуальных членов, 152 ячейки. Только

от одного Дальбанка было произведено пожертвований на 2000 р. [8, с. 9–11]. За время существования райуполномоченного РОКК по Забайкальской губернии в кассу поступило 5034 р. 94 к. Из них: 3841 р. 75 к. от театрального сбора, 1031 р. 72 к. от продажи пассажирских билетов, 361 р. 97 к. от членских взносов и отчислений [5, л. 117].

Красный Крест через свои ячейки и уполномоченного производил активную пропагандистскую работу с целью сбора пожертвований и вербовки новых членов. Средства в основном шли в Центральный Комитет РОКК. В местной печати появляются небольшие публикации, разъясняющие цели общества и примеры конкретной полезной деятельности. Проводились лекции и беседы в Доме санпросвета, избах-читальнях, библиотеках. Не забывали и о санитарном просвещении. Красный Крест на свои средства издал ряд брошюр и плакатов на русском, бурятском, китайском и корейском языках – «Азбука матери», «Памятка пионера», «Служба здоровья», «Туберкулёз» и др. [9, с. 20].

Практически все 1920-е гг. шла борьба за возвращение имущества Красного Креста, вывезенного за рубеж. Кроме того, удалось собрать то, что было разбросано по всему Дальнему Востоку. Это имущество подлежало распределению. Значительная его часть была передана органам здравоохранения, особенно в сельской местности. Остальное подлежало реализации на рынке.

От военно-санитарного ведомства были приняты лазареты в Чите и Верхнеудинске, каждый на 50 койек. ЦК РОКК потребовал ведения дел на основе жёсткого хозрасчёта. Первые два года удавалось не только сводить концы с концами, но и получать небольшую прибыль. В среднем, не смотря на платный приём, суточное наличие больных в лазарете составляло 45 человек. Лазареты специализировались на оказании хирургической и оперативно-гинекологической помощи. Пока Читинской губздрав и наркомздрав Бурят-Монголии не имели соответствующих служб, это спасало. Читинский лазарет (И. Е. Розенцвейг) обслуживал больных страховых касс Читы и Черновских копей. Три койки для страховиков были бесплатными. Ещё три койки бесплатно отдавали Дальздраву. Верхнеудинский лазарет (А. Г. Гурьянов, П. А. Загваздин) обслуживал больных по направлению губздрав и страховой кассы, а также военного ведомства (15 мест, из них 5 платные). За первую половину 1923 г. общее число койко-дней равнялось 10800, за это время произведено

обоими лазаретами 320 операций [9, с. 67]. Однако в 1924 г. возник кризис. В Чите была открыта Ленинская больница, принимавшая в значительной степени бесплатно. В результате страховики, составлявшие 79% загрузки лазарета и 82% его доходности, ушли от лазарета Красного Креста. В сутки загруженность падает до 20–22 чел. Учреждение стало дефицитным [5, л. 115]. В связи с развитием стационарной сети в Верхнеудинске, там также складывается неблагоприятная ситуация. В силу этого ЦК РОКК стал требовать закрытия этих стационаров. Это перекликалось и с переходом политики Красного Креста от стационарно-лечебной к профилактической медицине. В это же время наркомздрав Бурят-Монгольской республики А. Т. Трубачеева в связи с превращением Верхнеудинска в столицу республики, предложил передать местный лазарет РОКК в его ведение, поскольку теперь требовалось оказывать помощь не только городскому, но и сельскому населению. Совнарком БМАССР поддержал наркома и обратился с ходатайством во ВЦИК РСФСР, который своим постановлением от 4 августа 1924 г. передал лазарет на госбюджет и преобразовал в областную больницу [1, с. 101–102]. Читинский лазарет был передан Красным Крестом Забайкальскому губздраву и в марте 1925 г. в его стенах была открыта детская консультация с молочной кухней. За год её деятельности она пропустила 1715 детей и сыграла крупную роль в пропаганде идей охраны материнства и младенчества. Матери впервые стали носить туда детей не только для лечения, но и для обучения уходу за новорождёнными. Врач консультации посещал детей на дому, помогая организовать безопасную зону для жизни ребёнка. Молочная кухня выдала за год свыше 25 тыс. питательных смесей, что способствовало понижению детской смертности в городе. Также в 1926 г. была открыта совместно с дорздравом детская больница на 25 коек. Из них 5 мест были бесплатными [8, с. 16]. Таким образом, РОКК лишился стационаров и перешёл к новым методам работы.

Собственно на съезде работников РОКК в 1924 г. были взяты за основы новые принципы работы, чтобы не создавать параллели с органами наркомздрава. Главными целями становятся: борьба с социальными болезнями (туберкулёз, трахома, малярия, венерические болезни), работа по охране материнства и младенчества, организация и обслуживание службы здоровья юных пионеров, помощь нацменам, помощь армии во время войны и населению во время стихийных бедствий.

РОКК с середины 1920-х гг. стал осуществлять систематическое наблюдение за здоровьем пионерских организаций. Все отряды старались обеспечить аптечками, ребята проходили санкурсы «Служба здоровья», регулировалась постановка физкультуры. По показаниям врачей нуждающихся отправляли на курорты и санатории. В 1929 г. РОКК перечислил на содержание лагеря-санатория в Шиванде 8 тыс. руб. (общие дотации лагеря 13370 руб.) [4, л. 174]. Небольшие средства также выделялись на организацию сельских ясель.

Значительное внимание привлекала борьба с социальными болезнями. Периодически проводились недельники, трехдневники и прочие мероприятия, призванные привлечь внимание общественности к этим заболеваниям. Читались лекции, проводились сборы денег, осуществлялась диспансеризация. В регионы населённые нацменами отправлялись врачебно-обследовательские отряды для выяснения условий жизни и труда автохтонного населения, санитарного просвещения и лечения. В 1923 г. такой отряд (врач, лекпом и санитар) был подготовлен на средства РОКК и Комитета помощи голодающим и отправлен в Бурятскую автономную область [9, с. 68]. В 1925–1928 гг. Комитет Севера совместно с Красным Крестом организовал летучие отряды к эвенкам Витимо-Каренгского туземного района Сретенского округа и Баунтовского района Бурят-Монголии [1, с. 106]. Они помогали выявить очаги социальных болезней, проводили профилактику и санпросветработу. Как правило, их появление на несколько лет предвещало появление лечебного заведения наркомздрава.

Конечно, проводилась и внеплановая работа, требовавшая значительного внимания. В Чите в детской больнице в 1925 г. при помощи Красного Креста был приобретён рентген аппарат. При организации химико-бактериологической лаборатории в Чите в том же году РОКК выделил из средств бывшего лазарета 694 руб. [6, л. 305]. Красный Крест производил подготовку медицинских сестёр, когда в этом имелась настоятельная нужда. Так, в 1929 г. в БМАССР 27 девушек успешно окончили курсы, организованные РОКК и отправлись в районы республики [1, с. 110]. Мероприятия Красного Креста этим списком не завершаются, но и этого достаточно, чтобы понять насколько полезной для общества оказалась деятельность данной организации.

Список литературы

1. Батоев Д. Б., Батоев С. Д., Дугоржапова Т. Д. История здравоохранения Бурятии (конец XVIII в. – 1960-е гг.). Улан-Удэ: Бур. кн. изд-во, 2004. 262 с.
2. Батоев С. Д. Читинская и верхнеудинская общины сестёр милосердия в истории здравоохранения Забайкалья // Quantum Satis. 2017. № 1 (3–4). С. 107–115.
3. Бюньон Ф. Международный Комитет Красного Креста и Советский Союз (1917–1991): пер. с фр. 2-е изд. М.: Международный Комитет Красного Креста, 2000. 96 с.
4. ГАЗК (Государственный архив Забайкальского края). Ф. Р-623. Оп. 1. Д. 3.
5. ГАЗК. Ф. Р-1393. Оп. 1. Д. 76.
6. ГАЗК. Ф. Р-1393. Оп. 1. Д. 141.
7. ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. Р-1845. Оп. 1. Д. 98.
8. Степанов-Бродский А. Г. Красный Крест на Дальнем Востоке. Хабаровск: [б. и.], 1926. 28 с.
9. Труды I Дальневосточного совещания заведующих губернскими и транспортными отделами здравоохранения. Чита: Издание Дальздрава, 1923. 160 с.

УДК 908

К. А. Шеломенцева,
студент,
Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия

Организация работы пионерских лагерей в Карымском районе Читинской области в 1944 году

Рассмотрена организация работы пионерских лагерей в годы Великой Отечественной войны. На примере Карымского района Читинской области показаны особенности отдыха детей. Описаны этапы организации работы лагеря: от выбора места и сбора средств до составления плана воспитательной работы.

Ключевые слова: пионерский лагерь, Карымский район, Великая Отечественная война, воспитательная работа, дети

*K. A. Shelomentseva,
Student,
Transbaikal State University,
Chita, Russia*

Organization of Work of Pioneer Camps in the Karymsky District of the Chita Region in 1944

The article is devoted to the organization of work of pioneer camps during the great Patriotic war. On the example of the Karymsky district of the Chita region, the features of children's recreation are shown. The author talks about the stages of organizing the camp: from choosing a place and collecting funds to drawing up a plan for educational work.

Keywords: *pioneer camp, Karymsky district, Great Patriotic war, educational work, children*

В годы Советской власти массовой формой летнего отдыха детей были пионерские лагеря под руководством комсомольских и пионерских организаций [4, с. 477]. Учащиеся в лагерях не только отдыхали, но и занимались общественно-полезным трудом, что было характерно и в годы Великой Отечественной войны. Активно в них разворачивалась тимуровская работа, шефство над госпиталями (в том числе организация творческих вечеров), сбор лекарственных трав [1, с. 121].

В 1944 г. в Карымском районе Читинской области велась подготовка к летнему сезону. До 10 апреля 1944 г. была сформирована районная оздоровительная комиссия, в которую вошли: заместитель председателя исполкома, секретарь РК ВЛКСМ, представители от отдела народного образования, здравоохранения и отдела торговли. Утверждённая группа занималась организацией сбора средств на летнюю оздоровительную кампанию [3, л. 10]. Формирование фонда проходило неудовлетворительно, не выполнялись нормы, средства задерживались в кассах первичных организаций. Например, сбор при Карымской школе был выполнен менее чем на 50%, а кооперативная первичная комсомольская организация вовсе не выделила средств. За невыполнение плана до 1 июня к организациям принимались меры принудительного взыскания и наказания (вплоть до исключения из комсомола) [2, л. 38].

Пионервожатые проходили обязательную процедуру утверждения. В 1944 г. ими стали Полякова (старшая), Васеева, Шипицина и Зинова и другие, а также Мокрецова и Угловская, которые направлялись на работу в лагеря г. Иркутска. Был проведён обучающий семинар для работников детских лагерей и оздоровительных площадок. Им сообщили о направлениях и формах работы с детьми, были проведены мастер-классы. Направления семинара: политическое воспитание, военно-физкультурная подготовка, лечебная и санитарная работа, общественно-полезная, натуралистическая, организация туризма [3, л. 24].

Организованная комиссия занималась определением и расположения пионерских лагерей. До 1 мая были выбраны необходимые помещения, проведён в них ремонт, дезинфекция и оборудование. Обеспечение лагерей кроватями, посудой, хозяйственным инвентарём возлагалось на комсомольские и профсоюзные организации, допускалось изготовление игрового, хозяйственного инвентаря пионерскими отрядами.

Отдых в пионерском оздоровительном лагере в условиях войны в первую очередь полагался детям фронтовиков, а также нуждающимся по состоянию здоровья. Списки были сформированы до 15 мая [Там же, л. 10].

Предлагался примерный режим в пионерском лагере. В зависимости от местных условий допускалось внесение изменений, при этом продолжительность сна и отдыха, количества приёмов пищи не должны были уменьшаться. Примерный режим выглядел так:

7:00 – подъём;

7:10–7:30 – зарядка;

7:30–7:50 – уборка в комнатах;

7:50–8:00 – линейка, подъём флага;

8:00–8:30 – завтрак;

8:30–11:30 – общественно-полезная работа (сбор лекарственных трав, дикорастущих плодов и ягод, работа на подсобных хозяйствах и огородах лагерей);

11:30–12:30 – оздоровительные процедуры (солнечные ванны, обтирания, душ, воздушные ванны, купание);

13:00–13:30 – обед;

13:30–13:45 – подготовка к отдыху;

13:45–15:15 – послеобеденный отдых;

15:15–15:30 – уборка в комнатах;

15:30–15:50 – полдник;

16:00–18:00 – занятие детей с педагогами, работа военно-физкультурных, рукодельных и самодеятельных кружков. Сборы пионерских звеньев, отрядов и экскурсии;

18:00–19:00 – общественно-полезная работа, самообслуживание;

19:00–19:30 – ужин;

19:30–21:30 – вечера самодеятельности, костры;

21:30–21:45 – линейка, спуск флага [3, л. 6].

Был регламентирован и список необходимых вещей для каждого ребёнка. В него входили, помимо сменной одежды, постельное бельё (подушка, одеяло, наволочки, простыни), предметы санитарии и гигиены (полотенце, мочалка, зубная паста, мыло, зубной порошок, мешок для белья), посуда (тарелка, кружка, ложка, вилка), а также блокнот, карандаш, открытки, бутылка или фляга для воды [Там же, л. 8].

Помимо организации хозяйственной части, установления регламента работы лагеря, прилагался и план воспитательной работы, который соответствовал задачам обеспечения здорового отдыха детей, их военно-физической подготовки, расширению круга их знаний и практических умений. Таким образом, определялись пять направлений работы.

В первую очередь проводилась политико-воспитательная работа, которая включала в себя проведение бесед на патриотические темы (герои Отечественной войны, партизаны, полководцы, дети – участники борьбы с немецкими захватчиками), организовывались экскурсии, создавались боевые листки. Это было особенно актуально в условиях Великой Отечественной войны. Не забывали и о политической работе, изучались биографии В. И. Ленина и И. В. Сталина, читали газеты и журналы, выпускались стенгазеты и т. д. [Там же, л. 16].

Особо важной была общественно-полезная работа, этого также требовали условия войны. Ребята занимались сбором и заготовкой хозяйственно-ценных, витаминных и лекарственных средств, технического сырья, дикорастущих плодов, грибов, ягод. Эта работа определялась как основная на время пребывания пионеров в лагере [Там же, л. 17]. На 1944 г. для Карымского района был установлен план по сбору дикорастущих растений, в реализации которого принимали участие школьники, находясь в пионерских лагерях (см. таблицу) [Там же, л. 3].

План сбора дикорастущих растений по Карымскому району на 1944 г.

От потребсоюза, кг							
Спорынья	Черёмуха	Берёзовая почка	Шиповник	Медвежья желчь	Грибы солёные	Грибы сухие	Ягода
5	40	3	300	2	50	2	150
От самоуправления							
Берёзовая почка	Шиповник	Термопсиса трава	Ландыш	Корень календулы	Кровохлёбка	Ревень	Термопсиса стручки
15	290	200	30	3	50	10	7

Говоря об общественно-полезной работе, следует упомянуть и о сельскохозяйственном труде (в ближайшем колхозе, совхозе, либо на участке при лагере). Сюда же относилось самообслуживание или ручной труд (уборка территории лагеря, дежурство в столовой, изготовление игрушек и т. п.), а также оказание помощи семьям фронтовиков (мелкий ремонт, уборка помещений, заготовка топлива, работа на огороде).

Культурно-массовое направление включало организацию кружков, проведение праздников открытия и закрытия лагеря, вечеров самодеятельности, конкурсов лучшего певца, чтеца, танцора, организация выставок художественного и технического творчества и выступление художественной самодеятельности в колхозах, совхозах, воинских частях, госпиталях. Данное направление осталось актуальным для детских лагерей и на современном этапе.

Ещё одной составляющей являлась натуралистическая и туристическая работа, проведение которой в современных лагерях более проблематично, учитывая множественные требования по безопасности. В 50-е гг. XX в. организовывалось множество экскурсий в колхозы, совхозы, туристические походы. Детей учили ориентировке на местности, вырабатывали умение подготавливать походное снаря-

жение, приготавливать пищу на костре, оказывать первую медицинскую помощь. Пионеры изучали на практике такие географические понятия как «гора», «русло», «приток», «правый и левый берег», «озеро», «болото», «остров» и т. д. Существовали и определённые условия при организации походов: количество детей не должно превышать 20–25 человек, перед большим походом (8–10 часов), следует провести один полуденный (4–5 часов) [3, л. 17].

Конечно, уделялось внимание и военно-спортивной работе. Обязательной была ежедневная зарядка, организовывались звеньевые, отрядные спортивные занятия, проводилась и общелагерная военизированная игра как итоговое мероприятие и заключительный общелагерный праздник – смотр достижений по военно-спортивной работе [Там же, л. 18].

На время проведения лагерной смены обязательно выделялось отдельное помещение под пионерскую комнату. Оформляли её вожатые совместно с пионерами, к данному делу подходили ответственно, каждый старался внести свой вклад. Назначались дежурные, которые выдавали необходимый инвентарь ребятам и следили за порядком в комнате [Там же, л. 19].

Летний детский отдых во все времена был востребован и пользовался спросом, как среди родителей и организаций, так и среди самих школьников. Пионерские лагеря организовывались всеобщими усилиями. Следует отметить, что они выполняли не только развлекательную функцию, но и проводили значительную воспитательную работу, важное место в которой занимала общественно-полезная функция, особенно необходимая в условиях Великой Отечественной войны.

Список литературы

1. Верхотина А. Ф., Константинов А. В., Бусоедова Т. А., Окунева Н. И. Пионерское движение // Малая энциклопедия Забайкалья. Наука и образование: в 2 т. / гл. ред. Р. Ф. Гениатулин. Новосибирск: Наука, 2011. Т. 2. С. 120–123.
2. ГАЗК (Государственный архив Забайкальского края). Ф. П-1168. Оп. 1. Д. 1А.
3. ГАЗК. Ф. П-1168. Оп. 2. Д. 16.
4. Скиданова Л. А., Тарасова Е. Ю. Лагеря летнего детского оздоровительного отдыха // Малая энциклопедия Забайкалья. Наука и образование: в 2 т. / гл. ред. Р. Ф. Гениатулин. Новосибирск: Наука, 2011. Т. 1. С. 476–478.

УДК 378 (571.55)

О. А. Яремчук,
*канд. ист. наук, доцент, зав. кафедрой истории,
Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия*

Д. Ю. Батаев,
*магистрант,
Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия*

**Основные вопросы деятельности Читинского
государственного педагогического института в 1941 году
(по протоколам заседаний Учёного совета)***

В статье на основе протоколов заседаний Учёного совета Читинского государственного педагогического института обозначены основные вопросы деятельности вуза в 1941 году: организация массовой военно-оборонной работы, обеспечение качественной подготовки кадров, улучшение учебно-воспитательного процесса и др.

Ключевые слова: Читинский государственный педагогический институт, Учёный совет, преподаватели, студенты

О. А. Yaremchuk,
*Candidate of Historical Sciences, Associate Professor,
Head of the Department,
Transbaikal State University,
Chita, Russia*

D. Yu. Bataev,
*Master's Student,
Transbaikal State University,
Chita, Russia*

**Main Issues of Activity of the Chita State Pedagogical
Institute in 1941 (According to the Protocols of Meetings
of the Academic Council)**

In article on the basis of the protocols of meetings of the Academic Council of the Chita state pedagogical Institute, outlines

---

* Исследование выполнено в рамках гранта № 296-ГР Совета по научной и инновационной деятельности ЗабГУ на тему «Высшее педагогическое образование в Забайкалье: история и современность».

the core issues of the University in 1941: the organization of mass military and defense work, providing quality training, improving the educational process, etc.

Keywords: *Chita state pedagogical Institute, Academic Council, teachers, students*

На современном этапе в системе высшего образования России происходит целый ряд изменений. Они касаются и Забайкальского государственного университета (ранее – Читинского государственного педагогического института (ЧГПИ)). Можно отметить, что, как и сейчас, так и в первые годы существования Читинского пединститута, в его структуре функционировал Учёный совет, представительный орган образовательного учреждения, осуществляющий общее руководство высшим учебным заведением. В настоящей статье поставлена следующая цель – на основе протоколов заседаний Учёного совета ЧГПИ, отложившихся в фонде Р-177 Государственного архива Забайкальского края, проанализировать основные вопросы деятельности Читинского государственного педагогического института в 1941 году.

Отдельные аспекты истории ЧГПИ в годы Великой Отечественной войны были представлены в работах ряда авторов (Г. А. Баркин, Т. А. Константинова, Я. В. Кулакова, М. А. Лобода, М. В. Пряженникова и др.) [1; 3–7]. Однако обозначенные в статье вопросы не получили достаточного отражения в указанных исследованиях.

Исходя из протоколов Учёного совета, на его заседаниях присутствовали следующие члены совета: А. В. Поярков, Н. А. Каслов, В. И. Фомин, Б. В. Кондриков, Н. И. Зими́на, Е. П. Холодовский, М. А. Масалов, В. Г. Изгачёв, М. М. Фишер, Н. А. Замошникова, А. Д. Плотникова, Е. М. Куш, И. Н. Серёгин, В. Л. Копп и др.

Начавшаяся война, безусловно, существенно повлияла на деятельность Читинского государственного педагогического института, в первую очередь на сокращение численного состава преподавателей и студентов. Например, указывалось, что в 1941 году состав педагогов в вузе насчитывал 25 человек, а на каждого преподавателя приходилось примерно по 5 студентов (всего 130 человек) [2, л. 6, 11 об.].

На заседаниях Учёного совета в рассматриваемый период обсуждались вопросы, касающиеся научных кадров, выполнения про-

грамм, успеваемости, подготовки к сессии, соцсоревнований, организации самостоятельной работы студентов, их бытовые условия и др. В целом комплекс вопросов и их обсуждение ничем не отличалось от ситуации мирного времени.

Исключение составлял вопрос об организации массовой политической работы. Безусловно, он занимал особое место в связи с начавшейся Великой Отечественной войной. Указывалось, что эту работу в текущем году надо осуществлять как военно-оборонную. Ещё ранее было принято решение о том, что работники должны отчислять однодневные заработки, пожертвовать облигациями, провести сбор ценностей и внести их в фонд обороны. Однако, не все преподаватели проявили энтузиазм в равной степени – часть из них не сдали к сентябрю 1941 года облигации, не произвели сбор тёплой одежды и обуви для Красной Армии [2, л. 5].

Помимо сказанного, обращалось особое внимание преподавателей на воспитание у студентов патриотизма. Для этого необходимо было перестроить содержание лекционного материала по ряду дисциплин, а также к 10 ноября 1941 года завершить обучение по противоздушной и противохимической обороне. Ещё об одной действенной мере говорилось в протоколах Учёного совета – об исправлении и укреплении работы общественных организаций (профкома, ВЛКСМ и др.). Необходимо было особое внимание уделить активизации изучения всех видов военно-оборонной работы [Там же, л. 7].

Вопрос о причинах неуспеваемости студентов ставился несколькими членами Учёного совета. Так, В. Г. Изгачёв в качестве такой причины назвал то, что «студенты не работают или мало работают над собой». И эта ситуация, по его мнению, отнюдь не зависела от каких-либо условий [Там же, л. 3]. Е. М. Куш видела причину низкой успеваемости в приёме недостаточно подготовленных абитуриентов: «Люди провалились в других институтах, и пришли к нам, не выдержали испытаний» [Там же, л. 3 об.]. Н. И. Зиминая, согласившись с другими выступающими о причинах неуспеваемости студентов, отметила необходимость осуществления контроля лекций преподавателей.

С вопросом успеваемости тесным образом был связан вопрос о дисциплине студентов, также обозначенный на заседаниях Учёного совета. Например, было замечено, что преподавателям ЧГПИ часто приходится «нянчиться со студентами». Так, В. И. Фомин подчёр-

кивал, что в институте плохая дисциплина «во всех звеньях, все разболтались, и в этом причина нашей плохой работы», студенты не ходят на лекции и семинары, вовремя не приходят на экзамены. Указывалось, что во время занятий обучающиеся ходили в баню, в кино, в парк [2, л. 3 об. – 4 об.]. Многие из них не сдали экзамены [Там же, л. 11 об.]. Решить этот вопрос, по мнению членов Учёного совета, сможет приём в институт людей, которые удовлетворяют всем требованиям при поступлении [Там же, л. 5]. О нарушениях учебной дисциплины сообщал и Косовский: «Одним из источников знаний являются мои лекции по славянскому языку, по грамматике. Например, студентка Келер 2 курса литфака учительского института посещала 2–3 раза, никогда не записывала, заходила, как в гости. Ясно, что мой курс таким студентам не усвоить» [Там же, л. 9].

Членами Учёного совета также сообщалось, что студенты довольно часто нарушали правила внутреннего распорядка. В качестве выхода из сложившейся ситуации предлагалось организовать социалистические соревнования, выработать конкретные показатели, за которые потребовалось бороться в 1941–1942 учебном году. В связи с этим, на следующем заседании Учёного совета (ноябрь 1941 года) было принято решение о начале соцсоревнования за Красное знамя, на что было выделено 200–300 руб. [Там же, л. 12 об.].

Для решения вопроса более эффективной организации учебного процесса на Учёном совете было предложено подготовить читальню на втором этаже института, в общежитии провести диктанты в промежуточных группах. Кроме того, предметом особой заботы должно было стать использование преподавателями на занятиях наглядных пособий помимо «словесно-мелового преподавания» [Там же, л. 13 об.].

Немалая роль в улучшении качества преподаваемых предметов отводилась работе студентов с литературой: педагогам было рекомендовано диктовать им после лекций дополнительную литературу, а в рамках изучения иностранного языка – использовать газеты. Были предусмотрены дополнительные занятия по русскому языку. Весьма серьёзно был поставлен вопрос о соблюдении культуры речи. Было решено систематически и настойчиво требовать от студентов грамотного письма и культуры речи, поскольку они слабо владели языком, делали грамматические ошибки, имели бедный словарный запас (например, не понимали слов «абстрактный», «дифференци-

альный») и др. Однако, увеличить количество часов на психологию в педагогическом институте не позволяли учебные планы [2, л. 14]. Для обеспечения активизации работы студентов на занятиях членами Учёного совета предлагалось использовать также метод опроса в течение 5–7 минут перед лекциями [Там же, л. 10 об. –11].

Важным вопросом, ставшим предметом обсуждения на Учёном совете, – работа заочного сектора. Набор контингента студентов состоялся, однако, важно было принять все меры, чтобы они не были отчислены. ОблОНО обещал даже снимать с работы тех, кто не желал учиться. Для эффективной организации работы заочного сектора нужно было также решить и другие вопросы: пополнить библиотеку, снабдив необходимой литературой (она имела литературу тысяч на 10, а по факту – 1,5–2 тыс.); способствовать улучшению качества выполняемых контрольных работ; обеспечить работу по подготовке к зимней сессии заочников и рассылке им учебников; организовать приём экзаменов у студентов заочной формы обучения в течение всего учебного года и т. д. [Там же, л. 10–10 об.].

Предметом рассмотрения на Учёном совете ЧГПИ в сентябре 1941 года был вопрос о закрытии исторического факультета в связи с уменьшением набора в 1941–1942 учебном году (протокол № 1). В ходе обсуждения по этому поводу высказалось ряд членов совета. Например, Б. В. Кондриков отметил: «На истфак подано 35 заявлений и если не будет набора на истфак, мы этих людей потеряем. Закрытие 1-го курса истфака не в интересах института» [Там же, л. 2 об.]. Того же мнения придерживался и В. Г. Изгачёв: «Если мы не будем иметь приёма на истфак, наш состав убавится на $\frac{1}{3}$ и не получит институт выгоды в финансовом отношении. Если возможно, нужно провести приём и сохранить истфак. В области все эти годы на историков большой спрос и преподаватели истории несут двойную-тройную нагрузку. Петровский Завод, например, просит четырёх историков – наших выпускников» [Там же, л. 3].

На заседаниях Учёного совета был обозначен также вопрос о необходимости перестройки работы со студентами не только в рамках учебного процесса, но и вне лекций и семинаров. Например, Н. А. Каслов предлагал больше за студентами наблюдать и лучше о них знать, ведь многие из них «бьются в материальном отношении», вынуждены ходить на подённые работы. Так, он считал, преподаватели смогут лучше помочь студентам, и это позволит жить «одной семьёй» педагогам с обучающимися [Там же, л. 11 об.].

Важным вопросом стало обсуждение на Учёном совете бытовых условий студентов. Было отмечено, что в институте практически нет заботы об этой стороне жизни студенчества. Обучающимся негде пообедать, нужно также решить вопросы с общежитием и топливом [2, л. 6 об.]. Для этого необходимо обеспечить совместную работу вуза и общественных организаций (комитета РЛКСМ, профкома). Речь шла и о помощи студентов и преподавателей друг другу [Там же, л. 12].

Таким образом, в 1941 году, в первые месяцы Великой Отечественной войны, перед вузом стояли важные задачи по организации массовой военно-оборонной работы, качественной подготовке педагогических кадров и учебно-воспитательного процесса, материального обеспечения и т. п., для чего требовалось решить целый комплекс обозначенных в нормативных актах вопросов. Несмотря на сложности военного времени, Учёный Совет Читинского государственного педагогического института как важный представительный орган осуществлял общее руководство высшим учебным заведением и обеспечивал проведение в жизнь принятых решений.

Список литературы

1. Баркин Г. А. Создание Читинского пединститута // Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический университет. История и современность: 1938–2008. Чита: ЗабГГПУ, 2008. С. 27–28.
2. Государственный архив Забайкальского края (ГАЗК). Ф. Р-177. Оп. 2. Д. 64.
3. Константинова Т. А. Из истории народного образования Читинской области в 1937–1945 гг. // Читинская область в годы Великой Отечественной войны: 1941–1945: сборник документов и материалов / под ред. В. И. Мерцалова. Чита: Экспресс-издательство, 2005. С. 530–536.
4. Кулакова Я. В. Исторические факультеты педагогических вузов Восточной Сибири на этапе становления (1930-е – середина 1950-х гг.) // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2016. № 4. С. 18–24.
5. Лобода М. А. Читинский государственный педагогический институт в годы войны // Чита в годы Великой Отечественной войны: сборник / под ред. В. И. Мерцалова. Чита: Экспресс-издательство, 2015. С. 329–332.
6. Пряженникова М. В. Из истории создания Читинского государственного педагогического института // Приграничный регион в историческом развитии: материалы междунар. науч.-практ. конф., посвящ. Году едине-

ния российской нации и 80-летию высшего педагогического образования в Забайкалье: в 3 ч. Чита: ЗабГУ, 2018. Ч. 1. С. 15–18.

7. Пряженникова М. В. Хозяйственная деятельность Читинского государственного педагогического института в годы Великой Отечественной войны // Учёные записки Забайкальского государственного университета. Серия «Филология, история, востоковедение». 2009. № 3. С. 252–254.

Научное издание

ЗАБАЙКАЛЬЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ

Материалы публикуются в авторской редакции
при участии издательства

Вёрстка С. Я. Непомнящих

Подписано в печать 17.12.2020.

Форм. бум. 60×84/16. Бумага ксерографическая.

Печать цифровая. Гарнитура Times New Roman.

Уч.-изд. л. 8,8. Усл. печ. л. 10.0.

Тираж 50 экз. Заказ № 20205.

ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет»
672039, г. Чита, ул. Александрo-Заводская, 30

